



# сердцеед

НИКТО НЕ  
ГОВОРИЛ, ЧТО ОН  
СВЯТОЙ

ОТ АВТОРА КНИГИ «НАСТОЯЩИЙ»

# КЭТИ ЭВАНС

[https://vk.com/real\\_raw\\_ripped](https://vk.com/real_raw_ripped)

## **Annotation**



# сердцеед

НИКТО НЕ  
ГОВОРИЛ, ЧТО ОН  
СВЯТОЙ

ОТ АВТОРА КНИГИ «НАСТОЯЩИЙ»

# КЭТИ ЭВАНС

[https://vk.com/real\\_raw\\_ripped](https://vk.com/real_raw_ripped)

- 
- - [КЭТИ ЭВАНС](#)
  - [АННОТАЦИЯ](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)
  - [Глава 27](#)
  - [Глава 28](#)
  - [Глава 29](#)
  - [Глава 30](#)
  - [Глава 31](#)

---

**Автор:** Кэти Эванс

**Книга:** Сердцеед

**Оригинальное название:** Manwhore

**Серия:** Сердцеед#1.

**Переводчик:** Иштар

**Редактор:** Devi

**Вычитка:** Иштар, Devi

**Художественное оформление:** Ms.Lucifer

**КЭТИ ЭВАНС**  
**СЕРДЦЕЕД**

## АННОТАЦИЯ

Эту историю я ждала всю свою жизнь, и имя ей - Малкольм Кайл Престон Логан Сент (да-да, Сент, как «Святой»!) Но пусть его фамилия не вводит вас в заблуждение. В этом мужчине нет ничего святого, разве что адское веселье на его вечеринках. Самый горячий предприниматель за всю историю Чикаго, он настоящий мужчина, владеющий слишком большим капиталом и вниманием слишком многих женщин.

Таинственный. Богатый. Легендарный. Всю жизнь пресса вьется вокруг него, выискивая пикантные детали, желая увидеть, реальна ли его сказочная жизнь, или в соцсетях это все обман и ложь. С тех пор, как он стал известен, он очень пристально хранит свои секреты. И вот тут появляюсь я.

Получив задание расследовать Сента и раскрыть его неуловимую личину, я намерена написать о нем историю, которая изменит мою карьеру.

Но я никогда не думала, что он изменит мою жизнь. Шаг за шагом, я начинаю задаваться вопросом, а я ли веду расследование о нем... или это он разоблачает меня.

Что случается, когда мужчина, которого зовут Святым, заставляет вас желать согрешить?



# Глава 1

## РАБОТА МОЕЙ МЕЧТЫ

Этим утром я вошла в офис Хелен, будучи уверенной, что меня уволят. Вообще-то, мое увольнение не входит в обязанности моего босса. Это задача отдела по работе с персоналом. Только вот этот отдел сократили. «Эдж», журнал, для которого я пишу и который люблю с тех пор, как закончила колледж, стоит на краю пропасти.

Три шага внутрь загроможденной комнаты, забитой стопками старых журналов, выпущенных нами и нашими конкурентами, и мой завтрак (кофе с двумя ложками сахара и клубничный джем на цельнозерновом тосте) в желудке превращается в камень.

Даже не отрывая взгляда от папок в руке, Хелен указывает мне на стул напротив своего.

— Рейчел, присядь.

Я тихонько сажусь, и тысяча вещей вертится у меня на языке: я могу работать лучше; я могу работать больше; позвольте мне работать больше, две статьи в неделю вместо одной. Даже: я буду работать бесплатно, пока мы не встанем на ноги.

Мне не по карману работа без оплаты. У меня аренда, я все еще выплачиваю кредит за учебу в колледже, и у моей мамы, которую я очень люблю, проблемы со здоровьем, а страховки нет. Но и работу я тоже люблю. Я не хочу, чтобы меня уволили. Я никогда не хотела ничего другого, только работать там, где сейчас, в это мгновение, пока моя судьба в ее руках.

Вот с такими ощущениями страха и предчувствия приближающейся потери я сижу здесь и жду, когда же Хелен, наконец-то, опустит ту папку и взглянет на меня. И я задумываюсь, когда наши глаза встречаются, станет ли следующей историей, которую я буду рассказывать, то, как она меня уволила.

Я люблю истории. То, как они придают форму нашим жизням. Как они затрагивают людей, которые даже не знают нас. Как они влияют на нас, даже если события происходят не совсем в нашей собственной жизни.

Моей первой любовью стали слова, которые моя мама и бабушка говорили мне о моем отце. Через эти слова я получила то, чего у меня не было в реальной жизни — отца. Я собирала их, объединяла, запоминала



истории, которые из них складывались. Куда он повел мою маму на их первое свидание (в японский ресторан), был ли его смех забавным (был), каким был его любимый напиток (“Dr Pepper”). Я выросла с любовью к этим историям и ко всем фактам и деталям, которые позволили мне представить, хотя бы в воображении, воспоминания об отце, который был рядом со мной всю жизнь.

Моя тетя сказала, что это лишь мечты, когда я рассказала, что хочу, чтобы слова стали карьерой, но моя мама продолжала цитировать мать Пикассо. «Мать Пикассо говорила ему, что, если он вступит в армию, он станет генералом. Если станет монахом, то дослужится до должности Папы Римского. Вместо этого он стал художником, он стал Пикассо. То же самое я чувствую по отношению к тебе. Так что, Рейчел, занимайся тем, что любишь».

«Я бы делала это с большим удовольствием, если бы ты тоже занималась тем, что любишь», — всегда отвечала я, испытывая печаль.

«Я люблю заботиться о тебе», — каждый раз говорила мама. Она прекрасный художник, но никто так не считал, кроме меня и крошечной галереи, которая обанкротилась спустя месяц после открытия. Так что у моей мамы была обычная работа, а ее внутренний Пикассо был вынужден замолчать.

Но она пожертвовала так многим, чтобы дать мне образование и не только. Поскольку я довольно стеснительна с незнакомцами, я не получала особого одобрения со стороны большинства своих преподавателей. Ни один из них не верил, что у меня есть способность и силы для настоящей журналистики, так что я справлялась за счет того единственного, что было у меня — поддержки моей мамы и ее веры в меня.

Я работала на «Эдж» почти два года, сокращения начались больше трех месяцев назад, и мы с коллегами боимся, что станем следующими. Все, включая меня, отдаются на 110 процентов. Но для беспечных коммерческих предприятий этого не достаточно. Похоже, что нет другого способа спасти «Эдж», кроме как значительного капиталовложения, которое не предвидится, или публикации более впечатляющих историй, чем те, которыми мы занимаемся сейчас.

Как только Хелен открывает рот, собираясь заговорить, я с ужасом ожидаю услышать «Мы вынуждены тебя отпустить». Я уже обдумываю историю, идею, которую я могла бы преподнести для своей следующей колонки, что-то смелое, что заставит заговорить о нас и каким-то образом позволит мне продержаться на работе чуть подольше.

— Я думала о тебе, Рейчел, — говорит она. — Ты сейчас встречаешься

с кем-нибудь?

— Э... Встречаюсь с кем-нибудь? Нет.

— Что ж, это именно то, что я хотела услышать! — она откладывает свои бумаги в сторону и достает с полки один из журналов, бросая его на стол между нами. — Видишь ли, у меня есть предложение для тебя. Возможно, оно потребует от тебя немного изменить свои моральные убеждения. В конце, я думаю, ты будешь с лихвой вознаграждена, — она показывает мне старый журнал, печально улыбаясь. — Это был наш первый выпуск. Пятнадцать лет назад.

— Обожаю его! — говорю я.

— Я знаю, ты всегда интересовалась тем, с чего мы начинали. Поэтому ты мне и нравишься, Рейчел, — говорит она, не выказывая ни малейших признаков теплоты. Кажется, просто констатируя факт. — Знаешь, «Эдж» раньше что-то значил. Все эти годы, ранее, мы не боялись нарушать правила, рисковали там, где другие журналы пасовали. Ты кажешься единственной, кто все еще придерживается этого. “The Sharpest Edge” — «Под пристальным взглядом» — рубрика с наибольшим числом комментариев. Ты сосредоточена на трендах и высказываешь свое суровое, истинное мнение. Даже когда люди не согласны с твоим мнением, они уважают тебя за то, что ты делишься им с такой честностью.

— По этой причине, как мне кажется, в моем офисе сейчас ты, а не Виктория, — она вскидывает голову, указывая вне офиса, на мою величайшую соперницу, Викторину, должно быть, занятую на своем рабочем месте.

*Вики.* Помимо меня, она единственная упорно трудится в «Эдж» и каким-то образом всегда преуспевает, обходя меня. Я не испытываю враждебности по отношению к Викторине. И все же складывается ощущение, что проходит какой-то конкурс популярности, на который я не подписывалась. Она всегда выглядит чертовски счастливой, когда Хелен недовольна тем, что я написала, и порой я не могу написать ни слова, просто потому, что волнуюсь, что подумает Виктория.

— Видишь ли, я подумываю прищемить кое-кому хвост. Если мы хотим остаться в деле, становится все яснее и понятнее, что требуется что-то более радикальное. Что-то, что заставит людей заметить «Эдж». Ты со мной?

— Я согласна. Если есть возможность вдохнуть в «Эдж» новую жизнь...

— Мы стали такими жалкими, такими трусами; пишем репортажи с безопасного расстояния, боясь высунуться, боясь нажать на кнопку, чтобы

не взорваться. Мы гаснем. Нам нужно освещать темы, которые пугают нас, завораживают... а никто не восхищает этот город сильнее, чем наши холостяки-миллиардеры. Ты знаешь, о ком я говорю?

— О плейбоях?

Она улыбнулась.

— О худшем их них, — она протягивает другой журнал. Я смотрю на обложку, надпись на которой гласит: «*Святой или Грешник?*»

— Малкольм Сент, — шепчу я.

— Кто же еще.

У человека, который смотрит на меня с обложки, идеальное лицо, прекрасные губы и глаза, зеленее доньшка пивной бутылки. Его улыбка сулит беду. Она как бы говорит, что ему нравится причинять неприятности и что, чаще всего, он выходит сухим из воды. Но есть и какая-то отстраненность, какой-то холод в его взгляде. О да, эти зеленые глаза сделаны из зеленого льда.

— Я слышала о нем, — я признаюсь, начиная нервничать. — Да и кто из живущих в Чикаго не слышал.

«Безжалостный», как о нем говорят.

«Прожженный бабник», говорят они.

И настолько амбициозен, что утер бы нос бы даже Мидасу. О да. Поговаривают, что Сент не успокоится, пока не заполучит весь мир.

— Виктория думает, что ты слишком молода и неопытна, чтобы браться за столь рискованный проект, Рейчел. Но ты одинока, а она нет.

— Хелен, ты знаешь, как сильно мне нравится писать о трендах, но также ты в курсе, что мне очень хочется писать о чем-то более важном, истории о домах людей, о безопасности. Я хочу заслужить эту возможность, и если это и есть мой шанс, тогда я тебя не подведу. Какого рода историю о нем ты бы хотела?

— Разоблачительную статью, — она ухмыляется. — Ту, из которой мы узнаем сочные и пикантные подробности о нем. Я говорю о четырех конкретных вещах. Как ему удастся всегда сохранять спокойствие и держать все под контролем? Что там за история с его отцом? Какую роль в его жизни играют все эти женщины? И откуда у него такая одержимость цифрой «четыре»? Итак, — она хлопает ладонью по столу, привлекая мое внимание, — перейдем непосредственно к сути... Скажем прямо, Рейчел — ты должна попытаться с ним сблизиться. Лги, так сказать, безобидная ложь. Осторожно проникни в его мир. Подобраться к Сенту не просто, потому-то никто до сих пор не нашел ответа даже на один вопрос, не говоря уже обо всех четырех.

Я слушала. Мое любопытство работает в полную мощность. Но кое-что меня смущает. *Ложь. Маленькая безобидная ложь.* Конечно, я иногда обманываю. Я же человек. Я делала хорошие вещи и плохие вещи, но я предпочитаю придерживаться стороны добра. Я дорожу своим сном, покорнейше благодарю. Но именно *этого* шанса я жаждала с тех пор, как поступила в колледж.

— И если Сент захочет поиграть с тобой, — продолжила Хелен, — ты должна быть готова. Возможно, тебе придется подыграть ему в ответ. Ты *сможешь* это сделать?

— Думаю, да, — я отвечаю, выглядя намного более уверенной, чем себя чувствую. Просто я... я не знаю, сколько еще возможностей вроде этой мне представится. Я никогда не смогу перейти к освещению вещей, которые важны для меня, если не приложу всех сил, чтобы быть услышанной. Если не возьмусь за тему, которая так волнует читателей, что способна дать мне голос, который услышат, а я очень, очень хочу этот голос.

— Думаешь, ты можешь сделать это? Или... — она смотрит в сторону.

Нет. Я не могу позволить Виктории заполучить эту статью. Я не могу отступить. На самом деле, это настолько принципиально, что я не сдвинусь с места.

— Я сделаю это. Я способна. Я хочу хорошую историю, — заверяю я Хелен.

— Мы всегда можем подождать, и найти тебе другую хорошую историю, Рейчел, — говорит она, теперь играя адвоката дьявола.

— Я сделаю это. Теперь *он* — моя история.

— Он — история всего Чикаго. Он любимец Чикаго. С ним нужно обращаться осторожно.

— Он — это история, которую я хочу рассказать, — заверяю я ее.

— Это я и хотела услышать, — она смеется. — Рейчел, ты просто прелесть. Ты хорошенькая. Ты смешная и ты тяжело трудишься, ты отдаешь всю себя, но все, ради чего ты живешь, настолько наивно. Ты здесь вот уже два года, еще даже не закончив колледж, ты уже достигла цели. Но ты все еще юная девушка, играющая в мире для взрослых. Ты слишком молода, чтобы знать, что есть особые правила поведения в обществе богачей в этом городе.

— Я знаю, что мы обычно стараемся угодить богачам.

— Просто помни, Сент может уничтожить журнал. Он не должен обо всем узнать. К тому времени, как все станет известно, он увидит свое лицо на обложках в газетных киосках.

— Он меня не поймает, — бормочу я.

— Хорошо, Рейчел, но я хочу интимных откровений. Я хочу все детали. Я хочу почувствовать себя в его шкуре. Каково это, быть им? Ты расскажешь это всему городу, — она счастливо улыбается, возвращая компьютер к работе, шевеля мышкой. — Я жажду услышать обо всем. Так что вперед, Рейчел. Раздобудь историю и напиши ее.

Черт побери, Ливингстон. Ты получила задание!

Я настолько потрясена и рада, в эйфории, я направляюсь к двери, дрожа от желания поскорее приступить к работе.

— Рейчел, — окликает она, когда я открываю стеклянную дверь, а все внутри у меня сплелось в клубок. Она кивает головой. — Я верю в тебя, Рейчел.

Я так и стою, в ужасе и благоговении, что наконец-то, наконец-то получила ее доверие. Я не ожидала, что страх провалить все дело также свалится на мои плечи.

— Спасибо за шанс, Хелен, — шепчу я.

— Ах да, и последнее. Обычно Сент недоступен для прессы. Но есть одно исключение, и мне кажется, тебе может с этим повезти. Просмотри его новый социально-сетевой сервис — Interface. Используй его, чтобы сблизиться. Возможно, ему и не нравится пресса, но все же он бизнесмен и с радостью использует нас для собственной выгоды.

Я киваю, будучи на долю процента уверенной в себе и на десятки процентов сомневаясь в своих силах, а стоит мне выйти наружу, как я нервно выдыхаю.

Ладно, Ливингстон. Сосредоточься, и давай сделаем это.

\*\*\*

Я нахожу столько информации на Сента, что отправляю себе на почту десятки и десятки ссылок, чтобы продолжить исследование вечером в своей квартире. Я звоню к нему в офис, и в разговоре с его заместителем прошу об интервью. Она заверяет меня, что они дадут мне знать. Я скрещиваю пальцы, отвечая: «Спасибо, я свободна в любое время. Мой босс очень заинтересован в публикации о новом проекте мистера Сента.»

На сегодня это все, и я направляюсь домой. Моя квартира находится рядом с «Блумерской шоколадной компанией», в Фултон Ривер Дистрикт. Я просыпаюсь от аромата шоколада в воздухе. Здание, в котором находится моя квартира, пятиэтажное, на краю центра города.

Иногда сложно поверить, что я живу, как и мечтала (по-крайней мере, почти так) — я хотела портфель, мобильный телефон, каблук и подходящие друг к другу пиджак и юбку. Я хотела быть достаточно самостоятельной, чтобы купить маме машину ее мечты и ее собственный дом, из которого ее бы не выселили за неуплату аренды. Эти пункты из списка «Хочу» я еще не выполнила..

К сожалению, я выбрала довольно сложную профессию. Еще до выпуска из колледжа я подрабатывала фрилансером, и у меня не было стабильного дохода. Ты ведь зависишь от музыки, а она не всегда готова помочь тебе с идеями. Тогда-то я и ответила на объявление о работе в «*Чикаго Трибьюн*». «Эдж» искал еженедельного колумниста, пишущего про моду, секс и свидания, новые разработки, советы по дизайну и даже о новых породах декоративных животных. Офис занимал два этажа старого здания в центре города, и не особо соответствовал той корпоративной среде, которую я себе представляла.

На верхнем этаже за своими столами располагаются репортеры. Полы деревянные, редакционный отдел пестрит яркими цветами и атласными диванными подушками, там всегда стоит шум телефонных звонков и разговоров. Вместо делового костюма, который, как я себе представляла, я буду надевать на работу, я пишу в модной футболке большого размера с дерзкой надписью и носках со словами «*Я верю*» на пальцах. Это сумасшедший журнал, настолько же безумный, как истории и рубрики, что мы выпускаем, но я люблю его.

Но блоггеры вытесняют нас с рынка, наш тираж уменьшается с каждой секундой. «Эджу» требуется что-то свежее, передовое, и я уже отчаялась доказать боссу, что могу добыть для нее такую информацию.

— Джина! — зову я свою соседку, входя в нашу двухспальную квартиру.

— Мы здесь! — кричит Джина.

Она в своей спальне с Уинн. Они мои лучшие подруги. Уинн рыжеволосая, с веснушками, розовощекая и милая, полная противоположность темной, страстной Джине.

Мы, словно трехслойное неаполитанское мороженое. По росту мы с Джинной выше, Уинн же, словно эльф. Мы с Джинной предпочитаем руководствоваться логикой, Уинн опирается только на чувства. Я одержима карьерой, Уинн, по своей натуре, опекунша, а Джина - секс-бомба, которая еще не осознала, что она может использовать мужчин в качестве личных фаллоимитаторов (если захочет). Она не хочет. Seriously.

Бросив сумку у двери, я замечаю их масштабный пикник с китайской

едой и присоединяюсь к ним на полу.

Они смотрят старую серию «Секса в большом городе».

Мы едим в тишине, смотря сериал, но я не обращаю внимания на экран. Я на взводе, и наконец, не выдержав, выпаливаю:

— Я получила задание.

— Что? — они обе перестают есть.

Я киваю.

— Я получила первое задание написать полную историю. Возможно, выйдет на три страницы или четыре, черт, да все пять. Зависит от того, сколько информации мне удастся раздобыть.

— Рейчел! — кричат они в унисон, и подходят ко мне.

— Никаких сбивающих с ног обнимашек! Блин! Вы рассыпали рис!

Перестав визжать, они успокаиваются, и Уинн идет за пылесосом.

— Так о чем будет история? — спрашивает она.

— О Малкольме Сенте.

— Малкольме *Сенте*?

— Что конкретно о нем? — спрашивает Уинн.

— Что-то вроде... работы под прикрытием.

Они почти выпрыгивают из кожи от нетерпения.

— Мне дадут встретиться с ним.

— Как?!

— Я пытаюсь договориться об интервью, чтобы расспросить об Interface.

— Ага.

— Но тайно я буду вести о нем расследование. Собираюсь его... обнажить, — дразнюсь я.

— РЕЙЧЕЛ! — Джина бьет меня по руке, зная, что обычно я строга в вопросах морали и нравственности.

Уинн качает головой.

— Этот мужчина такой сексуальный!

— Что вы двое знаете о нем? — спрашивает Джина.

Я достаю свой ноутбук.

— Я как раз была в сети, ставила лайки во всех его соцсетях, и у этого парня более четырех миллионов лайков в Instagram.

Мы стали просматривать другие сайты, проверяя его Twitter.

То, что я прочла, меня не впечатлило.

— Его зам не назначит мне встречу, она внесла меня в лист ожидания. Может, мне больше повезет достучаться через соцсети.

— Давай-ка найдем тебе сексуальную аватарку на случай, если Сент

лично просматривает сообщения.

— Этому не бывать, — говорю я.

— Ну же, Рейчел, тебе нужно сделать все возможное, чтобы привлечь внимание. Вот эта, — она показывает на фотографию из моих старых альбомов в соцсетях, на которой я одета в юбку и блузку, как у секретаря, но при этом три пуговицы между моих грудей вот-вот оторвутся.

— Терпеть не могу эту рубашку.

— Потому что она демонстрирует то, что у тебя есть. Давай сделаем это.

Я меняю свою аватарку, и отправляю ему сообщение.

«Мистер Сент, это Рейчел Ливингстон из «Эдж». Я была бы вам весьма признательна за возможность проведения личного интервью с целью освещения вашего нового открытия — Interface. Я также направила запрос в ваш офис. Я свободна в любое время...»

Я добавляю все свои контакты и отправляю.

— Ладно, скрестим пальцы, — бормочу я, ощущая бабочек в животе.

— На руках и ногах.

Позже, когда Уинн уходит домой, а Джина идет спать, я направляюсь в постель. Устраиваюсь на подушке с ноутбуком на коленях, посасывая фруктовую тянучку.

— Любопытное чтение, — говорю я фотографии мужчины в интернете. Я не ложусь спать до полуночи, читая все больше и больше. Я уже накопила на него довольно много грязи.

Малкольм Кайл Престон Логан Сент. Двадцать семь лет. Его семья так давно владеет крупными капиталами, что он стал объектом заголовков со дня рождения. В возрасте пяти лет он попал в больницу с менингитом, и весь мир был как на иголках, переживая, справится ли он.

В шесть лет он уже получил черный пояс по карате, а по выходным он летал со своей матерью (светской львицей) из одного штата в другой на частном самолете своего отца. В тринадцать он уже перецеловал большинство девушек в школе. В пятнадцать он был тем еще игроком и сладкоголосым лжецом. В восемнадцать он был редкостным подлецом, богатым до неприличия. В двадцать он потерял мать, но был слишком занят катанием на лыжах в швейцарской деревушке, чтобы успеть вовремя на похороны.

К двадцати одному году он, и двое его друзей — Каллен Кармайкл и Тахо Рот — стали самыми скандальными детишками нашего поколения, владеющими трастовыми фондами.

Он владелец четырех «бугатти»: номерные знаки - BUG 1, BUG 2,



BUG 3, и BUG 4. У него дома по всему миру. Роскошные автомобили. Десятки золотых часов, включая те, с вечным календарем из розового золота, что он купил на аукционе за 2,3 миллиона долларов. Можно сказать, что он коллекционер. Компаний, игрушек и, очевидно, женщин.

Малкольм — единственный ребенок, а после того, как он унаследовал миллионы своей матери и продемонстрировал необычайную способность к ведению бизнеса в течение последних лет, он стал не только миллиардером, но также и неоспоримым символом власти. Не политической власти, а старой доброй власти, которая появляется с деньгами. Сент не запятнал себя сомнительными сделками с чикагскими политическими деятелями, но он мог бы надавить на них, если бы захотел. Каждый политик знает это, именно поэтому быть с плейбоем в хороших отношениях в их же интересах.

Сент никого не финансирует. Так или иначе, общественность верит, что Сенту плевать, что о нем думают — он не субсидирует никого, в чьем приобретении не был бы заинтересован, так что, не гласно, если Сент вложил деньги, никто другой не может приобрести этот бизнес. Он победитель по жизни. Используя свое солидное наследство, Сент стал венчурным инвестором в весьма юном возрасте, финансируя технические проекты многих своих школьных друзей по «Лиге Плюща», большинство из которых добились успеха, делая Сента на пару сотен миллионов богаче, чем его собственный отец. Он по-прежнему управляет венчурными капиталовложениями из офисов «М4». Названную в честь начальной буквы его имени и его любимого номера компанию «М4», он создал в те ранние годы, когда некоторые из его предприятий оказывались в листинге на “Nasdaq” (одно, к тому же, стоимостью в несколько миллиардов).

#### **Последняя обложка “Enquirer”:**

«Малкольм Сент: Разоблачение нашего излюбленного плохиша»

«Со сколькими женщинами он переспал?»

«Почему он не заинтересован в браке?»

«Как он стал самым сексуальным холостяком-сердцеедом в Америке»

И еще!

#### **Twitter:**

@MalcolmSaint Я бы хотела никогда тебя не видеть!

#сожридерьмаисдохни

ТЫ КОНЧЕННЫЙ ТРУП! @MalcolmSaint ты трахнул мою подружку ты ТРУП

Угостить выпивкой кого-нибудь? @MalcolmSaint угощает в «Блу Баре» в центре!

### **Стена на Facebook:**

«Эй, Мэл, помнишь меня? Я дала тебе свой номер на прошлой неделе. Позвони или напиши мне!»

«Сент, выпьем на следующей неделе, я в городе с женой. (Но ее я с собой брать не собираюсь, она уже и так положила на тебя глаз.) Напиши мне, чтобы договориться о месте».

«Классно выглядишь на тех фотках с яхты, Сент. Еще место есть? Мы с друзьями были бы рады оторваться с тобой еще раз! :) ХОХО»

\*\*\*

Вау.

«Да ты нарасхват, не так ли?» — шепчу я, захлопывая ноутбук около полуночи. Готова поспорить, половина из написанного в интернете — раздутая чушь и ложь, именно поэтому, конечно, мне нужны более надежные и близкие источники. Я ухмыляюсь и смотрю на часы, понимая, что уже слишком поздно, чтобы сообщать маме, что я, наконец-то, получила задание написать историю.

## Глава 2

# НОВОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

### Twitter:

@MalcolmSaint прошу зафолловь меня в Twitter!  
@MalcolmSaint бросит первый мяч на игре «Кабс»

### Моя папка Входящие:

ПУСТО.

Я уже собрала папку на Малкольма Сента в пять сантиметров толщиной, но его пиар-агент так мне и не звонил.

Наши с мамой планы на сегодня тоже не складываются.

Я должна была встретить ее, чтобы мы могли выразить свою поддержку кампании «Конец насилию» нашего сообщества, но она звонит сказать, что у нее не получается. Начальник попросил ее прикрыть кого-то.

— Прости, милая. Почему бы тебе не пригласить кого-то из девчонок составить тебе компанию?

— Не волнуйся, мама, я так и сделаю. Прими свой инсулин, ладно?

Я знаю, что она принимает его, но напоминаю ей об этом каждый раз, как звоню, не могу удержаться. Я постоянно думаю о ней.

На самом деле, я настолько беспокоюсь о своей маме, что Джина и Уинн тревожатся, как бы я не загнала себя из-за этого. Я хочу отложить достаточно большую сумму, чтобы знать, что могу позаботиться о ее страховке и быть уверенной, что у нее хороший дом, есть здоровая пища и правильный уход. Я хочу дать своей маме все то, что она дала мне, чтобы она могла уйти на пенсию и наконец-то заниматься тем, что ей нравится. Все заслуживают заниматься любимым делом. Ее любовь ко мне и желание максимально обеспечить меня всем необходимым, тянули ее назад. Я хочу сделать все возможное, чтобы теперь она могла следовать за своими мечтами.

Эта разоблачительная статья может открыть мне столько возможностей, и откроет мне путь к большему.

Я, словно сумасшедшая, кликаю по ссылкам на Малкольма Сента,

когда Джина, одетая в самый удобный из своих нарядов, наконец тихонько выходит из своей спальни.

— Я говорила тебе, что нужно надеть что-то такое, что тебе будет не жаль испачкать краской, — напоминаю я ей. — Это разве не твои любимые джинсы?

— Вот черт, ведь точно! Почему же я забыла об этом, когда пошла к шкафу и увидела их? — она топает обратно к себе в спальню.

За час до полудня, на углу парка, рядом с баскетбольными площадками, мы с Джиной (а еще где-то пара дюжин людей) наконец-то собрались вместе в ожидании оставить отпечатки своих, покрытых краской ладоней, на холсте во всю стену.

— Мы все потеряли кого-то в этой борьбе. наших возлюбленных, продавца в продуктовом, друга... — говорит один из организаторов.

Мне было два месяца от роду, когда я потеряла своего папу.

Все, что я знаю из объяснений моей матери — он был амбициозным, трудолюбивым, полным больших надежд. Он поклялся ей, что мне никогда не придется работать... он был одержим идеей дать нам идеальную жизнь. Мы не просили об этом, но для папы это было не важно.

Потребовался всего один пистолет, и ничего из этого не воплотилось в жизнь.

У меня не осталось воспоминаний о его глазах, серых, возможно таких же, как у меня. Я никогда не слышала его голоса. Никогда не знала, был ли он по утрам ворчлив, как отец Джины, или милым, как отец Уинн. Я помню соседей, годами приносивших пироги, пока я росла. Их дочерей, приходящих поиграть со мной. Я помню, как играла и с детьми других людей, моя мать брала меня поиграть с детьми, которые также потеряли кого-то из-за насилия.

Теперь, спустя двадцать три года после гибели моего отца, каждый раз, когда происходит что-то плохое, я желаю, чтобы мы могли это остановить, и я никогда не хотела забыть это чувство, это желание прекратить насилие.

Нас критиковали за наши методы борьбы за более безопасный город (некоторые говорят, что мы недостаточно активны, другие — что это бесполезно), но я думаю, что даже самые тихие голоса заслуживают быть услышанными.

По команде одного из организаторов, я наливаю пару сантиметров красной краски в свой пластиковый лоток большого размера, а затем погружаю в него руку. Густая красная краска покрывает мои пальцы.

— Мы оставляем свои отпечатки на этом огромном холсте, как символ прекращения насилия на улицах, в наших районах, в нашем городе, в

нашем округе, — продолжает организатор.

Мой телефон вибрирует в левом заднем кармане.

— Итак, начали, — выкрикивает женщина.

На счет три — раз, два, три! — я прижимаю свою руку к стене, в то время, как Джина делает то же самое, ее рука такая же красная, но немного больше моей.

Оставив свои отпечатки на стене, мы спешим к фонтанчикам для питья, чтобы помыть руки. Джина склоняется над моим плечом и, взвизгнув, я пытаюсь отстраниться.

— Ну куда, ты же меня всю краской перепачкаешь! — кричу я, смеясь, пока вытираю руки, и отхожу в сторону, чтобы позволить ей вымыть свои. Пока она соскребает краску, я вытягиваю свой телефон.

И мое сердце уходит в пятки, потому что я получила ответ.

## Глава 3

# СООБЩЕНИЕ

«Малкольм Сент»

«Мисс Ливингстон, это Дин, координатор пресс-службы мистера Сента. У нас есть десятиминутное окно сегодня в 12 дня.»

А получаю это оповещение я сейчас, в субботу, в 11:18 утра.

— Черт, у меня вышло! — говорю я Джине, показывая сообщение. Но вместо того, чтобы дать пять, ведь я, черт побери, добилась своего и вообще невероятно крута, она демонстративно бросает взгляд на мой комбинезон.

— О, нет, — стону я. — Я не могу встретиться с ним в таком виде!

— Ладно, возьми мой пояс.

— Боже, серьезно? Я выгляжу нелепо!

Она повязывает пояс вокруг моей талии и застегивает его.

— Рейчел, сосредоточься. Поблизости нет магазинов, а времени переодеться у тебя нет.

Мы обмениваемся тревожными взглядами, затем вместе осматриваем мою одежду. На мне сейчас джинсовый комбинезон, майка и красный пояс, а еще тут и там брызги краски.

— Я выгляжу, как полнейшая шлюшка в день стирки!

— У тебя краска на щеке, — говорит Джина, морщась вместо меня.

Я стону и шепчу, обращаясь к вселенной: «В следующий раз, когда ты исполнишь мою мечту, могу я быть одета соответственно?»

Будто читая мои мысли, Джина пытается меня приободрить.

— Ну же, не одежда красит девушку. Эй, по крайней мере, ты не голая.

\*\*\*

Я пыталась так и эдак уложить волосы, но нет, моему внешнему виду это не особо помогло. Я крайне раздражена всей этой ситуацией, пока еду на заднем сидении такси, усевшись на самый край, потому что подозреваю, что вымыв руки после меня, Джина заляпала мою спину краской. Всего

секунду назад я почувствовала, как она прилипла к искусственной коже сидения, и теперь я настолько взбешена всем произошедшим, что у меня сводит живот. Я прошу водителя опустить козырек с зеркальцем пассажира, и пристально всматриваюсь в свое лицо.

— Омойбог, — произношу я.

Вот она я. Мои длинные светлые волосы заплетены в две косички, щека забрызгана краской, застывшей, словно кровь, на моей бледной коже.

— Омойбог, — стону я.

И с этой женщиной собирается встретиться прославленный Малкольм Сент?

И, если вся эта ситуация вызывает у меня отвращение на заднем сидении такси, даже представить не могу, насколько хуже себя почувствую, когда попаду в здание корпорации «М4».

Собственно, здание маячит модными зеркальными окнами, возвышаясь почти так же высоко, как и Сирс (изначально названное «Уиллис», но всем побоку) Тауэр. Внутри вестибюля, во всю длину пол под моими ногами вымощен мрамором и гранитом. Стальная конструкция удерживает стеклянную лестницу, ведущую на второй этаж вестибюля, а прозрачные лифты скользят вверх и вниз.

«М4» стильный, как ночной клуб, но здесь тихо, как в музее. Я чувствую себя девчонкой, которая должна была доставить воздушные шарики, но забыла их, пока прохожу через вращающиеся двери и дальше, к стойке администратора. Твою ж мать, все складывается просто ужасно. Все в вестибюле смотрят на меня.

Я не могу сделать это, не могу, не могу.

Ливингстон! Сосредоточься. ДА. Ты можешь.

Я распрямляю плечи, грудь вперед, и гордой походкой направляюсь прямо к администратору.

— Рейчел Ливингстон к Малкольму Сенту.

Она молчаливо меня осматривает. Проверяет мои документы. Немного хмурится.

Во мне 170 сантиметров, никак не меньше. Но я чувствую себя все ниже и ниже. Я уменьшаюсь прямо здесь, пока жду. Униженная, без слов.

— Верхний этаж, — говорит она, смерив меня взглядом вплоть до моих кед от “Converse”.

Твою. Мать.

Я направляюсь к лифту с остатками собственного достоинства, которые смогла сохранить.

Лифт поднимается на верхний этаж, оставляя по дороге всех моих

спутников (все они в строгих черно-белых деловых костюмах), пока я не остаюсь одна. А узел из нервов затягивается все туже и туже. Спорю, Виктория ни за что не надела бы такой наряд. Даже если бы ей платили за это.

Но Виктории здесь нет, Рейчел. Ты здесь.

Лифт издает «дзинь», и я выхожу.

Здесь четыре стола, два справа и два слева, и громадная дверь с матовым стеклом, ведущая в... его логово. Я знаю, что она ведет к нему, потому, как эта матовая дверь производит впечатление стеклянной крепости, одновременно дерзко выразительной и сдержанно элегантной. Она выглядит доступной, будучи при этом непреодолимой преградой для всех из внешнего мира.

Из-за стола выходит женщина, жестом указывая мне присесть слева.

Еле слышно поблагодарив ее, я усаживаюсь на один из стульев, несколько минут наблюдая за всеми четырьмя ассистентками (каждая из которых стильная и привлекательная по-своему), принимающими непрерывные звонки. Они работают в абсолютно идеальной синхронности.

Лифт открывается, и один лишь взгляд на промелькнувшего высокого невероятного мужчину, вышедшего в сопровождении следовавших за ним бизнесменов, поражает все мое женское естество. Косая сажень в плечах, иссиня-черные волосы, дизайнерский костюм с иголки, белоснежная рубашка и широкий шаг, покоряющий вселенную. Он берет папку, которую раскрывает перед ним один из мужчин, и, отдав какую-то команду, от которой сопровождающие его разбегаются со скоростью звука, проходит вперед. Он пронесется мимо меня с неудержимой силой урагана и исчезает за стеклянными дверьми, оставляя меня ошеломленной, лихорадочно поглощающей последний взгляд на темные волосы, широкую спину и самый сексуальный мужской зад, который я когда-либо видела в Чикаго.

На мгновение, мне кажется, что мир завертелся быстрее, что, каким-то образом, десять секунд втиснулись всего в одну — ту самую секунду, когда этот мужчина прошел мимо меня. Словно вспышка молнии.

Одна из ассистенток вскакивает и направляется в стеклянный офис, где он скрылся из виду, пока остальные трое смотрят на дверь, будто мечтают, чтобы эта молния ударила поближе.

И тут до меня *доходит*.

Ураган и был Малкольмом Сентом.

Да, циклон по имени *Сент*.

Я чувствую укол страха.

Я бросаю взгляд на свои кеды. Да, так и есть. Все те же кеды. Ох.



Замечаю, что ассистентка оставила дверь неплотно прикрытой, и я не могу удержаться, чтобы не наклониться немного вперед, силясь расслышать ее шепот.

— Записанная на 12 часов, она здесь. У вас есть 10 минут.

Я не слышу ответа из-за того, как громко колотится мое сердце.

— О, и мистер Сент, эта... репортер... она одета немного нестандартно.

Боже, я все еще не могу расслышать.

— Из «Эдж», журнала с небольшим тиражом. Дин подумал, нам важно использовать любые доступные ресурсы для продвижения нового Facebook.

У меня мурашки бегут по коже, когда я слышу низкий убийственно звучный мужской голос, что-то неразборчиво ворчащий.

— Рейчел Ливингстон, — отвечает ассистентка.

Я чувствую дрожь, когда неразличимый, но глубокий звук этого голоса снова доносится до меня. Дрожь пробегает от затылка до копчика.

Меня ни разу так не трясло, даже когда мне приходилось отморозить зад на улице. Это из-за нервов?

— Да, мистер Сент... — наконец отвечает ассистент.

Она выходит и ей не удается скрыть тот факт, что она взволнована. Черт, а мне идти туда следующей. Выгляды, будто меня только что смешали в блендере с банкой краски и результат этого веселья на мне.

Она подзывает меня к двери.

— У мистера Сента сегодня расписан весь день. Наслаждайтесь своими десятью минутами, — говорит она, распахивая дверь.

Я пытаюсь ответить, но так нервничаю, что могу лишь слабо прохрипеть «Спасибо», заходя внутрь. Котировки ценных бумаг проносятся по дюжине экранов на одной из стен. Внутри нет живых растений, ничего, кроме технической аппаратуры и пола из натурального камня, и огромные пространства, будто этот мужчина в них нуждается.

Из окон открывается вид на Чикаго, но я не могу долго рассматривать его, потому что замечаю его (тихо, но неудержимо в своем костюме от «Армани»), идущего ко мне навстречу, с практически нечеловеческим напором.

Уау. Меня поражает каждая его черта. Его лицо, осанка, плечи, его глаза. Его глаза светятся, такие живые, зеленые и глубокие, словно бегущие реки, но нельзя не заметить в них осколки льда, почти зовущие меня согреть их.

— Мисс Ливингстон.

Он протягивает руку и, когда мои пальцы касаются его теплой ладони,

я осознаю, что не могу сделать вдох.

Кивая и сглатывая, с глупой улыбкой на лице, я с трудом высвобождаю руку из его захвата, и смотрю на него с нарастающим ужасом.

Он садится в свое кресло, удобно откинувшись, поза такая обманчиво расслабленная, но я могу чувствовать исходящую от него мощную энергетику.

— Мистер Сент, — наконец бормочу я, как никогда, стыдясь своего наряда и того, как неуместно я выгляжу среди всей этой вычурной роскоши.

Он тоже рассматривает меня, немного озадаченный, молчаливый. Бьюсь об заклад, я — единственная женщина, которую он когда-либо видел в комбинезоне. И кедах. Спорю, все надевают свои лучшие наряды, когда собираются встретиться с ним.

Вот черт.

Он бросает взгляд на часы, поднимая глаза на меня, когда говорит.

— Часы тикают, мисс Ливингстон, так что вам бы лучше начать, — он указывает на стул напротив его стола и... могу ли я заметить, что его голос и правда производит неизгладимое впечатление?

Само его *присутствие* производит неизгладимое впечатление. Неудивительно, что люди обсуждают это онлайн, черт, да практически везде.

У него остро очерченная челюсть, его брови — два темных росчерка над густыми ресницами глубоко посаженных глаз. У него чувственные губы, слегка приподнятые в уголках. Джина такой тип называла «аппетитные».

— Спасибо, что встретились со мной, мистер Сент, — говорю я.

— Просто Сент будет достаточно, — он откидывается назад в своем кресле.

Адреналин пронесется сквозь меня, когда у меня, наконец, не остается выбора, кроме, как сесть на указанный им стул, все мои усилия сосредоточены на моих движениях. Я стараюсь не касаться спинки стула, чтобы краска не попала на ткань, мои движения немного скованны, я открываю вопросы, которые успела набросать на телефоне по дороге сюда.

— Что ж, прежде всего меня, конечно, интересует ваша новая социальная медиа-платформа, первый реальный конкурент Facebook...

Я не могу не заметить, что он отвлечен моей одеждой, пока сижу напротив него. Я могу чувствовать на себе его взгляд, оценивающий меня. Ему противен мой внешний вид? Я могу чувствовать на себе его сексуальный взгляд, а мне только и хочется, что смущенно поежиться.

Он сдвигается в своем кресле, рукой прикрывая лицо. Он прячет улыбку? Омойбог, его грудь легонько подергивается? Он смеется над моей одеждой! Над тем, что я тут сижу, неподвижная, как манекен, нервничаю и лихорадочно думаю, есть на мне краска или нет.

— Как вы знаете, — я заставляю себя продолжить, но, боже, как же это *унизительно*, — инвесторов не только интересует, останется ли эта платформа частной собственностью...

Я замираю, когда он встает и уходит в дальний конец кабинета. Он выходит походкой исключительно уверенного в себе человека. Что сбивает меня с толку, так это то, что, вернувшись ко мне, он протягивает нечто, выглядящее, как чистая мужская рубашка.

— Вот, наденьте это.

Твою ж мать. Это его рубашка?

— О, нет.

Его глаза невероятно близко, он разглядывает меня с любопытством, которое я раньше там не замечала.

— Я настаиваю, — говорит он, легонько улыбаясь.

Мое сердце ускоряется.

— Правда же, не стоит, — возражаю я, качая головой.

— Так вам будет комфортнее, — он указывает на меня, и я чувствую, как меня бросает в жар. Он лишь улыбается, искорки горят в его глазах.

Вставая, чтобы взять рубашку, я тереблю каждую пуговку, расстегивая их трясущимися пальцами, затем просовываю руки в рукава. Я начинаю застегиваться, когда он возвращается за свой стол, в этот раз его шаги медленные, почти хищные... потому что он не отводит взгляда от меня, пока уходит.

Чем быстрее я пытаюсь двигать пальцами, тем меньше они меня слушаются. Рубашка достает мне до середины бедер, рубашка, которая касалась его, его груди, кожи, и вот я уже не могу отвести от него взгляда, наблюдая, что он делает — медленно опускает свое самое желанное мужское тело Чикаго обратно в кресло.

— Хорошо, — заявляю я.

Но все совсем не хорошо. Все очень даже не хорошо прямо сейчас.

Я краснею до кончиков ушей, а искорки в его глазах безжалостно мерцают, будто он об этом знает.

— Вам она идет больше, чем мне, — заверяет он меня.

— Вы смеетесь надо мной, мистер Сент, — говорю я еле слышно, опускаясь обратно на стул. Его рубашка пахнет мылом, накрахмаленный воротник свободно обхватывает мою шею. Боже. Мои колени *слабеют*.

Даже будучи перед ним голой, я бы не чувствовала себя такой уязвимой. — Ладно, что ж, теперь, когда вы смогли одеть меня подобающим образом, — говорю я ему, смеясь, тут же одернув себя за фамильярность. Доставай уже свои вопросы, Рейчел. И, раз уж на то пошло, свою объективность тоже не забудь.

Звонит его телефон. Он не обращает на него внимание, и я понимаю, что он улыбается в ответ на моё замечание. Губы изогнуты в соблазнительной улыбке, зубы идеально ровные и белые на фоне загара.

Его. Улыбка.

Ох.

Сердце неожиданно уходит в пятки.

— Не хотите ответить?

— Нет, — прямо отвечает он. — Продолжайте. Это ваше время.

Телефон снова звонит. Он смотрит на экран, сузив глаза.

— Прошу, ответьте, — настаиваю я.

Мне, правда, *необходимо*, чтобы он хоть на секундочку посмотрел куда-то еще.

Что происходит с моей жизнью?

*На мне его рубашка!*

Наконец он извиняется и отвечает на звонок, немного развернувшись в кресле, пока слушает. Выдохнув, я опять открываю вопросы на телефоне, поднимаю глаза и смотрю на его профиль, пока он внимательно слушает. Просто сидя там, не делая ничего, кроме как, отвечая на звонок, он притягивает к себе все внимание. Его внешний вид так и кричит «статус», «деньги», «искушенность» и прочие мощнейшие значения.

Говорят, однажды он прыгнул с вершины здания своего офиса.

Его называли дерзким и бесстрашным как в том, что касалось бизнеса, так и вне его.

Я не поверила ни слову из прочитанного прошлой ночью.

Теперь я уже не так уверена, что все сказанное было враньем.

Под этим прикрытием из делового костюма бьет та еще энергетика.

Он носит эту одежду, как вторую кожу, черт, можно подумать, он порой и спит в ней. Под его белой рубашкой я могу разглядеть впечатляющие мускулы на руках и груди. Ни одна из фотографий, что я видела в интернете, не способна передать эффект этого загорелого, отлично вылепленного лица, как при личной встрече. Ни одна фотография. Его лицо просто убить-об-стену какое поразительное, и я еще не рассматривала в подробностях его тело, но уже понимаю, почему его кровать — самое желанное место в городе.

Он отключается, поворачивается обратно и на мгновение, мы смотрим друг на друга.

— Не хотите теперь продолжить, мисс Ливингстон? — он кивает, указывая на мой телефон.

— Я вас забавляю, — говорю я, не подумав.

Приподняв одну бровь, он, кажется, немного раздумывает над вопросом, скрестив пальцы перед собой.

— Вы вызываете интерес, да. Занимаетесь покраской?

— Я была в соседнем парке этим утром. Члены моего сообщества иногда собираются вместе, мы пытаемся активно противостоять насилию на улицах, разборкам банд, продаже наркотиков и всему такому.

— Это то, чем вы сейчас занимаетесь? — говорит он ровным голосом.

Я не уверена, на самом ли деле он заинтересован или просто решил, что не хочет позволить мне продолжать интервью. Мысленно возвращаясь к своим вопросам и тому, что мне нужно выведать как можно больше информации, я открываю рот, чтобы попытаться быть дружелюбной (может быть использовать немного лести?), но нас прерывает одна из его ассистенток.

— Мистер Сент, Китай на связи, — говорит она, приоткрыв дверь. — И машина готова.

Он встает с кресла и его мускулы перекачиваются под рубашкой, когда он просовывает руки в свой шикарный черный пиджак. Он хватается кепку «Чикаго Кабс», лежащую на столе, и, пока он смотрит на нее, желваки на его челюсти напрягаются, будто его внезапно что-то рассердило.

Я не хочу злоупотреблять гостеприимством, поэтому заставляю себя встать.

Он поднимает голову, бросая на меня последний спешный взгляд.

— Это было любопытно, Рейчел, — добавляет он.

Невыносимое чувство потери обрушивается на меня, пропорционально нарастая звуку каждого его уверенного спокойного шага по направлению к двери. *Боже, и это все?*

— Мистер Сент, не могли бы вы встретиться со мной еще раз...? — начинаю я.

Он уже стоит в дверном проеме. Его ассистентка протягивает пару желтых листочков-стикеров, и он наклоняет свою темноволосую голову, пока быстро их просматривает. У него чрезвычайно накаченная спина, создающая перевернутый треугольник от его широких плеч вниз к талии, и так же идеально сидящий на ней черный дизайнерский пиджак. Пока другая его ассистентка идет вызывать один из лифтов, один из его

сотрудников спешит к нему с мячом в руке.

Бейсбол. Ну конечно. Он либо собирается подписать его сегодня у одного из игроков, либо бросает этот мяч на стадионе Ригли Филд.

Я смотрю на его ассистенток. Две из них печатают. Одна ждет у лифта. А та, что всегда вертится возле него... вертится возле него. Все их взгляды направлены на него, пока он заходит в лифт. Кажется, будто никто не дышит, пока он не уходит, даже я.

Когда лифт уносит его вниз, его ассистентки возвращаются за свои столы. Помимо себя самой, я еще не встречала людей, столь рвущихся вернуться к работе.

Я улыбаюсь, подходя к той, которая впустила меня в его офис. На бэйджике указано ее имя — КЭТРИН Г. УЛИСС.

— Он производит эффект, не так ли? — подлизываюсь я. «Спит ли он с кем-нибудь из вас девчонок?» — вот, что я на самом деле хочу знать.

Она немного хмурится. Вставая на его защиту?

— Я могу чем-то вам помочь?

— Да, я бы хотела узнать, возможно ли назначить еще одну встречу с мистером Сентом. Мы не смогли поговорить о вопросе, который меня интересует. Мне бы нужен был хотя бы час, даже два, если я прошу не слишком много.

Она говорит, что запишет меня, и все четверо не сводят взгляд с его рубашки на мне. Ни одна из них не выглядит счастливой. Нда.

Его ассистентки ненавидят меня, а он, должно быть, пожизненно запретит мне посещение «М4».

Я настолько разочарована, пока еду обратно в свою квартиру на такси, что прокручиваю в голове всю сцену снова и снова, пытаюсь выискать хоть что-то, что смогу использовать. Требуется усилие, чтобы запихнуть поглубже все мое смущение, сосредоточившись на самой сути встречи.

Я кратко записываю:

- Пунктуальный
- Пользуется уважением своего персонала = хороший начальник?
- Даже просто сидя там, кажется, будто что-то все время происходит в его голове (о чем он думал? слиянии и поглощении?)
- Его взгляд... самый пронизывающий из всех, что я видела (выдает в нем человека, который может читать людей?)
- Он дал мне свою рубашку

Я смотрю вниз на его рубашку и изучаю пуговицы, лацканы. То, что он

дал мне рубашку — это неожиданный поступок. *Неожиданный*. Да, это точно о нем. Спокойный и владеющий собой, при этом неразрывно связанный с этой бурной ураганной энергетикой, скрывающий внутри что-то глубокое и интересное.

Закатываю рукава до локтей и записываю это. Иногда мои истории начинаются со списка слов. Пока у меня есть лишь список из этих пяти вещей. Так это все, что я вынесла из нашей встречи? Пять вещей, почти никаких конкретных доказательств, их подкрепляющих, и странный узел в животе. И его невероятно приятно пахнущую рубашку.

\*\*\*

— Что здесь делает мужская рубашка? Это священное женское пространство, — протестует Джина, вернувшись с работы.

— Ему было за меня неловко, и он дал мне свою рубашку.

Я сижу напротив пустого экрана компьютера и не испытываю особого волнения. Обычно я люблю пустой экран компьютера — это словно моя игровая площадка. Но игровая площадка с одним-единственным объектом и никакой информации для игры меня раздражает. Я купила пакет крендельков в йогурте в “Whole Foods”, который сейчас рядом со мной, но даже это не поднимает мне настроение.

— Он *прикрыл тебя* вместо того, чтобы сказать тебе снять свой комбинезон? Какой же он сердцеед?

— Джина! Мы были в его офисе. Он серьезно относится к рабочему этикету. Он явно не смешивает работу и удовольствие.

Джина подходит, чтобы прихватить мои йогуртовые крендельки.

— Сент живет ради удовольствия, он король удовольствия... С чего ты такая хмурая?

Я издаю стон, отставляю в сторону свой ноутбук и плюхаюсь на кровать.

— Мне надо отдать эту рубашку, а пятно внутри от *твоего дурацкого отпечатка* не отстирывается.

— Почему это тебе нужно ее отдать?

— Потому что! Я никогда... ты знаешь. Не принимала подарки от парня. Это заставляет меня чувствовать себя не комфортно.

— У тебя не было возможности получить подарок от отца. Или брата. Или даже парня. Все равно, тебе нужно принимать подарки, когда получаешь их, потому что (поверь тому, кто разбирается в этом дерьме), это

случается не так уж и часто.

— Я не оставляю себе его рубашку. Что это вообще говорит обо мне? — я качаю головой и *шикаю*.

Она съедает еще один кренделек и сбрасывает туфли.

— Он миллиардер, у него, должно быть, есть еще дюжина таких, все еще с ярлычками. Куда ты планируешь завезти ее, чтобы отдать? Ты у нас теперь постоянный сотрудник корпорации «М4», или как?

— Нет, — признаю я и тянусь к своему комоду за телефоном, подключая интернет, чтобы она сама увидела сообщение, которое я получила.

«Малкольм Сент»

«Мисс Ливингстон, это снова Дин. Мистер Сент может встретиться с вами в понедельник. Если вы не возражаете, чтобы мы втиснули интервью между некоторыми другими его делами, он будет свободен для встречи с вами в 3 часа»

— Рейчел! — говорит она, ударив меня по руке. — Так держать, подруга!

Я тихонько ухмыляюсь, и снова перевожу взгляд на его рубашку, висящую на двери моей спальни.

Говорят, если хочешь чего-то, ты должен представить, как получаешь это, и оно осуществится. Что ж, впервые в моей жизни я хотела чего-то достаточно сильно, чтобы доказать самой себе, что желание обретет форму.

Он согласился на еще одно интервью. У него есть другие дела, но он все равно встретится со мной. Даже несмотря на то, что прошлая встреча была ужасной. Это настолько невероятно круто, что я не могу остановить зарождающуюся во мне новую главу головокружительной истории, пока, наконец, не наступит 3 часа дня понедельника.



## Глава 4

# ПОНЕДЕЛЬНИК

Блестящий черный «роллс-ройс» припаркован прямо по центру проездной дороги здания «М4», солнечные лучи отражаются от его крыши. Стоит мне выскочить из такси, как ко мне подходит водитель в униформе.

— Мисс Ливингстон?

Я молча киваю. Формально приветствуя меня, он касается своей фуражки и поспешно открывает заднюю дверь. Я замечаю внутри Сента, раздраженно отдающего ряд приказов кому-то по телефону. Упс. Не думаю, что сегодня он в хорошем настроении. Он не кричит, но он и не выглядит, как человек, которому нужно повысить голос, чтобы быть услышанным. Его голос в точности такой, как я запомнила, но сегодня слова резче, наполнены непререкаемым авторитетом и непробиваемой сталью. Я судорожно вдыхаю, когда осознаю, что должна сесть к нему в машину. *Вот так дела.*

Не обращая внимания на неожиданную слабость в коленях, я сажусь внутрь. В то мгновение, когда водитель захлопывает дверь за мной, автомобиль будто уменьшается в размерах. Кажется, что Сент занимает все пространство своим отнюдь не хрупким телом, свободно рассевшись на сидении напротив меня. На нем белая рубашка на пуговицах, частично расстегнутая, чтобы обнажить гладкую кожу его груди. Его пиджак лежит сложенным рядом вместе с несколькими папками и iPad.

— Не оправдывайся и хватит говорить об этом. *Сделай* это, — говорит он раздражительно. Он заканчивает разговор, после чего, кажется, быстро отвечает на другой звонок. — Сантори, рассказывай.

Поглаживая подбородок, он кивает мне, задумчиво слушая мужчину. Я усаживаюсь, пока машина вливается в дорожный поток. Стараясь не шуметь, чтобы не отвлекать его, достаю свой телефон и отправляю себе на почту некоторые заметки, пока он разговаривает. *Занимается заключением сделки? Покупает или продает? Имена или фамилии?*

Все это время я наблюдаю за ним сквозь ресницы, стараясь не попасться на разглядывании. Как это ни странно, иногда замолкая и слушая человека по ту сторону телефона, он бегло осматривает все пространство моего сидения и... словно приклеенный, останавливается на мне.

Я быстро опускаю взгляд на свой телефон, и меня внезапно бросает в жар. Этот мужчина, он обладает такой властью. И это сводящее с ума чувство самоуверенности, проявляющееся во всем, что он делает.

В его постели перебивало бесчисленное количество женщин — он и вызов, и приз, это понятно. Но за все время вчерашнего поиска я ничего не нашла об офисных романах, в которых бы фигурировал он и кто-либо из «М4». «*Сент не смешивает работу и удовольствие?*» — записала я прошлой ночью.

Сидя сейчас на заднем сидении черного «роллс-ройса», я понимаю, что этот мужчина, похоже, *ничего* не смешивает с работой. Он сидит напротив, что открывает мне прекрасный обзор на его лицо, пока он заключает многочисленные сделки.

О, он смотрит на меня.

— В бизнесе «нет» — это не ответ, — говорит он в телефон низким и глубоким голосом. — «Нет» — это просто приглашение к переговорам.

Улыбаясь, слыша недовольство в его голосе, я выглядываю в окно, пока он бормочет что-то своему сотруднику.

Он не прервался ни на секунду, чтобы я могла задать хоть один вопрос, но я не жалею. Я получаю прайм-тайм и первый ряд, чтобы наблюдать за ходом его мыслей и полным спектром его характера.

Я считала себя трудоголиком, но словами не описать разнообразие сделок, с которыми управляет Сент, пока занимается чем-то столь пассивным, как езда на заднем сидении автомобиля. «Пассивно» — не думаю, что такое слово есть в словаре этого мужчины. Парень знает свое дело, и я собираюсь брать с него пример, используя такой же напор, чтобы раздобыть свою разоблачительную статью.

Я оказываюсь в самом центре напряженных торгов. Адреналин бежит по венам, когда он продолжает говорить, выстреливая цифрами. Он покупает компанию? Или что-то на аукционе «Сотбис»? Я записываю имя женщины, с которой он разговаривает — Кристин. И цифры, которые он называет. Он продолжает повышать ставку, увеличив сумму на 100 тысяч, и заканчивает немногим более двух миллионов. Он бормочет: «Хорошо», и, судя по ослепительной улыбке, появившейся на его лице (такой, что поджимаются пальцы на ногах), я предполагаю, что он получил, что хотел.

Мне даже начинает не хватать этого возбуждения, когда (наконец-то!) наступает тишина и слышен звук, с которым его телефон ударяется о кожаное сидение.

Отрывая взгляд от улиц Чикаго, я замечаю его телефон лежащим рядом с пиджаком, и тогда, ощущая тот же узел в животе, что и в тот

прошлый раз, когда он отправил меня домой, понимаю, что все его полное безраздельное внимание сосредоточено на мне.

Странный жар поднимается вверх по моей шее, от того, что он наконец-то заговорит *со мной*.

— Луна уже ваша? — спрашиваю я.

Он хватает бутылку с водой из небольшого бара сбоку, откручивает крышку и делает большой глоток.

— Еще нет.

Он улыбается вопросу, затем хмурится и тянется за еще одной бутылкой воды, протягивая руку, чтобы передать ее мне.

— Вот.

Когда я беру ее, он откидывается назад на мгновение, поворачивает голову в сторону... стучит пальцами по подлокотнику... и я нервничаю из-за этого. Что-то не так?

Я больше не в комбинезоне. На мне... Я полностью переоделась, ведь его взгляд заставляет меня нервничать. Черные брюки, белая блузка на пуговицах, милый белый жакет, мои волосы собраны черной заколкой. Я выгляжу профессионально и опрятно, готовой вести дела. Разве нет?

— Ничего, если теперь я задам вам несколько вопросов?

— Валяйте, — отвечает он равнодушно.

Пока я достаю свои заметки, он делает глоток воды, и его взгляд останавливается на мне. Его лицо ужасно отвлекает, и я перевожу взгляд, то изучая свои заметки, то смотря прямо на него в профессиональной манере.

— Когда пришла идея создания Interface?

— Когда Facebook проебал свою систему.

— Их слабость стала вашим успехом?

На краткий миг, его взгляд стал оценивающим, свет в его глазах окружала странная, однако, пьянящая тьма.

— Любая слабость является чьим-то успехом. По факту, их система могла быть сильно улучшена. Игры получше, доступ получше, более быстрые загрузки и я владею самой эффективной командой на континенте, чтобы сделать это.

— Сколько работников в деле на данный момент?

— Четыре тысячи.

— Не слишком ли это высокие расходы для стартапа?

— Беря во внимание, что мы уже добились первоначальной задачи подписки пользователей — нет, совсем нет.

Я улыбаюсь и листаю свои заметки, только чтобы хоть ненадолго избежать его пронизательного взгляда. Когда я поднимаю глаза, он пьет

воду из своей бутылки, все еще смотря на меня.

— Вы, должно быть, в курсе, что являетесь самым желанным мужчиной в городе. Это удивляет вас?

— Самый желанный, — он повторяет это, словно его забавляет само понятие, легкая улыбка появляется на его губах. — Желанный кем? — он раздвигает ноги и усаживается поудобнее, оставив бутылку с водой в держателе для стаканов сбоку, потом кладет ладонь на колено, и смотрит на меня с любопытством, широко открытыми глазами.

У него огромные руки. Такие можно увидеть у баскетболистов и пианистов.

— СМИ. Поклонницы. Даже инвесторы, — перечисляю я.

Он, кажется, молча, обдумывает это, но так и не отвечает.

— Вы выросли под вниманием общественности. Не могу представить, как это может кому-либо понравиться. Вы когда-нибудь устаете от этого?

Он проводит ладонью по колену, шире расставляя пальцы. Его большой палец безостановочно постукивает по ноге, но взгляд от меня он не отводит. Ни на секунду. Даже когда снова тянется за водой.

— В моей жизни так было всегда.

Его взгляд сбивает весь мой настрой.

— Все случаи вашего бунтарства, — начинаю я, стараясь быть профессионалом и также удерживая взгляд на нем. — Вы пытались показать, что вас нельзя контролировать? Вы ожидали, что это заставит общественность сильнее полюбить вас?

Секунда. Две.

И снова он слегка улыбается.

Его взгляд все еще устремлен на меня.

— Я не очаровываю людей, мисс Ливингстон. Я бы сказал, что люди реагируют на меня четырьмя способами и только четырьмя: они хотят молиться мне, быть мной, трахнуть меня или убить меня.

Удивленная его резкой прямоотой, я хмыкаю, улыбнувшись, затем, я краснею из-за того, как темнеет его взгляд, когда он слышит мой смех.

— Простите меня за личные вопросы. Меня интересует Interface и разум, который за ним стоит, хотя статья будет сосредоточена на Interface.

Машина замедляется, подъезжая к зданию. Быстро выглянув, я вижу, что мы притормаживаем у подъездной дорожки элитного бизнес-центра, и до меня доходит, что мы, возможно, достигли места назначения. *Нееет. Так быстро?* Я оборачиваюсь обратно к нему, но он, кажется, не разделяет моей тревоги. В данный момент, он воплощение полного расслабления, откинувшись на своем сидении, он продолжает смотреть на меня.

— Думаю, мы приехали, а ведь я хотела спросить у вас о стольких неуместных вещах, — поддразниваю я.

Он улыбается мне искренней улыбкой, из-за которой выглядит моложе, доступнее.

— Вот, что я вам скажу, — он подвигается ближе на своем сидении, с озорным выражением на лице. — Расскажите мне что-то о себе, и я расскажу вам еще одну вещь о себе.

Я соглашаюсь на сделку, даже не задумываясь.

— Я единственная дочь в семье.

— Я единственный сын.

Мы снова смотрим друг на друга, так же, как смотрели в его офисе.

Внезапно мне хочется получить еще тысячу и один ответ вроде этого. Личный. Ясный.

— Могу я предложить еще один факт из своей жизни в обмен на один из вашей? — спрашиваю я.

— О, да передо мной тут делец, — он отодвигается на сидении, низко посмеиваясь.

— Это «да»? — я тоже смеюсь.

— Видите ли, смысл торговли в том, что у вас должно быть что-то, что хотят другие.

Я смотрю на него в упор, неуверенная, дразнит он меня, или нет.

Его глаза темные, но на губах улыбка.

Его глаза — кажется, я никогда не смогу в них насмотреться. Его пульсирующая энергия бушует в их глубинах. Он темная личность. Темная, как его волосы. Темная, как грех. Темная, как то, что вихрем окружает его. Что-то притягательное. Что нельзя остановить. Против чего нельзя устоять. Он сидит здесь, оценивая меня, и я не знаю, что делать, как реагировать, что ему надо от меня. Он влиятельный бизнесмен, который получает, что захочет и привык, что все происходит по его желанию. Он хотел знать что-то обо мне, и я сглупила, ухватившись и предложив больше. Но он хотел знать лишь что-то одно, не более.

— Я подумаю над этим, Рейчел. — говорит он, когда я не отвечаю, словно смягчая удар, его взгляд темный и неожиданно плавный, когда он смотрит на меня.

Боже! Так бы и *стукнула* себя.

— Похоже, я все время порчу свои интервью с вами, — даже не знаю, почему, шепчу я, но он так внимателен, что кажется, будто говоря громче, я оглушу кого-то настолько наблюдательного, как он.

Я наклоняю голову, чтобы скрыть румянец на лице. Когда я рискую

бросить на него еще один взгляд, он рассматривает меня в тишине.

Стараясь не пялиться на его отвлекающее лицо больше необходимого, я перевожу взгляд на окно и выдыхаю, потирая ладони о брюки, пока машина, наконец-то, припарковывается перед входом в здание.

После моего *идиотского косяка*, в машине повисает новое напряжение. Пока его водитель выходит и кажется, подзывает PR-команду Сента, тот постукивает рукой по колену, бегло просматривая телефон, набирает один номер, говоря низким голосом в микрофон: «Эй, давай соберемся бандой в пятницу вечером. Отдохнем в «Айсберге». Разошли приглашения через интернет по обычному списку.» Он выглядывает в окно в ожидании сигнала от водителя, и хотя я хочу спросить еще об Interface, я уже вижу, что потеряла его.

Я нахожусь в полнейшем смятении, когда он выходит из машины, говоря, что водитель с радостью отвезет меня, куда захочу.

— Спасибо за потраченное время, мистер Сент, — вот и все, что я умудряюсь сказать. Кажется, он говорит что-то в ответ, что звучит как «Удачи», но его команда подхватывает его и он уходит так быстро, что, если бы не пустая бутылка из-под воды в том месте, где он сидел, вы бы не поверили, что он был здесь.

По дороге домой я наконец-то замечаю прочие окружающие меня вещи, теперь, когда его нет. Тихий, красивый интерьер автомобиля напоминает мне, что это не моя жизнь, это не я. Мой взгляд все время возвращается к теперь уже пустой бутылке там, где он сидел. Почему я вдруг так одержима пустой бутылкой из-под воды, я не знаю. Я заставляю себя отвести взгляд и пытаюсь записать некоторые впечатления на телефон, набирая письмо самой себе.

- Ненасытный и требовательный в делах / невероятно амбициозный

- Довольно таки... резкий (этот парень пилюлю не подслащает)

\* выругался (мне нравится, что его ответы не были отрепетированы, и он говорил, как есть);

- причина, по которой Чикаго так одержим им? Он НЕ фальшивка, это точно

Я пытаюсь сообразить что-то еще, но не могу сосредоточиться на мыслях и вопросах в голове. *Терпение*, напоминаю я себе. Ни одна история не была рассказана за день. Ни один секрет не был раскрыт за час. Ничего продолжительного и прочного не было построено в одно мгновение.

\*\*\*

Той ночью, собираясь лечь в постель, я ищу свою футболку Северо-Западного университета и замечаю его рубашку в шкафу. Я смотрю на нее так долго, что теряю чувство времени. Протягиваю руку и пробегаю по ней пальцами. Чувствую, какой жесткий воротничок, провожу костяшками вниз по рукаву. Рубашка огромная, шикарная и явно безумно дорогая, и каким-то образом, будто занимает намного больше места, чем на самом деле. Я рассматриваю каждую пуговку, идеально подвернутые манжеты — прикосновения к ним заставляют меня улыбнуться, затем нахмуриться и я чувствую, как узел в моем животе снова сжимается на полную силу.

И тут, внезапно, я знаю, как заставлю его снова увидеться со мной.

## Глава 5

# РУБАШКА

«Мистер Сент, это Рейчел Ливингстон из «Эдж». Я бы хотела, если это возможно, вернуть вашу рубашку. И я была бы невероятно благодарна, если бы вы нашли возможность для еще одного короткого интервью, чтобы обсудить Interface. Надеюсь на ваш ответ.»

«Мисс Ливингстон, это снова Дин. У мистера Сента запланировано благотворительное мероприятие сегодня в полдень. Если вы можете подойти в вестибюль к 5 часам, он с вами увидится.

P.S. Он говорит, чтобы вы оставили рубашку себе.»

— Он встретится со мной снова. О, боже. Он встретится со мной снова, и я не могу больше позволить себе промашку! Я должна задавать четкие вопросы. Поладить с ним, чтобы он, может, встретился со мной еще раз. Джина, *жизненно важно*, чтобы я была одета подобающе. Помогите мне выбрать.

— Чего мы хотим добиться?

— Мы добиваемся...

Я гляжу на белую юбку и белую блузку — женственно и невинно.

— Я бы посоветовала попробовать что-то более впечатляющее, что говорит «Вот она я, и я настроена серьезно», — Джина указывает на серую юбку, приталенный укороченный серый пиджак и красные туфли-лодочки.

— Но я хочу выглядеть невинно и беззащитно, — хнычу я.

— Ну же, это сработает.

— Ладно, — соглашаюсь я. — Это и какое-нибудь красивое белье, для уверенности.

\*\*\*

Я рассказываю Хелен, что получила интервью, чтобы уйти пораньше с работы в четверг.



— Ты пойдешь в этом? — она указывает на наряд, который мы с ней выбрали.

Я киваю.

Она хмурится.

— Ты немного смахиваешь на... секретаршу. Нельзя выбрать что-нибудь более сексуальное? Мы хотим возбудить в нем сексуальный интерес.

— Я расстегну пару пуговиц и продемонстрирую декольте, — успокаиваю я ее.

— Я слышала, намечается крупная вечеринка в эти выходные в «Айсберге». Ты разузнала об этом?

*Нет, но я слышала, как он упоминал об этом в машине.*

— Я постараюсь попасть на нее, — заверяю я.

Я приезжаю в «М4» пораньше и спрашиваю, нельзя ли мне увидеться с ним до отъезда.

— Всего на пять минут, чтобы я могла отдать это, — спрашиваю я, поднимая вешалку с рубашкой в пластиковой пленке из химчистки.

Одна из его ассистенток поднимает трубку, шепчет что-то в микрофон, затем кивает и просит меня присесть.

Я присаживаюсь и, спустя минуту, незаметно поднимаю свободную руку, расстегивая верхнюю пуговицу на блузке.

Следом я расстегиваю вторую, легкое движение воздуха ласкает кожу между грудью.

Выдыхая, я не меньше дюжины раз подумываю застегнуться обратно, пока меня не приглашают в его офис. И я забываю об этом, когда вижу его, стоящего за своим столом, и стягивающего пиджак со спинки стула.

Метр девяносто сантиметров лощеного бизнесмена, в смокинге и галстук-бабочке, гладко выбритый. Мне не довелось видеть, как мой отец собирается на работу, или брат. Наверное, поэтому я нахожу вид Малкольма Сента, тянущегося к своему пиджаку, в этой наглаженной белоснежной рубашке, таким впечатляющим и притягательным.

Я не могу перестать тарашиться. Я замечаю выражение его лица, когда он мельком осматривает меня, молчаливо, не отводя взгляда. Боже. Он вопросительно приподнимает брови.

— Что это?

Явно заметив, что я принесла, он вешает пиджак позади себя и становится напротив, смотря только на меня мгновение, которое кажется бесконечным. Мои ноги становятся ватными.

Не думаю, что он даже взглянул «туда», но едва открытое декольте

заставляет меня чувствовать себя, как никогда, обнаженной.

— Мистер Сент, — я откашливаюсь, и тишина повисает между нами, пока он просовывает руки в рукава пиджака.

— Рейчел, — произносит он, его улыбка такая таинственная, хотела бы я знать, о чем он думает.

Я прохожу вперед и поднимаю рубашку на уровень его аккуратно обставленного стола.

— Кажется, это ваше. Простите, что так долго. Мне пришлось дважды сдавать ее в химчистку, сначала в ту, что использует химикаты, не наносящие вред окружающей среде, а затем в обычную, чтобы вывести пятно от краски.

Он смотрит на свою рубашку, словно удивлен снова видеть ее, а я лишь задаюсь вопросом «почему?», раз уж он даже не смотрит на мое декольте, я все еще чувствую себя обнаженной.

— Я сказал Дину, что вы можете оставить ее себе, — говорит он.

— Я сочла это неприличным.

Он склоняется к компьютеру, нажимает несколько клавиш, блокируя его.

— Почему?

Сент наконец-то берет металлическую вешалку (его пальцы касаются моих, теплые, длинные, сильные), забирая рубашку. Он пересекает громадное пространство своего офиса, чтобы повесить ее рядом с остальными, а я быстро застегиваю те две пуговицы, возвращая себе способность дышать.

— Вы раньше не получали подарка от мужчины, Рейчел? — спрашивает он.

Такой проникательный, такой внимательный.

— Ну, вообще-то, я... нет. Не приходилось.

— Даже цветы?

Коснувшись стены, он открывает потайной шкаф, не переставая наблюдать за мной через всю комнату. Я не представляю, какое это имеет значение, или какое вообще ему до этого дело, но все же беру себя в руки и отвечаю.

— Нет, — говорю я.

Он вешает рубашку в шкаф рядом с дюжиной таких же, но из-за блеска в глазах выглядит, будто замороженным этим фактом, и я даже не представляю, почему.

— Вы будете подтрунивать надо мной из-за этого, не так ли? — недовольно бормочу я.

Он вопросительно поднимает вверх бровь.

— Я? Подтрунивать над вами?

— Мне кажется, вам нравится дразнить меня. По глазам вижу, как вы смеетесь надо мной прямо сейчас, — упрекаю я, указывая на его лицо, пока он возвращается этой своей стремительной, уверенной походкой, с самой прекрасной улыбкой, что я видела у него в моем присутствии.

— Возможно это от того, что мне нравится, как вы краснеете.

Прямо сейчас я очень сильно краснею.

Его взгляд не такой ледяной, как я запомнила. Я чувствую тепло, как в его глазах.

— Что насчет вашего отца? — он идет к двери, и мы выходим из офиса.

Мне хочется ответить весело и непринужденно, но я никогда не могла подобрать веселый и непринужденный ответ, когда дело касалось моего отца и всего произошедшего. Мы ждем лифт.

— Его не стало прежде, чем выпала возможность вручать подарки, — наконец отвечаю шепотом.

Приходит лифт, и он показывает мне войти. Пока я прохожу, он наклоняется, пока его дыхание не касается моего уха.

— Я не хотел смутить вас, Рейчел.

Мы заходим в лифт, а все его ассистенты и присутствующие на этаже, кажется, стоят по стойке смирно, ловя каждое движение Сента. Я тихонько стою сбоку, тоже настороже.

— Вы не смутили, — я отвечаю так тихо, чтобы только он мог расслышать. Но какой там. Не так уж много от него требуется, чтобы я смутилась. Какое значение имеет моя личная жизнь? Сочтет ли он меня слишком молодой и слишком неопытной для проведения интервью, которого заслуживает человек его статуса?

Его окликает одна из ассистенток: «О, мистер Сент!» и заскакивает в лифт до того, как двери закрываются.

— Да, Кэти?

Она открывает папку и указывает на что-то, написанное внутри.

— Точно, — громко отвечает он.

— Хорошо, — говорит она. — А вот это?

Сент особо не пользуется одеколоном. Он пахнет кремом после бритья и мылом. Его губы немного отвлекают меня, пока он отвечает на вопросы, которые возникли у его ассистентки. Внезапно вижу его губы перед собой, он слегка улыбается, и когда я смотрю чуть выше, понимаю, что он застучал, как я на него пялюсь.

Когда мы выходим в вестибюль, я красная, как рак.

— Спасибо, Кэти, — говорит он ей.

— Пожалуйста, мистер Сент.

Кэти. Она, по крайней мере, на один или два десятка лет старше него, и явно по уши в него влюблена. Как давно она здесь? (я задумываюсь над этим и мысленно отправляю себе небольшую записку на почту).

— Все в порядке? — он протягивает мне бутылку воды, когда мы садимся в машину. Сидя лицом ко мне, этот парень заполняет целиком все кожаное сидение цвета слоновой кости своими широкими плечами, которые, будто милую в длину. Он выглядит расслабленным, волосы черные и шелковистые (короткие по бокам, но более длинные и игривые сверху), сегодня зачесаны назад, открывая вид на его гладкий лоб и точеные черты лица. Зеленый цвет его глаз каждый день разный. Может, поэтому я не могу отвести взгляда?

— Да, спасибо, что встретились со мной, — наконец отвечаю я.

Я достаю свои записки, потому что в этот раз *не намерена* все испортить. Он молчаливо пьет воду, пока я начинаю задавать вопросы. Я узнаю, что:

- Interface будет поддерживать клипы и гифки с Tumblr, а также видео с YouTube;

- сайт будет предоставлять место для хранения и передачи файлов;

- количество подписчиков ежедневно превышает первоначальные прогнозы на 160%.

— Похоже, Interface — тридцать пятая компания, которую вы основали с нуля?

— Тридцать пятая, тридцать шестая... Номер не важен. Каждая по ощущениям, словно первая.

Мы подъезжаем, мероприятие проходит в огромном саду позади большого особняка. Несколько дюжин столов с белыми льняными скатертями, подиум и повсюду цветочные композиции. Громадный купол над всем этим, изящный и воздушный, заслоняет столы как от солнца, так и от дождя.

«СПАСИ ЖИВОТНОЕ» написано темно-синими буквами на растяжке над подиумом. Когда Сент останавливается у столика, чтобы получить табличку для аукциона, я прихожу в замешательство.

— Я думала, вы сегодня произносите речь, — спрашиваю я, следуя за ним между столиками.

— Я позволяю своему бумажнику говорить за себя.

— Сент, — зовет его парень, подходящий с фотоаппаратом в руках. —

Я думал, ты не подпускаешь к себе журналистов.

Я не помню имени этого парня, но внезапно вспоминаю, что он всего пару дней как-то работал в «Эдж». Он высокий, светловолосый, молодой и смотрит на меня с профессиональной завистью.

Сент берет меня за локоть, игнорируя парня, и ведет нас прямо мимо него.

— Не лезь не в свое дело, Грег, — предупреждает он низким голосом.

— Ты и есть мое дело, Сент! — кричит Грег.

Притихнув, с любопытством ожидая его реакции, я всматриваюсь в бесстрастный профиль Сента. Меня мгновенно впечатляет, с какой легкостью он выбрасывает из головы надоедливое парня. Он, должно быть, давно привык к пристальному вниманию, будто все мы мухи, роящиеся вокруг него, выжидающие, когда он совершит что-либо, заслуживающего освещения в печати. Иногда он делает нам, СМИ, одолжение, ведь он уже совершал безрассудные поступки. Как же сильно нужно на него надавить, чтобы он потерял контроль?

Я замечаю, что он игнорирует почти всех или лишь по-дружески здоровается, но его поведение явственно говорит «Мне насрать». Окружающие, с другой стороны, не могут устоять перед его магнетизмом. Их словно притягивает в его направлении, стоит им только его приметить. Я не могу объяснить те злобные взгляды, которыми награждают меня те же женщины, что с таким обожанием смотрят на Сента.

Он усаживает меня за столик в самом первом ряду по центру.

Перед каждым за столом лежит небольшой каталог с милейшими дикими животными, которых вы когда-либо видели.

— Что скажете? — спрашивает он спокойным, деловым тоном, пока я листаю каталог.

— Вы спасаете одного из этих животных? — спрашиваю я, а он кивает в ответ. — Я ни за что не смогу выбрать кого-то одного.

— Они были в цирке. Их усыпят, если они не найдут дом, а чтобы это произошло, им нужен спонсор, который обеспечит им необходимый уход в местном зоопарке.

— Мне из-за этого так грустно, — я просматриваю список животных и останавливаюсь на одном. — Слон. Я думаю, это один из самых достойных представителей животного мира. То, как они относятся друг к другу, такие заботливые, сильные и нежные.

— И это ваши аргументы? — спрашивает он, стараясь выглядеть серьезно.

— Нет, я только разогреваюсь, — говорю я, моя гордость уязвлена. —

Слоны приносят удачу. Спорю, если вы спасете этого слона сегодня, его удача как-нибудь спасет вас.

— Меня невозможно спасти, мисс Ливингстон, но давайте купим этого слона, — он протягивает мне табличку, чтобы я могла делать ставки, и усаживается поудобнее с телефоном в руках, отвечая на письма, пока я поднимаю табличку.

Я начинаю сильно нервничать по мере того, как растет цена.

— Сент...

— Продолжайте, пока слон не станет вашим.

— Это она, и она станет *вашей*, — поправляю я его.

Он пожимает плечами.

— Если вам так удобнее.

Мы спасаем слониху по имени Розы, и теперь у нее будет дом на всю оставшуюся жизнь. Он забрал у меня табличку и повышал ставки на каждого животного, заставляя суммы расти, а других выпрыгивать из штанов. Он не объяснял мне свою задумку, и я заметила на четвертом животном, что он ставит на всех, заставляя других участников повышать ставки и платить больше.

Будто весь мир — его игровая площадка. Это внушает мне благоговение, а еще, немного пугает.

*Сент может уничтожить наш журнал...*

Мне только что открылась беспощадная сторона его личности, и я лишь надеюсь, что никогда не стану тем, против кого он ее использует.

По пути назад, он говорит по телефону на иностранном языке, а я изо всех сил стараюсь не обращать внимания на то, как его приятный голос, произносящий иностранные слова, заставляет меня ерзать на сидении. Я делаю заметки на телефоне, чтобы отправить на почту самой себе, особенно о том, что запомнилось больше всего.

- Он не берет пленных. Он повышает ставки на максимум. Зачем? Он бросает вызов своим конкурентам, а им это не нравится —> Сколько у него врагов?

Я начинаю краснеть при мысли о том, как он, кажется, наслаждается, когда дразнит меня, и вздыхаю и смотрю за тем, как он говорит с кем-то (похоже, это Тахо Рот). С друзьями он совсем другой. Непринужденный, менее напряженный. Я думаю о его деловых звонках, обо всех его сегодняшних поступках.

Он целеустремленный и упорный, абсолютно ненасытный.

Когда мы высаживаем его возле «М4», где уже стоит блестящий BUG 3 и кто-то с ключами наготове, он желает мне доброй ночи. Я благодарю его

за сегодня, а потом сижу, терзаясь и задаваясь вопросом, было ли это нашим последним интервью.

Приезжая домой, я задумываюсь, как мне заставить его увидеться со мной еще раз. Мне беспокоит от мысли, что все закончилось. Я размышляю, буду ли выглядеть отчаянной, если попрошу еще об одном интервью. Может, мне просто оставаться на связи и написать ему позже на неделе.

Открыв папку «Входящие» на Interface я создаю новое сообщение. Я ищу информацию об аукционе и нахожу красивую фотографию слонихи. В теме я пишу: «Ты знаешь, как угодить девчонке, мой герой», а в тексте сообщения пишу:

«Мистер Сент, я не только рада узнать что-то новое об Interface, но и буду теперь спать намного лучше, зная, что у Розы все в порядке.»

Я смотрю на написанное, задумываясь, не перегибаю ли я палку. Я немного заигрываю с ним, потому что он и сам сегодня подтрунивал надо мной. Мне хочется достучаться до его человеческой стороны, чтобы он немного открылся мне, но и не хочу, чтобы он счел мои действия непрофессиональными. Я спрашиваю у Джинны, что она думает насчет этого сообщения с картинкой слона.

— А при чем здесь вообще слон?

Я решаю, что это останется чем-то только между мной и ним, так что, набравшись смелости, отправляю сообщение. И затем хнычу. Правда, что ли? Я даже не уверена, что это его рассмешит, в каком бы настроении он ни был. В результате, я ежесекундно обновляю почту, и пока жду ответа, перенаправляю свою энергию на чтение его интервью. Я читаю и читаю, заинтересованная не столько в вопросах, сколько в ответах, и даже более — в каждом пробеле между слов его ответа, словно то, о чем он в этот момент умолчал, позволит мне получше понять его.

Спустя час от него все еще нет ответа.

Обычно в моей спальне царит спокойствие, но, похоже, оно ушло от меня вместе с фотографией слона. Я кручусь и ворочаюсь всю ночь.

## Глава 6

### КЛУБ

В полнейшей растерянности, я смотрю на потолок нашей квартиры.

Совершила ли я ошибку, отправив фотографию со слоном?

Я позволила эмоциям взять над собой верх и, возможно, перешла профессиональную черту. Сегодня от него не было никаких новостей, как и от Дина, или кого-то еще. Теперь я не знаю, что делать, но мне известно, что сегодня у него запланирована пафосная вечеринка в «Айсберге». Каким-то образом я должна попасть на нее. В его жизни все идеально разложено по полочкам — работа с одной стороны, а что насчет другой? Если мужчина так упорно работает, то он и веселиться должен с таким же размахом, или (что вообще вряд ли возможно, но все же) даже *еще круче*.

СМИ любят особо подчеркнуть, какой он распутник, но разве можно его винить? Он потрясающе выглядел, когда я шла рядом с ним на том аукционе, взгляды всех присутствующих дам были обращены на меня, после чего с вожделием переводили их на его прекрасное лицо. Можно ли винить его, что он принимает то, что женщины ему предлагают, когда он так молод и здоров?

Сент, возможно, считает, что помогает нам набить цену, но за последнее время он сделал для «Эдж» больше, чем кто-либо другой — уже тем, что согласился сотрудничать охотнее, чем я могла ожидать. Он уделил мне больше времени, чем кто-либо другой (даже в половину столь же значимый) согласился бы дать журналу, находящемуся в затруднительном положении.

Я вижу, что он строгий начальник, но нутро мне подсказывает, что при этом он справедливый. Interface и вся корпорация «М4» — примеры дальновидности и амбициозности, никак не жадности. По одним только телефонным звонкам я могу сказать, что он выдающийся бизнесмен (говорят, что и любовник он тоже выдающийся).

Во время первого интервью в машине, когда он подумал о вечеринке в «Айсберге», кому он позвонил? Одному из своих друзей? Роту или Кармайклу?

Хватая с дивана домашний телефон, я звоню Валентайну, одному из моих коллег (он работает в отделе светской хроники и знает всех, а если



нет, знает достаточно о них, чтобы убедительно врать).

— Ты можешь провести меня сегодня на вечеринку Малкольма Сента в «Айсберге»?

— Дамочка, я могу провести тебя куда угодно. Вопрос лишь в том, что я получу взамен?

— Назови свою цену... дружище.

— О, как же я люблю язвительную Рейчи! погоди, я тебе перезвоню.

Он звонит пару минут спустя.

— Ты в списке приглашенных.

— Вместе с Джинной, так?

— Подруга, я деловой человек, а не волшебник. Не благодари. С тебя причитается.

— И я отдам долг, — радостно обещаю я, хотя Джина не так рада новостям.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что я не могу пойти с тобой? — возмущается Джина, когда я рассказываю ей. — Уинн уходит на свидание, а я вынуждена остаться дома сама в вечер пятницы?

— Мне жаль, Джина, — я морщусь, лихорадочно перебирая свой гардероб. — Хочешь, Валентайн зайдет к тебе?

— Ну уж нет, — хмурится она. — Я не доверяю этому парню. Он, как тот лысый сплетник в «Игре престолов», манипулирует всеми, — она начинает что-то писать на телефоне. — Ладно, я написала Валентайну, потому что он, как тот лысый сплетник из «Игры престолов». Возможно, мы выпьем вместе, когда ты уйдешь.

Я все еще в махровом халате, только из душа, Джина и Уинн пытаются помочь мне подобрать идеальный наряд, когда мы слышим стук. Уинн вскакивает на ноги, будто молния ударила. Она забегает в ванную, чтобы распушить свои кудряшки, а потом идет через гостиную открыть дверь.

Уинн распахивает дверь, а за ней стоит Эммет, шеф-повар нового перспективного ресторана. Ее нынешний ухажер. Ее шарф взлетает вверх в потоке воздуха, созданном открытой дверью, Эммет подхватывает его и притягивает Уинн к себе.

Высокий блондин, он целует ее в губы, поцелуй настолько идеальный, будто в кино, я жду, когда с минуты на минуту зазвучит фоновая музыка.

Ни разу в жизни так меня не прижимал ни один мужчина. Меня не подбрасывали вверх, как подбрасывали в детстве Уинн, отец никогда не целовал меня в макушку перед сном, как целовал Джину ее папа.

Уинн всегда была самой нежной из нас трех. Она хочет выйти замуж и является экспертом в использовании своей женственности с целью

добиться желаемого. А что она всегда желает? Мужчину. Я никогда не желала мужчину. Я росла, желая, чтобы папа был жив, и все напрасно, так что я просто перестала об этом думать.

Джина тоже наблюдает за этими двумя, и стоит Уинн захлопнуть за собой дверь, мы переводим взгляд друг на друга, задаваясь вопросом, *не упускаем ли мы что-то важное из-за того, что выросли слишком замкнутыми?*

В нашей троице Джина — циник. Пару лет назад в колледже она встречалась с парнем по имени Пол. Пол — такое милое и скромное имя. Ты и не подумаешь, что парень по имени Пол станет врать тебе, когда говорит, что любит. Ты и представить не сможешь, что у него будут две девушки помимо тебя, с которыми он будет тебя обсуждать. Ты не ждешь, что первый парень, в которого ты влюбишься, заставит тебя желать остаться одинокой до конца жизни.

Мы с Джиной обе замужем за своей работой, и обе настроены, чтобы так все и оставалось. Джина работает в универмаге, и живет ради своей скидки как сотрудника. Я живу ради своей колонки в журнале.

— Ты выглядишь взволнованной, — говорит Джина, добавляя румян на мои щеки. — Расслабься, Рейчел. Он всего лишь мужчина, не важно, насколько божественный.

— Не говори так, я и без того достаточно нервничаю. Клубы — это не мое, и так было даже в те времена, когда мы просили, чтобы нас пустили туда.

— Никто не будет знать, что это не твое. Просто старайся соответствовать.

Вдвоем мы рассматриваем три варианта, которые я отобрала для сегодняшнего выхода.

Учитывая, что он уже видел меня в комбинезоне и в костюме, сегодня вечером я хочу предстать в совершенно ином виде. Его вечеринки известны своим размахом и роскошью, и я не хочу выглядеть по-деловому. Хочу выглядеть, как кто-то, отрывающийся со всеми. Хочу выглядеть соблазнительно, современно, смело, чтобы та девушка, берущая у него интервью об Interface, была последним, о чем он вспомнил.

— Что скажешь? — спрашиваю я Джину. — Вариант «а»: милая белая юбка с воздушным белым топом; вариант «б»: красное обтягивающее платье, длиной по колено; вариант «в»: черное бандажное платье.

— Мужчины любят женщин в белом, — говорит Джина. — Дьявол в них не может этому противостоять. А в Сенте живет самый дикий дьявол. Хотя красное они тоже любят.

— Но черный — это беспроигрышный вариант, — говорю я. — Я не хочу кричать «У меня уже давно не было секса». Не хочу говорить «Тут, чтобы соблазнить». Я просто хочу быть там и сказать «Вот она я».

Она одобрительно кивает, так что я иду в ванную, надеваю свое черное кружевное белье и платье, выхожу босиком, чтобы надеть туфли на каблуках.

Джина отбрасывает в сторону журнал, который читала, идя со мной к шкафу с зеркалом в полный рост.

Я высокая, статная, у меня маленькая грудь, но упругая и высокая. Нежно-персиковая кожа, я платиновая блондинка (сыграли роль мамы скандинавские корни). Почему-то я часто слышу от окружающих комплименты моим плечам и шее, так что платье с глубоким вырезом отлично их демонстрирует. Оно подчеркивает мою стройность, подтянутые бедра и узкую талию, черная ткань выделяет свечение кожи лица и шеи. Волосы слегка отливают серебром. Глаза серые, с голубыми крапинками. Платье обхватывает меня во всех нужных местах.

— Словно только сошла с подиума, — заверяет меня Джина, кивая, лежа на кровати.

— Уж *точно лучше*, чем когда я встретила с ним, будучи обутой в кеды, — парирую я.

Я провожу щеткой по волосам, затем пару минут сушу их феном. Когда все готово, я вздыхаю, встречаясь с самой собой взглядом в зеркале.

— Готова или нет, Рейчел.

— Конечно же, ты готова! — подбадривает меня Джина.

Смеясь, я поворачиваюсь к ней, мечтая, чтобы она тоже могла пойти. Моя самая лучшая подруга. Для меня она, как сводная сестра. Я держала ее за руку, после того, как Пол причинил ей боль. Передавала салфетки. Я поклялась, что больше никому не позволю разбить ей сердце. Я поклялась, что буду с ней до конца, и никому не позволю разбить и свое. Я пообещала, что мы будем счастливы и одиноки, потому что, кому вообще нужен мужчина? Мы ели мороженое и повторяли нашу мантру каждый раз. И сейчас, собираясь в клуб, я чувствую себя ангелом без крыльев.

— Вперед, задай им жару, — говорит она с не присущим ей волнением.

Собравшись, я беру сумочку, убеждая себя, что могу сделать это. Что хочу это сделать. И когда (не «если», именно «когда») я напишу эту разоблачительную статью, все сомнения в моих способностях наконец-то затихнут у меня в голове.

Я внешне сильно отличаюсь от той девушки, которую Сент встретил в своем офисе. Но я не чувствую себя иначе. Мои нервы на грани, когда я называю свое имя вышибале на входе. Меня впускают в клуб, и я вся сжимаюсь и притихаю, стоит каблукам коснуться пола.

Если «М4» внутри был словно музей, то «Айсберг» — чистый образец эпатажа. Ледяные скульптуры на пьедесталах по периметру зала. Клетки с разрисованными танцорами свисают с потолка. Бар, освещаемый белым и синим светом, развернулся от одного конца зала до другого.

Вспыхивают огни стробоскопа, пока я проталкиваюсь в толпе. Басы гремят, люди танцуют под песню Mr. Probz “Waves”. Выпивку разносят на блестящих серебряных подносах, напитки украшены фруктами, оливками, солью с блестками, цветными добавками в спиртное, выглядящими, как настоящие произведения искусства. Это не обычный модный клуб. Это клуб богатеньких мальчиков, куда не глянь, всюду красивые люди в красивой одежде.

— *Я встретила его! Когда он сказал «Привет», я думала, что упаду в обморок...!*

Внутри все переворачивается, когда слышу это, потому что абсолютно уверена, что они говорят о нем. Стараясь дышать, я пробираюсь глубже в клуб, страстно мечтая, чтобы Джина была рядом. Комната набита женщинами, некоторые явно в поиске, другие в паре с кем-то, несколько человек висают с друзьями. Я медленно дышу, вдох и выдох, повторяя про себя, что я могу это сделать. Это всего лишь клуб. Я могу повеселиться. Много времени прошло с тех пор, как я ходила в клуб, и уж точно не в такой, но это не важно. Я могу немного расспросить народ и, если мне повезет, я смогу даже больше.

Осмотрев все вокруг, пытаюсь найти лучшее место для слежки, я поднимаюсь на верхний этаж, откуда открывается лучший вид на то, что происходит внизу в самых многолюдных углах зала.

И к слову о дьяволе. Мое сердце пропускает удар, когда я вижу его темноволосую голову, и все внутри у меня яростно сжимается в невыносимый огненный узел. Клянусь, *никто за всю мою жизнь не заставлял меня так нервничать.*

Он сидит, вытянув руки на спинке дивана позади себя, бокал вина и две девушки соперничают за его внимание, пока он говорит с друзьями. Его мужественное лицо подсвечивается под определенным углом вспышками

света, и он бесподобно красив.

Так, все хорошо. *Дыши*. Хочу ли я, чтобы он знал, что я здесь, или нет?

Словно на ватных ногах, я заставляю себя спуститься вниз. Я направляюсь в дамскую комнату, пробираюсь сквозь толпу тел к широкому зеркалу над современными подвесными раковинами. Группка девчонок прихорашивается перед зеркалом, а я смотрю на наши отражения. Справа от меня женщина красит губы красной помадой, а слева ее подруга красит розовой. Я же? Все такая же, хоть и выгляжу вычурно, будто одна из них. Выгляжу совсем не так, как та молоденькая девчонка в комбинезоне, которую он встретил. Сможет ли он вообще узнать меня?

— Ты идешь на афтепати? — Красные губки спрашивает у Розовых губок, поправляя макияж.

— Ключа еще нет.

— Смотри-ка, — Красные губки машет ключ-картой в воздухе.

В комнате раздается визг, и она прячет ключ в лифчик.

— Мой!

— Так значит, планируется афтепати? — спрашиваю я у них.

— В пентхаусе Сента, — отвечает одна, кивая.

— И как получить приглашение на эту вечеринку?

— Сотню ключей раздадут в течение вечера.

Неожиданная мысль о том, чтобы утащить ключ, который она только что засунула себе в лифчик, проносится у меня в голове. В смысле, это же всего лишь ключ. Вряд ли это можно считать уголовным преступлением.

— Детка, — говорит она мне, — хватит так смотреть на мой ключ! Я три года ждала, чтобы получить такой ключ. Иди и поработай своей задницей, если он тебе так нужен. Только лучшие попки получают его.

— Ну спасибо, — отвечаю я, разворачиваясь и осматривая свой зад. Джина говорит, он у меня отменный. Кто-то бы даже назвал его упругим и призывным. Но согласится ли с этим Сент?

Вздыхнув, я прислоняюсь к стене, когда замечаю множество надписей на распахнутой двери. Прищурившись, я пытаюсь рассмотреть, что там написано.

*«Малкольма — в отцы моих детишек»*

*«Я сосала член Сента»*

*«Тахо оттрахал меня прямо здесь»*

*«Каллен лижет киску, как дикарь»*

Я направляюсь обратно к шуму и пытаюсь найти хорошее место для наблюдения, когда опять вижу его. Две девушки так и не отходят от него, но теперь я чувствую себя на взводе, это меня раздражает. Одна из блондинок берет у официанта шот, облизывает край рюмки и добавляет соль.

Сент откидывается на спинку дивана, наблюдая за ней со скучающим выражением лица, но слегка улыбается, словно его веселит происходящее.

Я настолько захвачена наблюдением за ним (в равной степени замороженная и испытывающая отвращение), что не замечаю, как охранник подошел ко мне, пока он не оказывается прямо передо мной. Он указывает вглубь зала, откуда лучшие друзья Сента прямо сейчас наблюдают за мной. Сент даже не смотрит в мою сторону. О нет, он слишком занят представлением, которое ему устраивают девушки, хотя на его лице все та же скучающая улыбка. Возможно, им стоит скинуть свои топики, чтобы вызвать его интерес.

Все трое мужчин прекрасно вписываются в шикарную обстановку, но я не могу перевести взгляд на двух других. Смотрю только на Малкольма. Мрачная привлекательность Малкольма сочетается с полумраком, он словно Аид в своем маленьком уголке ада.

Внезапно он начинает смеяться над чем-то, что сказала одна из блондинок, и немного разворачивается, устремляет взгляд прямо на меня, и замирает.

Его взгляд — словно укол адреналина. Я хочу отвести глаза, но не могу, словно я угодила в ловушку. Не знаю, может я выдумываю, но готова поклясться, что его грудь вздрагивает, будто он делает резкий вдох.

Узнал ли он меня?

*Хочу ли я этого?*

Обстановка так накаляется, что я не могу дышать. Легкие, словно каменные, и я правда, не могу *вдохнуть*. Когда он проводит по мне быстрым пронизывающим взглядом, внутри меня все дрожит. Он видит меня всю, от каблучков до длинных светлых волос, и я начинаю переживать, что платье слишком сильно обтягивает мои ноги, бедра, живот, грудь и даже мой зад. О боже. Я заставляю себя следовать за охранником в направлении Сента, каждый шаг ускоряет мое сердцебиение. В этом черном костюме без галстука, с расстегнутой верхней пуговкой и немного взъерошенными волосами, Сент является олицетворением роскоши и греха. Он Грех во плоти, а я чувствую себя настоящей... девственницей.

Он вытягивает перед собой длинные ноги, он смотрит прямо на меня, и кажется, не намерен отводить взгляда.

— Мистер Сент, — охранник покашливает. — Джентльмены хотели, чтобы я привел ее.

Его улыбка все та же, а выражение лица отстраненное и не читаемое.

— Вот она, джентльмены, — говорит охранник двум другим, блондину и парню с медно-золотыми волосами, которые смотрят на меня, как на обед.

— Тахо, — говорит блондин.

— Каллен, — говорит мужчина с медно-золотыми волосами.

Сент просто шлепает блондинок по заду, отсылая прочь, затем тянется, берет меня под локоть в кажущемся произвольным жесте, отчего я испытываю странное спокойствие. Я больше здесь никого не знаю, так что, когда он тянет меня к себе, я сажусь рядом, на край длинного дивана.

И тогда он наклоняет свою темноволосую голову ко мне и шепчет: «Малкольм». Его голос такой глубокий и низкий, что я вздрагиваю.

«Рейчел», — смущенно отвечаю я.

Он удивленно смотрит на меня. «*Что ты здесь делаешь, Рейчел?*» — кажется, спрашивает он.

Я задумываюсь над ответом, когда Тахо поднимает свой напиток и осушает бокал.

— Тебе давно пора спать.

Техасский нефтяной мальчик. Он источает обаяние, манерно растягивая слова.

Не знаю, почему, но я полностью сосредоточена на том, где тело Сента находится по отношению к моему. Он только что сел прямо на диване и, каким-то образом, сдвинулся так, что теперь его рука весьма ощутимо вытянута позади меня.

— Как говорится, дурная голова ногам покоя не дает, — отвечаю я Тахо, очень широко улыбаясь, сердце колотится от близости Сента.

Внезапно я чувствую его аромат. Только его. Среди всех перемешанных запахов в зале, почему-то именно Сент в моих легких, в каждом моем *вдохе*. Он излучает энергию, которая притягивает меня, словно магнит. Из-за этого я нервничаю, но что-то в его присутствии, да еще так близко ко мне, успокаивает.

— Очевидно здесь дресс-код — Сенту пришлось оставить свои рога и хвост на входе, — шутит Каллен, когда официант ставит передо мной напиток.

— О, да, — я смущенно одергиваю подол юбки. — Мне пришлось оставить половину платья.

— Да что ты говоришь! — говорит Тахо саркастически.

— Ти.

Всего одно слово, одна буква из уст Малкольма.

— Слушаю тебя, Сент, — отвечает Тахо, удивленно подняв брови.

— Клейм.

Я едва не выплевываю свой напиток. Я кашляю и хлопаю рукой по груди, Сент спокойно забирает напиток из моей руки и отставляет в сторону.

— В порядке? — спрашивает он, наклоняя голову, и заглядывая мне в глаза.

Я еще раз кашляю, зажмуриваюсь и киваю, а когда открываю глаза, Сент — это все, что я вижу. Он смотрит на меня таким пронзительным взглядом, что я чувствую его вплоть до костей.

— Ты только пришла на вечеринку, Рейчел? — спрашивает он.

В ожидании ответа, он берет мой коктейль и протягивает мне стакан. Его запястье широкое и выглядит таким сильным, кожа гладкая и загорелая, и я замечаю волоски на его руке, когда осторожно беру стакан, а наши пальцы соприкасаются.

Тахо тянется в карман пальто и машет тем, что достал оттуда.

— Сент! Позволишь мне?

Все у меня в груди наполняется волнением, когда я понимаю, что это *ключ!*

— Этому не бывать, ей там не место, — отвечает Малкольм, сидя рядом со мной.

— Эй! Да ладно тебе, позволь мне дать ей ключ. Она ж красотка, чувак, — говорит Тахо, растягивая слова.

Мне не верится, что это происходит, я даже не дышу, когда Малкольм медленно встает. Я встаю следом за ним, в замешательстве смотря ему в лицо.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что мне там не место? — я требую объяснений. Когда он стоит так близко ко мне, кажется, будто гравитации не существует. Я чувствую головокружение. Недоумение. И неожиданную обиду.

Впервые со времени нашего знакомства он смотрит на меня так, будто и правда теряет терпение... из-за *меня*. Он наклоняется ближе, его губы у моего уха.

— Верь мне, когда я говорю, что тебе там не место. Иди домой, — шепчет он. Он смотрит на меня взглядом, полным предостережения, и уходит, смешиваясь с толпой.

Тахо и Каллен смотрят на меня, будто онемевшие.



— Такое у нас впервые, — бурчит Тахо и уходит.

Я чувствую, что сгораю от унижения и замешательства. Самое худшее, что, когда я выхожу на улицу, тот же мужчина, что возил нас вчера, подходит ко мне.

— Мисс Ливингстон, с удовольствием отвезу вас, — говорит он, пряча телефон, будто Сент только что звонил ему. Мужчина огромен, он лысый, с непроницаемым выражением лица. Секундой позже он уже открывает для меня дверь «роллс-ройса».

Серьезно?

Сент и правда, только что позвонил ему и сказал сопроводить меня домой?

Опасаясь, что люди увидят, как я стою рядом с машиной Сента, сажусь внутрь на заднее сидение, бормоча «спасибо», просто потому, что во всем происходящем нет вины водителя.

Внутри пахнет новой машиной и его одеколоном. Сбоку стоят бутылка вина и бутылки с водой. Тихо играет музыка и температура в машине такая, как надо. Идеальная роскошь вокруг заставляет меня провести руками вниз по платью и придиричиво осмотреть себя. Что со мной не так?

Я чувствую, будто он выбил землю у меня из-под ног и напомнил, с кем мне довелось столкнуться. С альфа-самцом. Жестким и беспощадным.

У меня горят уши и щеки, что сводит меня с ума. Оседая на сидении, я прижимаюсь лбом к окну. Сосредоточься, Ливингстон! Вздохнув, я достаю телефон и пытаюсь записать все детали увиденного, но не могу. Я ничего не могу делать, просто еду здесь, в его машине, удивляясь, почему чувствую себя такой незащищенной.

\*\*\*

На часах где-то без пяти двенадцать, когда я на цыпочках захожу в квартиру, морщась, когда дверь захлопывается громче, чем я планировала. Я иду на кухню за водой, когда появляется заспанная Джина со спутанными волосами.

— Привет, — говорю я извиняющимся тоном. Она хмурится, щурясь от света. — Прости, Джи, я не хотела тебя разбудить. Возвращайся в постель.

— Как прошла вечеринка?

— Нормально, — только и могу я ответить. — Я все расскажу тебе завтра.

Она трет веки.

— А, сейчас слишком поздно или слишком рано. Да. Мы смотрели «Игру престолов».

Она бредет обратно к себе, а я иду в свою комнату, смываю макияж, снимаю платье. Пока я ищу в шкафу свою университетскую футболку, я замечаю пустое место, где раньше висела его рубашка, и смотрю туда. Я должна радоваться, что ее там нет, но вместо этого ее отсутствие заставляет меня чувствовать себя еще хуже, ведь теперь мне кажется, что я выдумала все те случаи, когда он был добр ко мне. Захлопывая дверь шкафа, я залезаю в постель в своих мальчиговых боксерах, прихватив с собой ноутбук, и заставляя себя писать. Хотя бы одно слово. Всего одно, ведь выкидывание этого вечера из памяти никак не поможет мне продвинуться в моих будущих планах. Я пишу:

«Собственник»

А затем я гуглю просто потому, что до сих пор не могу поверить, что он это сказал...

«Клейм: Требовать / заявлять свое право (на что-л.)»

Да. Это значит именно то, что я подумала.

Хмурясь, я ложусь на кровать, уставившись в потолок. «Ливингстон, и что с того? Ему не хотелось видеть тебя на своей вечеринке, ты же журналист. А ты чего ожидала? Ты знаешь, что это означает? Это лишь значит, что ты должна копать *глубже!*»

## Глава 7

# СОН

Глубже. Он накрывает мое тело своим, твердым во всех правильных местах. Он вколачивается в меня, это так приятно, что я стону и выгибаюсь ему навстречу.

— Прошу, — шепчу я. — Глубже, прошу, *глубже*.

Он накрывает мой рот своим в безудержном поцелуе. Руками сжимает мою грудь, ладонями гладит соски. Моя голова утопает в подушке, когда вес его тела вжимает меня в матрас.

Я в агонии. Я в агонии, потому что у меня так давно не было секса, и я никогда не чувствовала себя подобным образом, а он снова целует меня, грубый от желания. Обхватив пальцами одну грудь, он сосет вершинку. Я выгибаюсь, рефлекторно реагируя на него, прижимаясь к нему всем телом, развожу ноги шире под его бедрами, чтобы он вошел настолько глубоко, насколько это возможно... Прошу «пожалуйстапожалуйстапожалуйста»... Я никогда не умоляю, но сейчас не могу перестать просить.

Я с жадностью покусываю его полные губы, проводя пальцами вверх по напряженным мышцам его спины. Он ощущается так же, как выглядит — жестко, непоколебимо. Но его тело, оно такое теплое, в нем нет ни грамма холода. Если я взгляну на него, будут ли его глаза цвета зеленого льда или зеленого огня? Прошу, пускай это будет огонь, прошу, испытывая желание ко мне. «Прошу, глубже», — думаю я, откидываясь на подушку от последнего мощнейшего толчка, он погружается так глубоко, до последнего сантиметра его твердой плоти. Он начинает двигаться: внутрь, наружу, внутрь, наружу...

Я просыпаюсь, вспотевшая, вращая бедрами, часто дыша, всего на волоске от оргазма. Я стону и перекатываюсь на бок. 1:08 ночи. Он, должно быть, на своей афтепати. Занимается сексом втроем. Или вчетвером. Боже.

«Серьезно, Ливингстон!» — ворчу я сама на себя. Меня сотрясает дрожь и это не проходит. Я уже на краю, ожидаю падения.

С мучительным стоном я погружаю руку между ног, к горящему месту. «Не делай этого, Ливингстон», — предупреждаю я себя, но возбуждение слишком сильно. Зажмурившись, я скольжу пальцами между бедер и, так как все равно не могу остановиться, пытаюсь вместо него представить

сексуального актера. Но, по мере того, как удовольствие возвращается, на меня глядят ледяные зеленые глаза. Я кусаю губы, желая укусить его. Возбуждаясь, я начинаю ощущать его руки между своих ног, но этого все еще недостаточно. Я хочу сильнее чувствовать его пальцы, хочу ощутить вес его тела на себе. Я наслаждаюсь тем, что он делает с моим телом, говоря себе, что не произнесу его имя, когда кончу. Не скажу. Потому что это не он сейчас проделывает со мной все эти медленные, приятные, сексуальные штучки. Не он. Целует меня. Сжимает меня. Двигается внутри меня, когда я...

— *Сент.*

После сотрясшего все мое тело оргазма, я лежу в постели, изумленная. Затем меня охватывает шок.

— Боже, я такая шлюха, — я включаю лампу и иду мыть руки, затем умываюсь, хмурясь на свое отражение в зеркале.

Вздохнув, я тащусь обратно в комнату, открываю ноутбук и выискиваю упоминания о нем, заставляя себя взяться за работу. Мне приходит в голову, что прямо сейчас он, скорее всего с одной или двумя (а может тремя, или четырьмя) девушками, занимается сексом, от которого закатываются глаза и сминаются простыни (ведь всем известно, как он хорош в этом). Я просматриваю его персональные странички в соцсетях, говоря себе, что делаю это только из-за своего расследования.

Его Instagram забит фотографиями, переполненными адреналином.

Сент на горнолыжном спуске, помеченном двойным черным ромбом, одет в черное, на фоне огромной белой горы, позади него четкий зигзагообразный след.

Сент с парашютом, выпрыгивает вперед спиной из самолета, невероятно сексуальный, земля — крошечная расплывающаяся клякса под ним.

Но ничего, совершенно ничего нет с афтепати, на которую он не захотел меня пускать.

## Глава 8

# ВЫЗОВ

— От Сента добра не жди, — заявляет Джина во время воскресного обеда, сидя на своем месте у окна в гостиной. — Ты бы влипла в историю, последуй ты за ним на эту его афтепати. Ты слышишь меня?

— Ммм... — я брожу по интернету, пытаюсь накопать хоть какие-то детали прошедшей вечеринки.

— Рейчел Ливингстон. Алло? Рейчел Клейм? Могу я теперь звать тебя Рейчел Клейм? — она щелкает пальцами, пытаясь отвлечь меня от ноутбука, и, блин, она что, подшучивает над всей этой ситуацией с заявлением на меня прав? — Вау. Там машина на улице. Здоровенная крутая машина. Прямо перед нашей скромной маленькой обителью. Ты слышишь вообще? Земля вызывает...

— Что ты имеешь в виду под «здоровенной крутой машиной»? — я вскакиваю с дивана, подбегая к месту, где сидит Джина. Я отдергиваю другую прозрачную занавеску, и вижу здоровенный крутой «роллс-ройс», который подвозил меня домой на этой неделе.

Да что тут происходит?

Я хватаю свой телефон, и мое сердце замирает, когда я вижу его имя в своей папке «Входящие» на почте.

«Я бы хотел встретиться с вами сегодня. Я отправлю к вам домой машину.

-М.»

*Божежстьюмой.*

Малкольм сам лично написал мне?

— Эй, подруга, ты куда собралась? — кричит Джина, наблюдая за тем, как я забегаю в свою комнату.

Я так нервничаю, что меня переключивает, и я не могу говорить с ней о происходящем прямо сейчас. Я переодеваюсь в белые джинсы, обтягивающие мою попу, крошечный топ и серебристые босоножки на высоком каблуке. Я брызгаю на себя духи и кричу ей: «Я расскажу тебе позже. Не жди меня!»

Подхватив под руку клатч, я спускаюсь вниз на лифте. Выйдя на тротуар, я замечаю, что люди уже фотографируют машину.

Водитель замечает меня и быстро открывает дверь. Я заскакиваю внутрь, прежде чем они успеют сфотографировать и меня, воспоминание о моей прошлой поездке в этой машине заставляет меня чувствовать себя немного некомфортно. Правда, сегодня на мне уместная одежда. Она будто говорит «модно и сексуально», а не «обольщение». Как никогда, полная решительности, я намерена добыть полезную информацию, и никакие зеленые глаза не отвлекут меня от намеченной цели.

— Куда мы едем? — спрашиваю я водителя.

— В гавань Дасейбл, — отвечает он.

Дорога занимает некоторое время, в течение которого я ломаю голову, не понимая, что может быть нужно от меня Сенту. Мне все еще неловко от того, что случилось в последнюю нашу встречу, но я также не могу позволить собственным чувствам испортить статью.

Машина сворачивает на место на стоянке и водитель припарковывает её рядом с самой роскошной яхтой в гавани. Она помещается на причале, но при этом она настолько большая, что стоит в отдалении от других. Она сверкает, такая кипенно-белая под лучами солнца. «Игрушка» — гласит надпись прописными темно-синими буквами рядом с носом яхты.

Дверь распаивается прежде, чем я успеваю закрыть рот. Выходя из машины, я вижу темноволосого мужчину на палубе, и мое сердце делает кульбит. Постепенно я заставляю свои ноги двигаться, часть меня задается вопросом, я ли это на самом деле иду к такой яхте, к мужчине, ожидающему меня на ней. Все становится с ног на голову, пока я вхожу на палубу, мне кажется, что кто-то ошибся, поместив меня в эту реальность.

— Мистер Сент.

Он идет мне на встречу, на нем широкие пляжные шорты и распахнутая рубашка, у него гладкая кожа, а пресс настолько рельефный, что я могла бы очертить все изгибы пальцами. И у него невероятно мускулистые ноги. Ветер играет его волосами.

Он идеально выглядит в сшитых на заказ костюмах, но сейчас, в непривычно обыденной одежде, он так захватывающе сексуален, что его впечатляющий внешний вид напоминает мне о моем сне, заставляя желать, чтобы он вообще никогда мне не снился. В лучах солнца он еще сногшибательнее, чем я запомнила. Его загорелая шея мускулистая и сильная, а адамово яблоко движется так сексуально, когда он говорит своим низким голосом: «Рейчел».

Я краснею.

— Я жду друзей в гости. Подумал, что ты бы хотела ко мне присоединиться.

— С чего вы взяли?

Он приближается, практически нарушая границы моего личного пространства, и излучает такую власть, что мне хочется отпрянуть. Но я этого не делаю.

— У меня такое чувство, что тебя взбесило то, как все прошло в прошлый раз, — он внимательно наблюдает за мной, и от его взгляда не укроется абсолютно ничего.

Мне не хочется вспоминать ту боль и смущение, которое я испытывала из-за его поступка, но я не могу их сдержать.

— Взбесилась ли я от того, что вы заявили на меня свои права, словно вам двенадцать? Или что вы имели наглость отшить меня?

Выражение его лица не меняется.

Как и не уходит мой гнев.

— Вы привезли меня сюда лишь затем, чтобы напомнить мне мое место? Или вы думали, что я паду к вашим ногам и стану молить о прощении за свою назойливость?

— Нет, я хотел задать тебе вопрос.

И без того яркий зеленый цвет его глаз становится еще более невероятно насыщенным.

— Что ты делала там в пятницу?

— Меня пригласил друг.

Он подходит ближе.

— Правду, — говорит он предостерегающим тоном.

Яркий румянец заливает мою шею, поднимаясь все выше, что не укрывается от его взгляда. Он понижает голос еще больше.

— Скажи, что искала там меня, и позволь мне загладить свою вину перед тобой.

— Серьезно? Как же Малкольм Сент заглаживает свою вину перед кем-то? Что-то мне подсказывает, что приглашение на кофе не в вашем стиле.

— Любишь кофе?

— Вообще-то да, с двумя ложками сахара.

— Запомню, — он рассматривает меня, и вдруг дружелюбно улыбается. — Останься сегодня, и познакомься с моими друзьями.

Он улыбается незаметно, словно уговаривает меня, а внутри меня разливается тепло, будто я проглотила ложку горячего меда. Я не понимаю, как его взгляд может одновременно смущать и внушать спокойствие.

— Сент! Мужик! — где-то рядом раздается крик.

Каллен и Тахо в сопровождении группы девушек поднимаются на борт

яхты. Судорожно вздохнув, я пачусь, отходя на несколько шагов от Сента, пока они здороваются.

— Рейчел, — произносит он, подзывая меня обратно, и представляет меня своим друзьям.



## Глава 9

# ЯХТА

Причина, по которой сегодня я отстойно справляюсь со своей работой:  
Сент.

Сент, отдыхающий в шезлонге.

Сент, занимающийся вейкбордингом.

Наблюдения за Сентом, важно расхаживающим по своей яхте.

Сент, которого окликают какие-то парни с проплывающей мимо яхты.

— *Сент! Ты слышал, что «Кабз» разгромили?*

— *Это так хреново, парни. Чертовски хреново.*

А еще Сент, который беседует с друзьями.

Некоторое время мы с Сентом обменивались взглядами, молчаливо и загадочно. На яхте обнаружился шкаф, набитый плавками и бикини, в результате я остановила свой выбор на крошечном белом купальнике и теперь наблюдаю, как другие девушки ныряют в озеро.

Днем я намазалась таким количеством крема, которого должно хватить для хорошего загара, но при этом убережь меня от ожогов. Кожу легонько покалывает под теплыми лучами солнца. Я чувствую движение воздуха на озере Мичиган, ветер играет моими волосами, легонько покачивая яхту, плавно скользящую по воде. Тихо гудят двигатели, убаюкивая меня. Но я не позволяю себе уснуть — не хочу ничего пропустить. Его деловые звонки. То, как он расслаблен, но все равно готов к работе.

Сент весь день ныряет в воду. Я знаю, что она холодная, потому что один раз тоже попробовала нырнуть. Каждые полчаса он недолго плавает и ныряет, не обращая внимания на то, плавают ли или занимаются вейкбордингом его друзья. Все это время я остаюсь на своем шезлонге, в тепле и уюте под заходящим солнцем, но он постоянно чем-то занят. Словно вообще не расслабляется. Он излучает энергию; не удивительно, что он такой активный. Катается на лыжах по самым трудным трассам и склонам, прыгает с парашютом, управляет самолетом... Он рискует как тот, кому нечего терять. Он самый рискованный из всех, кого я знаю.

В своем крошечном белом бикини я, проголодавшись, кручусь вокруг островка с едой, когда ко мне присоединяются его друзья — Тахо и Каллен.

Я усаживаюсь рядом с ними, изо всех сил стараюсь избегать Сента, в

основном потому, что мы, вроде как, заключили перемирие, но так же из-за того, что чувствую себя не в своей тарелке. В его компании, среди его друзей.

Любопытство в его взгляде, которое я вижу каждый раз, оборачиваясь и замечая, что он наблюдает за мной, заставляет меня нервничать сильнее, чем когда-либо в моей жизни.

Когда он легонько касается моей руки своей, я ловлю себя на том, что инстинктивно отодвигаюсь в сторону. Когда он подходит, чтобы стать рядом со мной, я съеживаюсь от тепла его прикосновения. Я сбита с толку и не понимаю, из-за чего. В конце концов, он уходит подальше от вечеринки. Он исчезает в одной из кают (его друзья говорят, что он ушел по делам), пока парочка девушек не уходит за ним, упрасывая его выйти «посидеть» с ними. Он усаживается на один из диванов, раскинув руки на спинке. Я чувствую его взгляд на себе, словно это касание.

Я стараюсь вслушаться в истории, которыми его друзья делятся с компанией. Но краем глаза не могу перестать смотреть за девушками, которые, сидя по обе стороны от Сента, безостановочно тараторят, пытаясь привлечь его внимание.

Наша компания сидит на палубе, Сент медленно потягивает вино. Допив один бокал, наливает еще один.

В какой-то момент мы доходим до пьяных историй, историй о друзьях, историй о девушках, которые преследуют Малкольма.

— После Калины, его старик уже и не знал, кого еще он может притащить домой, — объясняет Каллен.

— Ты привел домой голую девушку? — спрашивает его одна из поклонниц, ревниво надув губы.

В уголках его губ зарождается улыбка.

— Она была художницей, и ее одежда была нарисована на ней. Весьма недурно, между прочим.

Я чувствую, как и на моих губах появляется улыбка. Смотря на меня, он замирает, прекращает улыбаться, и становится задумчивым.

— А нам не хватало тебя на афтепати, — говорит мне Тахо.

— Не сомневаюсь, — я мельком смотрю в сторону, где в отдалении сидит Сент, и замечая, что одна из девушек держит гроздь винограда в руке и пытается запихнуть одну виноградину ему в рот. Он смотрит на меня, наблюдая. Я смотрю на него, когда он рассеяно открывает рот, чтобы проглотить виноград, при этом ни на мгновение, ни на одну секунду не отводя от меня взгляда.

— Еще одна, — шепчет девушка, прижавшись к его подбородку,

проталкивая еще одну виноградину через его прекрасные губы.

Его скулы напрягаются, когда он прожевывает ягоду, а я задумываюсь, какой он сейчас на вкус. Свежий. Сочный. В его взгляде огонь, пока он наблюдает за моей реакцией, и все мое тело начинает дрожать от чувства, которое я даже не могу распознать. Я чувствую, как мои щеки вспыхивают от огня, который растекается по всей моей коже, словно пожар. В ночных сумерках Сент выглядит еще темнее.

Опаснее, таинственнее.

Я не могу вынести узел, отчаянно сжимающийся в животе, когда он поблизости. Я отодвигаюсь в сторону и спрашиваю у его друзей: «Чем вы все занимались? Вы известны тем, как отрываетесь на вечеринках, даже представить не могу, что же бывает на афтепати.»

— Я купался нагишом, — ухмыляется Тахо. — А Каллен немного перебрал с алкоголем, чтобы помнить.

*А что насчет СЕНТА?*

— Мы с Сентом отлично проводили время, — говорит одна из девушек, прильнув к Малкольму.

Я чувствую, как горят щеки. Не смотри на него. Не смотри на него.

— Мы устроили ему неплохое шоу, — добавляет другая, тихонько мурлыкая, от чего у меня к горлу подкатывает желчь.

Это бесценная информация. Серьезно. Из такого вот материала и строятся пикантные разоблачительные статьи. Но я, кажется, не могу заставить себя остаться и дослушать продолжение. Мой желудок сжимается и, не в состоянии остановиться, я тихонько встаю и спрашиваю, могу ли я немного отдохнуть в каюте.

Я даже не жду разрешения, просто обхожу диваны, избегая чьего-либо взгляда, избегая *его* взгляда. Поскольку мне неожиданно не хватает воздуха, я решаю пойти на верхнюю палубу. На носу я просто опираюсь на перила, уставившись на озеро. На горизонт. На кусочек выглядывающей луны.

Я достаю телефон и пытаюсь что-нибудь написать. Писательство всегда заставляет меня почувствовать себя лучше. Собранее.

Но я не могу сконцентрироваться.

Убрал телефон, я смотрю на озеро.

Пару минут спустя, в небе взрывается фейерверк, пока наша компания наблюдает за ним и кричит с нижней палубы. Зрелище завораживающее. Я выдыхаю и смотрю за огнями, выстреливающими с Нэви Пиер и взрывающимися высоко в небе. Сейчас, ночью, на озере, здесь так спокойно. Я всегда хотела найти милое уютное местечко, где ничего не

движется, где все так, как должно быть, и я хочу остаться там, в спокойствие и тишине, в том самом месте. Забавно найти это место, когда твой мир безостановочно кружится, выйдя из-под контроля.

Чтобы почувствовать себя лучше, я набираю одно слово на телефоне. Первое, которое приходит на ум, когда я вижу озеро и небо, касающееся горизонта.

"Бесконечность"

Ветер спутывает мне волосы, и я собираю их в низкий пучок на макушке, развернувшись к диванам на верхней палубе. В этот момент я замечаю его. Он сидит, рубашка слегка натянулась у него на груди, подсветка телефона освещает его профиль. Я не слышала, как он подошел. Почему он не внизу? Почему этот дурацкий узел внутри меня не ослабевает?

— На завоевание мира уходит весь рабочий день, как я погляжу, — шепчу я.

Он медленно поднимается, рубашка на пуговицах, которую он обычно носит застегнутой, распахивается, отрывая вид на шорты и гладкий накаченный пресс, грудь и шею. Когда он подходит ближе, то кажется выше и крупнее. Температура воздуха резко меняется, хотя может дело во мне, заливающейся румянцем и огнем от того, что он все это время был здесь. И он такой красивый. Я впервые вижу что-то настолько красивое, что становится невыносимо смотреть.

— Прости, я не хотела мешать тебе. Я уйду, — шепчу я.

— Останься.

Неожиданность этого приказа застает меня врасплох, не давая уйти. Под взглядом, которым он сейчас смотрит на меня, мой румянец, кажется, дошел уже до костей. От его дыхания шевелятся волосы у меня на макушке, когда он шепчет:

«Я хочу заставить тебя покраснеть отсюда», — он прикасается к моему лбу, после чего бросает мимолетный взгляд на пол, — «до кончиков твоих пальцев.»

Он улыбается, смотря на меня сверху вниз, его грудь находится так близко, что я могу чувствовать исходящее от него тепло, согревающее меня на ветру. Мне кажется, словно он ураган, а я — озеро, с виду спокойное, но скрывающее внутри тысячу и один секрет.

— Почему там, внизу, ты не могла смотреть на меня? — тихо произносит он, и в его голосе слышится хрипотца, когда он поднимает свою огромную руку и проводит тыльной стороной пальцев вниз по моей щеке.

Жар разливается внутри меня.

— Сент. Не надо.

Он достает телефон и показывает мне фото на экране.

— Мне нравится это твое фото. Ты выглядишь такой спокойной и задумчивой. Я могу разглядеть твой подбородок и одно из твоих эльфийских ушек, выглядывающее из волос.

— Ты меня сфотографировал!

— Да, — он гладит пальцем фотографию на экране и моя спина напрягается, потому что я почти ощущаю это прикосновение.

— Сотри ее, — говорю я, шокированная.

— О. Снова торгуешься.

— Сент. Нет. Удали это фото. Я не заинтересована в тебе в таком смысле. В том, чтобы быть у тебя на телефоне.

Он отклоняется назад, вглядываясь в мое лицо.

— Подойди, сядь со мной.

Сент направляется к дивану, усаживая свое огромное тело прямо по центру. Вау. Значит, он ожидает, что я последую за ним?

Глубоко вздохнув, я заставляю себя подойти туда, к дивану, которым он полностью завладел. Я сажусь с краю, пока он так и располагается по центру. Мы смотрим друг на друга, я, хмурясь, он — явно получая удовольствие от происходящего, а затем мы вместе поворачиваемся, наблюдая за последним залпом фейерверка вдалеке.

— Ты злишься на меня, потому что мой водитель отвез тебя домой? — говорит он, с суровым выражением во взгляде.

— Твои слова, не мои, — отвечаю я.

Он тихонько посмеивается, звук такой низкий, резкий, сбивающий с толку. Будто его огромное тело каким-то образом, словно вихрь, высосало весь воздух.

— Я, может, и позволил бы тебе присутствовать на афтепати, если бы ты приняла мой подарок, — он задумчиво проводит большим пальцем вдоль своей квадратной челюсти. — У мужчины есть гордость, Рейчел. Как, думаешь, я себя чувствую, видя, что моя рубашка снова в офисе?

— Ох, неужто он чувствует себя обделенным вниманием одной девушки среди миллиона подружек?

Звук его голоса становится еще ниже, и замешательство отражается у него на лице.

— Почему?

— Что именно?

— Почему ты принесла мне ее обратно? Я сказал тебе оставить ее

себе. Никто не возвращает мне подарки. Я тебе отвратителен?

Я останавливаю взгляд на мускулах его шеи, потому что не хочу, чтобы он прочел в моих глазах, что он не отвратителен, нет, он слишком притягателен, до такой степени, что я совсем теряю голову.

— Я бы предпочла не принимать подарки от мужчин или незнакомцев, — слегка подняв голову, я прищуриваюсь, говоря предостерегающим тоном. — А если ты продолжишь меня дразнить, я отправлюсь домой.

Он наклоняется вперед.

— Знаешь, а Роза не бросила мой подарок мне в лицо. Она назвала меня героем... и мне это очень даже понравилось.

Он провоцирует меня. Шутливые беседы нравились мне намного больше до того, как он забрался мне в голову.

— Во-первых, благодарственные письма от слонов весьма редки, так что, надеюсь, ты оценишь ее поступок. А, во-вторых, полагаю, *ты* всю жизнь получаешь то, чего хочешь, — говорю я.

Он печально улыбается, когда наклоняется вперед.

— Абсолютно все.

— Все?

Он кивает.

— Я в это не верю.

— Что я могу такого желать, чего бы у меня еще не было? — он тихонько усмехается. — У меня есть все, Рейчел. По крайней мере, так было, — он тянется вперед и проводит пальцем по моей щеке, пробуждая каждое нервное окончание у меня в теле.

Внезапно я чувствую ком в горле. Выражение его глаз становится темным и жаждущим, такой взгляд не должен быть у мужчины, обладающим всем.

Когда мы замолкаем, бриз пронесется мимо, а воздух между нами меняется. В какую игру он со мной играет? На фотографии, которую он сделал, я такая ранимая, что на моем лице отобразилось мое замешательство. Мне невыносимо, что он видел меня такой.

С серьезным выражением он смотрит на это фото.

— Я понял, что наше общение особенное. Я ценю, что мне представился шанс загладить свою вину перед тобой, — рассудительно говорит мне Сент, смотря в небо, где совсем недавно мелькали огни фейерверков. Когда он поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня, мне приходится сдержаться, чтобы не отвести взгляда от этих пронизательных зеленых глаз.

— Спасибо, что пригласил меня... я хорошо провела время, — говорю

я, произнося это, как никогда, хриплым голосом.

Внезапно я тоже чувствую жажду.

Я хочу, чтобы он снова дразнил меня, заставил улыбаться, хочу увидеть искорки в его глазах, которые одновременно и бесят меня, и заставляют чувствовать пузырьки внутри. Я хочу узнать, почему он заявил на меня свои права, почему хочет, чтобы я оставила себе его рубашку.

Сент дружелюбно улыбается, указывая на меня.

— Заключим сделку, Рейчел. Если хочешь спросить меня о чем-то, я отвечу, но тоже задам вопрос, — говорит он, наблюдая за мной.

— Серьезно? — оживляюсь я, он снисходительно кивает, и я указываю на него. — Ты первый.

— Хорошо, — он наклоняется вперед, и я вижу, как напрягаются мускулы под распахнутой рубашкой. — Почему там, внизу, ты не могла смотреть на меня, Рейчел?

— Что ты имеешь в виду?

— Там, внизу. Почему ты не могла смотреть на меня? Даже сейчас, почему ты не смотришь сюда?

Я слежу за движением его пальца, указывающего на его глаз.

Я обдумываю свой ответ.

Прежде, чем я могу ответить, он тихо произносит, предупреждая:

— Правду.

Я краснею. Боже, ему всегда нужна правда. Он что, никому не доверяет?

— Ты был прав на мой счет, мне тут не место, — говорю я, пожившись. — Уверена, ты хорош в чтении людей.

— Уверен, ты тоже.

Сент ждет. Думаю, теперь моя очередь. Я хочу спросить его о личном, например, почему мне нельзя было пойти на афтепати, но мне нужно сосредоточиться на интервью. Так что я сосредотачиваюсь на нем.

— Вопрос, которым задаются все — думаешь, Она где-то там? Женщина, которая воплотит в себе все твои желания?

Я слежу за выражением его лица, но ни один мускул не выдает его мыслей.

— Это и правда, то, что все хотят знать?

— Ты отвечаешь вопросом на вопрос.

— А ты не задаешь правильных вопросов.

Я хмурюсь, и тянусь к подносу с фруктами, который обслуживающий персонал поставил и на верхней палубе.

— Это не так делается, — говорит он. Я вспоминаю, как его кормили

виноградом на нижней палубе.

— Прости? Я не часть твоего гарема, — я смеюсь. — Вот твой виноград.

Я бросаю в него ягодой. Она отскакивает от его груди. Я чувствую толчок, когда бедром он касается моего, потом пододвигается и тоже хватает виноград.

— Меня учили, что нужно есть, а не играть с едой.

Когда едва ощутимо он прикасается к моему затылку, я чувствую странное тепло, разливающееся по моим венам.

— Что ты...

— Шшш.

Меня парализует, когда он наклоняется ближе. Я чувствую аромат его мыла, когда он подносит виноградину к моему лицу, зрачки его глаз настолько расширились, что это все, что я вижу.

— Открой рот, — просит он.

Нежное касание винограда к моим губам посылает разряд тока по моему телу.

Сент смотрит на меня вниз с едва заметной улыбкой, затем я снова чувствую, как он легонько проводит виноградом по моим губам. Бессознательно, руководствуясь чувствами, я открываю рот и позволяю ему покормить себя, тяжело дыша. К тому моменту, как я глотаю, его улыбки и след простыл.

Мы смотрим друг на друга весьма продолжительное время. Затем я чувствую, как он нежно касается пальцами моих щек.

Чувствую дрожь по всему телу, пока он наклоняет голову. А затем, о боже. Он оставляет один краткий поцелуй в уголке моих губ. Я дрожу всем телом.

Дрожь усиливается, когда Малкольм берет меня за подбородок, поворачивая голову, чтобы я посмотрела в его зеленые, зеленые глаза. Они полны задумчивости и все той же жажды. Я говорю себе, что происходящее *не может быть* реальным! «Он не может хотеть тебя!»

Я боюсь его поцелуев. Боюсь хотеть этого. Он пахнет даже лучше, чем в моем сне, ощущается даже приятнее, и я хочу его настолько сильнее.

Он часто дышит, очевидно, пытаясь удержать самообладание. А я хочу, чтобы он сорвался.

Нет. Нет, единственный, кто здесь сорвется, это я.

— Ммм. Вау, — говорю я, испытывая почти физическую боль, когда отстраняюсь. — Вау, вкус и правда, другой, когда тебя кормят. Я чувствую вкус твоих микробов на ягодах.



Он сидит все там же, и легкая улыбка озаряет его губы, словно солнце.

— Сент! — кричат парни. Он им не отвечает.

— Вы пойдете купаться голышом? — первым делом спрашивает Тахо, появляясь на верхней палубе.

— Мы с Рейчел здесь разговариваем, но вы идите, — бросает он, даже не повернувшись. Он уселся, заняв большую часть дивана. Я смущенно отодвигаюсь, а Сент начинает играть локоном моих волос.

— Ты задумал какую-то шалость, не так ли? — смеюсь я.

— Если ты присоединишься ко мне, то да, — он показывает мою фотографию на экране своего телефона, понижая голос. — Если я удалю ее... ты позволишь мне сегодня отвезти тебя домой.

— Ты уже несколько раз отвозил меня домой.

— Мой водитель отвозил тебя домой, не я, — звук его голоса низкий, но твердый, безапелляционный. — Это существенная разница, я гарантирую, Рейчел.

Моя улыбка гаснет от напряжения в воздухе, который его окружает. Я чувствую искушение, но также и страх.

— Мне нужно пораньше быть дома. Я уверена, ты бы предпочел остаться с друзьями.

— Если бы это было так, я бы не спрашивал тебя.

Его палец завис над кнопкой "Удалить", и он выжидательно смотрит на меня.

— Рейчел? — настаивает он.

— Если удалишь ее, я подумаю над этим, — предлагаю я.

Его челюсть, кажется, напрягается от вызова в моем голосе, и медленно он опускает палец и нажимает "Удалить".

— Вот, — говорит он, и его глаза радостно блестят в темноте. — Теперь я отвожу тебя домой.

Я нервничаю от одной лишь мысли об этом. Мой дом — моя крепость. Я представляю его рядом со своими девчачьими вещами, покрытыми рюшами. Чего он хочет в моем доме? Если одна лишь его рубашка смогла завладеть моими мыслями и территорией, я и представить не могу, что будет, когда Сент лично окажется там. Я киваю, в основном потому, что я хочу, мне необходимо сохранить эту возможность, но уточняю: «Да, но не сегодня вечером».

После этого мне требуется немного пространства, побыть вдалеке от его взгляда, от того, как реагирует мое тело, мое сердце колотится, каждая моя частица отзывается на его улыбку, его взгляд, его аромат.

Так что я направляюсь на нижнюю палубу, даже не говоря ему, куда

иду, и ныряю в воду в своем крошечном бикини — *плюх!* Холодно! Я плыву вперед, все еще вскрикивая.

Тахо плывет рядом, подмигивает мне, и его ухмылка становится игривой.

— Так, так, так...

— Прекращай, Ти.

Я смотрю вверх, услышав голос. Сент стоит, склонившись над перилами, с улыбкой наблюдая за мной.

\*\*\*

Той ночью я сижу дома, лихорадочно делая заметки.

Ладно, сосредоточься на фактах, Ливингстон. Я выдыхаю и пытаюсь выбросить из головы крошечную зеленую ягоду винограда. Зеленые глаза, просящие (требующие), чтобы я позволила ему отвезти себя домой. И не могу поверить, что я почти *согласилась*.

Он одиночка, кажется, держится особняком. Всегда на шаг впереди, мыслями где-то в другом месте.

Он привык, что женщины следуют за ним. (Они для него что-то второстепенное? Белый шум? Он не казался привязанным к кому-либо, но они же танцуют для него у шеста и из кожи вон лезут, чтобы ему понравится!)

Я иду чистить зубы и направляюсь в постель, устраиваясь поудобнее под покрывалами. Пытаюсь уснуть. Но разные образы всплывают у меня в голове.

Когда он кормил меня виноградом, я могла чувствовать его накаченную грудь рядом со своей, и его дыхание у себя на лице.

Что я могла чувствовать его запах, если ветер дул определенным образом, и различала его голос среди других.

Я пытаюсь запрятать эти мысли подальше, но чем сильнее стараюсь, тем явственнее они всплывают в памяти. Боже, я не хочу на этом заикливаться. Не хочу. Но если я хочу, чтобы статья вышла хорошей, мне нельзя выбрасывать важные куски. Я не могу выбирать, о чем мне удобно рассказать, а о чем нет. Я хватаю блокнот и начинаю с одного слова.

«Наэлектризованный»

Воздух вокруг него наполняется электрическим током.

Затем добавляю еще несколько слов.

«Поглощающий»

Если он поблизости, вы вряд ли заметите что-либо еще.

«Непреклонный

С ним невозможно торговаться.

ЕМУ ВСЕ ЕЩЕ НРАВИТСЯ ДРАЗНИТЬ МЕНЯ!!!!

Он подшучивал и подстрекал меня из-за фотографии, винограда, рубашки, даже тем, что он — герой Розы...

Я откладываю блокнот в сторону и выключаю лампу, но, даже в темноте все еще вижу, как он сверху наблюдает за мной, находящейся в воде. И все еще ощущаю его пальцы у себя на плече, когда я поднялась на борт яхты, чтобы почувствовать, как он оборачивает теплое полотенце вокруг моего тела.

## Глава 10

### НОЧЕВКА В ПАРКЕ

Последние двадцать четыре часа я штудировала интернет, просматривая все новые фотографии, где он был отмечен. Также есть несколько старых фото, на которых девушки в бикини играют в мини-гольф у него дома. И фотографии, на которых он выходит из вертолета, при этом на девушках-пилотах надеты лишь крошечные шортики.

— Эти фотографии меня и правда беспокоят, ведь столько девчонок увивается за ним, без каких-либо усилий с его стороны, — говорю я Джине.

— Подруга, Сент — редкостный бабник. Должно быть, из-за внимания, которое он недополучил в детстве.

— Скорее, он просто здоровый мужчина, на которого вешаются женщины. Я видела видео в YouTube, посвященные ему, на них женщины раздеваются или моют свои машины, предлагая также прийти и помыть его авто. Вообще, вот, посмотри на это...

Мы смотрим видео, на котором женщина без лифчика обливает водой свою футболку и улыбается. «Сент, я готова в любое время вымыть тебе машину. И прочистить тебе трубы.»

Мы заливаемся хохотом.

— По-видимому, у него огромная коллекция машин. Есть фото, видишь? Там около тридцати машин. Весьма редких. У него множество игрушек. Это о чем-то говорит?

— О чем? — спрашивает Джина.

— Когда у тебя есть все, но и этого не достаточно?

— Нам-то откуда знать? Мы в этом месяце с трудом наскребли на аренду.

— Ну же, серьезно. Когда тебе всего мало, на уровне подсознания он должен чувствовать, что его жизнь, в каком-то смысле, пуста. Джина, я видела его за работой — это словно он... одержим ею. Словно она помогает ему не думать о чем-то другом.

— О чем?

— Забудь.

Джина смеется.

— Рейчел, ты так этим поглощена. Прямо философ. Пошли ему счет,

поможешь сэкономить на психиатре.

Я продолжаю изучать ссылки, пока не попадаю на видео, где он рядом с отцом, который отказался следовать последней воли матери Сента — назначить его на должность члена правления директоров.

«Единственное его достоинство — это его имя», — отвечает его отец репортеру, который спросил, почему Малкольму не позволили участвовать в семейном бизнесе. Малкольм даже не дернулся. Он иронично улыбается, ничего не говоря, держа себя в руках. После этого видео все поддержали Малкольма, а не его отца. И все же, отразилось ли это каким-то образом на его психике?

— Вот ведь ублюдок, — говорит Джина позже в тот день, когда я еще раз пересматриваю это видео, на этот раз, наблюдая только лишь за выражением лица Сента, на котором, однако, ничего не отражается, будто он ждал этого удара и был к нему готов.

— Не удивительно, что Сент и сам мудака — он был так воспитан.

— Он не мудака.

— Прошу прощения?

— Он не мудака, — говорю я, не подумав.

— Кто-то тут расчувствовался?!

— Никаких чувств. Простая констатация факта.

— Ладушки. Тебе не понравилось содержимое нашего холодильника, хотя была твоя очередь идти за покупками на неделю; ты одержима этим компьютером; у тебя круги под глазами; у тебя *на лбу* написано: «разоблачающая статья», а на твоей заднице уже крестик, призывающий Сента тебя трахнуть. Да ты втрескалась в него, не так ли?

— Нет.

— Что ж, отлично, потому что ты хотела этого всю свою жизнь. Посмотри на фотографии всех этих женщин, окружающих его. Черт, да их сиськи почти на его лице. И *этот* парень тебе нравится?

Я не отвожу взгляда от видео.

— Мне нравится этот, — бормочу я, когда она уходит, хмурясь на саму себя. Нет, Рейчел, он тебе не нравится. Тебе просто хочется быть справедливой, ты хочешь быть честной.

Я иду за своим спальником для ночевки в рамках нашей кампании «Конец насилию».

Мои друзья считают, что какая-то ночевка сама по себе многого не изменит, но каждый раз, когда я туда хожу, я чувствую себя лучше, так что хожу я часто. А когда моя жизнь настолько нестабильна, я хожу еще чаще, потому что чувствую себя более безопасно. Сосредоточиться на ком-то

другом — единственный известный мне способ забыть о своей собственной боли, да и не так много в моей жизни боли. У меня отличная жизнь. Была.

Меня воспитывали иначе. Мне не говорили: «Ты безответственна, единственное твоё достоинство — твоё имя». Моя мама дарила мне столько любви, что вот она я — берусь за проекты, которые, возможно, не потяну, лишь потому, что достаточно ненормальна, чтобы верить, что справлюсь с ними.

Я настолько озабочена тем, чтобы справиться с происходящим, что мне нужно услышать её голос.

— Привет, мамуль.

— О, привет, солнышко. Чем занимаешься? Ты идёшь на ночевку?

— Да, просто хотела узнать, чем ты занята. Тебе что-нибудь нужно?

Я всегда могу точно сказать, когда мама в порядке, а когда она притворяется. Я успокаиваюсь от того, что сегодня, судя по голосу, она искренне счастлива.

— Рейчел, я в порядке. Когда я последний раз проверяла, то это я была твоей мамой, — она ещё и подшучивает надо мной. — Как моя девочка?

— Хорошо, — я слышу звуки её любимого CD Кэта Стивенса на заднем плане. — Я завтра напишу тебе с работы. Прими свой инсулин, ладно? — я жду, когда она согласится, а затем тихонько шепчу:

— Мам, я люблю тебя.

— Рейчел! погоди. Что-то случилось?

Я замолкаю.

— Что ты имеешь в виду?

Вот блин, мой голос, что — звучит взволнованно? Я всегда говорю ей, что люблю её, так что это не могло стать причиной её беспокойства.

— Ничего не случилось, у меня всё замечательно. Я пишу новую статью, скоро расскажу тебе о ней.

Тишина.

— Ты уверена?

Черт, она что-то подозревает.

Бессмысленно просить её не беспокоиться обо мне, потому что в этом случае она ответит, чтобы я не беспокоилась о ней, а я слишком сильно её люблю, чтобы этого не делать. Но я не хочу, чтобы она волновалась по пустякам.

— Да, — смеясь, заверяю я её, — я люблю тебя. Скоро увидимся, — кладу трубку и выдыхаю.

Несмотря на то, что я вызвала подозрения своей мамы, я правда

нуждалась в этом звонке. Мне нужно было напомнить самой себе, что ее я люблю больше всего на свете, и что мечтаю дать ей хороший дом, хорошую машину, хороший больничный уход, *безопасность*. Я не могу вернуть ей своего отца, но хочу дать ей то, что в моих силах. Я хочу дать ей то, чего бы хотел он. Для меня это означает, почтить его память (где бы он ни был), — обеспечивая нас тем, что он бы хотел нам дать. Моя мама — диабетик. Годами она держит болезнь под контролем, но я забочусь, чтобы ее здоровье и дальше было хорошим, даже если она отказывается признавать, что ее это тоже заботит.

Этой ночью парк не особо заполнен. Многие пропускают эти сборы, предпочитая патрулирование или другие мероприятия в рамках нашей кампании, но мне лично нравится приходить сюда со своими книжками, подборкой в плеере, с закусками.

Я узнаю некоторых из пришедших, продолжая идти, пока не нахожу отличное местечко под деревом.

Я расстилаю свой спальный мешок, здороваюсь с молодой парой неподалеку, чьих имен не знаю, но которых видела раньше, и смотрю вверх на ветви деревьев и листья, устремившиеся в небо. Редко, когда мне удается прикорнуть хотя бы на час во время ночевок здесь, но я все равно продолжаю приходить. Потому что дело не в удобстве, а в том, чтобы не переставать хотеть изменить все к лучшему.

Съев немного ягод и послушав музыку, я снимаю наушники, взбиваю свою подушку для ночевки и погружаюсь в сон. Мне снится, что я заблудилась в зеленом лесу, бегу в мужской рубашке, а когда Джина, Хелен и моя мама зовут меня, я не могу найти выхода из чащи.

\*\*\*

Вздрагнув, я просыпаюсь, потная и тяжело дышащая, в замешательстве оглядываясь по сторонам. Я на ночевке в парке. Дрожа, достаю свой телефон и моргаю, когда вижу, что получила сообщение.

«Если я пока не могу отвезти тебя домой, позволь мне хотя бы заехать за тобой и отвезти куда-нибудь».

Я смотрю на сообщение с незнакомого номера, и мое сердце колотится, а все внутри скручиваются в узел. Я знаю, что это он, это должен быть он. Я думаю о нем, его рубашках, взглядах, его винограде. Я думаю о его яхте, его секретах, льдинках в глазах и о том, как он смотрит на меня, будто хочет, чтобы я растопила весь этот загадочный лед. Я думаю

о том, как беспокойно себя чувствую и не могу сосредоточиться ни на чем другом... а затем думаю о статье, и заставляю себя сконцентрироваться на этой цели, этом желании. Выдыхая, я пишу в ответ:

«Я бы не отказалась от экскурсии по главному офису Interface».

«По рукам».

Кусая губы, я чувствую что-то, похожее на бабочек внутри. Эти бабочки должны быть связаны со статьей, но раньше я подобного не испытывала. Прежде, чем я могу остановиться, пишу:

«Ты вообще спишь?»

«Нет, если не хочу».

Я краснею. Боже, это он сейчас заигрывает? Он мог бы стать тем самым для одной единственной, это угнетает, что он позволяет всем получить по кусочку.

«А ты? Почему ты сейчас не спишь, Рейчел?»

«Твое сообщение меня разбудило», — пишу я.

«В таком случае, сладких снов, Рейчел».

Я закрываю глаза и думаю о его лице на том видео, его лице в клубе, после того, как он меня увидел, и выражение его лица всегда такое отстраненное и загадочное, будто он не позволяет другим увидеть и узнать, кто он на самом деле или чего он от них хочет.

«И тебе, если теперь ты захочешь поспать».

Ох, я такая тупица. Ааа. Убираю телефон в сторону и, словно встретила голодного аллигатора в своем зеленом лесу из кошмара, я больше ни на секунду не могу уснуть.



## Глава 11

### ОФИС

Что ж, по крайней мере, моя растущая одержимость этим мучительным увлечением, которую было некуда выплеснуть, благоприятно сказалась на моих статьях. Эта жажда информации отражается на всем, что попадает в поле моего внимания. Я, будто обжора, жаждущий чего-то конкретного, но, по ходу дела, набивающий брюхо всем, что попадет под руку. Даже если это новости о чем-то постороннем.

— Эта статья феноменальна! — говорит Хелен. — Просто огонь! Мне уже не терпится взглянуть, что ты пишешь в статье о Сенте. Метишь территорию?

Я замираю.

— Что?

Она улыбается и постукивает по моему лежащему на столе блокноту, где одно слово подчеркнуто столько раз, что страница почти порвалась.

«КЛЕЙМ»

Она опирается бедром о мой стол, и я чувствую, как Виктория чуть ли не падает со своего стула, стараясь расслышать, что я скажу.

— Нет, ничего такого, — говорю я, убирая блокнот в сторону. Серьезно, я теперь что — машинально помечаю все, к чему руки дойдут?

— Да ладно, что значит «ничего такого»? — она оборачивается. — Виктория, Виктория, — она пальцем подзывает ее, и Виктория встает и подходит с самым обыденным видом.

— Хелен? — говорит она. — Привет, Рейчел, — улыбается она мне.

— Помоги мне записать Рейчел к тому стилисту, который стоит за твоим блистательным внешним видом. С таким личиком, — она касается моего подбородка, — Сент не сможет удержаться от того, чтобы приударить за ней. Спасибо, Вики, — говорит она, уходя к себе в офис.

Внезапно, из-за близости Виктории, я жалею, что не сказала, будто продвижение по статье не такое уж и плохое. Я бы сказала что угодно, лишь бы оказаться подальше от этой ликующей злорадной улыбки. Я почти слышу, как она думает, что без ее помощи мне ничего не написать. Что мне не заполучить мужчину без ее помощи.

— Правда, в этом нет необходимости, — говорю я ей.

— О, глупости, я точно знаю, что тебе нужно. Я одолжу его на секунду, — говорит она, указывая на рабочий телефон на моем столе. После чего звонит своему стилисту, напевая, пока ждет, а я сохраняю и закрываю свои файлы, потому что ничто так не сбивает меня с настроек, как подглядывания через плечо на экран.

Так я и сижу там, чувствуя себя неудачницей, уставившись на свой телефон, пока не приходит сообщение от Дина:

«Мистер Сент хотел бы провести для вас экскурсию по центральному офису Interface. Дайте мне знать, если вас это заинтересует; он надеется увидеть вас».

У меня поджимаются пальцы на ногах, а щеки становятся пунцово-красными. Черт. Я пишу в ответ:

«С нетерпением жду возможности увидеться с ним».

О, боже. Увидеться с ним? Я собираюсь *встретиться* с ним, а не увидеться с ним. Деловая встреча. Только и всего. Что я сделаю, когда снова увижу его?

Я открываю на телефоне его фотографию, которую скачала из интернета, и смотрю на него. У него идеальный профиль. Он — единственный мужчина, чью фотографию я сохранила на телефоне. Какая-то девушка отметила его на этом фото, я его скачала, и оно так и осталось в моем телефоне. Я просто не смогла стереть его.

Учитывая, что Сент стер фото со мной, я должна была бы сделать то же самое, но часть меня наслаждается возможностью смотреть на него, пока он не смотрит в ответ. А эта фотография... я почти уверена, что она была сделана в тот день на яхте, и что он в этот момент смотрит на меня, стоящую поодаль. Что-то в этом его непроницаемом выражении лица бросает мне вызов, требуя разгадать его.

Виктория кладет трубку.

— Готово. Я записала тебя на следующей неделе в пятницу. Готовься свести Сента с ума! — заявляет она, потрепав меня по голове, и оставив наедине с новым сообщением от Дина.

«Отлично! В 16:00 в четверг машина будет ожидать вас возле дома».

## Глава 12

# ЧЕТВЕРГ

Четверг.

В 16:01 я выхожу из дома.

— О, мисс Шеппард, я придержу вам дверь.

Наша соседка с третьего этажа (которая на каждый праздник делает просто убийственно вкусные кофейные кексы) наверное выгуливает своего песика, при этом ее кот пристроился у нее на руках.

— Рейчел, тебе так хорошо с распущенными волосами.

Кот урчит, пока она гладит его за ухом.

— Даже не вспомню актрису, у которой были бы столь чудесные светлые волосы и кожа, как у тебя. Кто делал тебе макияж? Он такой естественный.

— Джина, моя соседка, — я придерживаю для нее дверь. — Она работает в универмаге, в отделе косметики, и мы пробуем на мне различные образы.

— Да уж. Однажды найду в себе смелость и платье покрасивее, и навещу ее.

Ее песик тявкает на мою лодыжку, от чего я немного вздрагиваю, но беру себя в руки. Как только соседка заходит в дом, я оборачиваюсь к улице. И замираю. Вместо «роллс-ройса» у нашего дома припаркован черный и блестящий BUG 1.

Он стоит, прислонившись к машине и наблюдая за мной. И он улыбается. Мне. Он идет ко мне навстречу и говорит «Привет». Мне. И я забываю обо всем. Даже свое имя. Даже, что сегодня я должна работать. Все внутри у меня сжимается, как и горло.

— Привет, — говорю я, рассматривая его черный костюм, пока он открывает мне пассажирскую дверь.

О боже, что происходит?

Он протягивает мне ладонь, я смотрю на нее с ужасом и нетерпением, прежде чем скользнуть в нее пальцами. Сент легонько сжимает мои пальцы, пока я сажусь на сидение, и еще долго чувствую это прикосновение после того, как он отпускает руку и захлопывает дверь.

Затем он и сам садится внутрь, захлопывает дверь, и мы оказываемся

наедине, ближе, чем когда-либо за все время нашего знакомства. Меня наполняет смесь его аромата с запахом кожаных сидений, отчего с каждым новым вздохом в груди я ощущаю вибрацию.

Одеваясь, я продолжала говорить себе, что нет причин наряжаться, ведь это ни к чему не приведет. Но вышло, что я провела больше, чем когда-либо времени, решая, что надеть, и думая, понравится ли ему мой внешний вид.

В своем сообщении Дин написал, чтобы я надела что-то удобное, потому что в части здания строительство еще не завершено. В результате я остановилась на любимой паре поношенных джинсов, свободном мешковатом свитере (надев который я люблю писать свои статьи) и теплых ботинках, потому что люблю, когда ноги в тепле. Я фанат пушистых носков и своих «Угг», люблю держать ноги в чем-то мягком и уютном. Ведь не важно, нравится ли ему все это, верно? Потому что это ни к чему не приведет. Я работаю, а он... что ж, он поражает меня своей любезностью, уже только согласившись на эту экскурсию.

— Надеюсь, я нормально одета, — шепчу я.

Взглядом своих зеленых глаз он осматривает меня сверху донизу, и, внезапно, тепло становится не только моим ногам, когда он едва заметно улыбается. Положив руку на спинку моего кресла, он смотрит на меня.

— Этот наряд мне нравится почти так же сильно, как тот, что был на тебе в день нашего знакомства.

Я закрываю лицо руками и смеюсь.

— Ты точно так не думаешь.

Когда я все же заставляю себя опустить руки, он смотрит на меня. На меня никогда не смотрели *таким* взглядом, с ноткой озорства, сексуальности, чего-то опасного и таинственного, наполненным самыми волнующими обещаниями. Когда он так меня дразнит, мое тело охватывает жар, происходящее со мной можно объяснить только столкновением частиц, и энергии, и химическими процессами. Я не в состоянии вынести это.

Не тратя время на то, чтобы убедить, нравится или нет ему мой внешний вид, он заводит двигатель, проверяет зеркала, и, машина, визжа колесами, срывается с места. В следующую секунду, сила скорости меня уже вдавливают в сидение, и я не могу сделать вдох.

— Этой машиной нужно управлять так, словно ты угнал ее, — говорит он.

Сент лихо входит в повороты, довольно посмеиваясь.

— Рейчел, все в порядке? — он ухмыляется и сжимает мое бедро, я

поднимаю на него глаза, адреналин и желание, словно колокольный звон, громко раздаются внутри меня.

Я смеюсь и киваю, но добавляю:

— Все же, ты — дьявол.

Он замедляется, и следующие пару кварталов мы едем на нормальной скорости.

— Скорее дьявол, чем святой? — говорит он низким голосом, бросая в мою сторону краткий заинтересованный взгляд.

— Даже раздобудь ты нимб, все равно не сошел бы за святого.

Он слегка улыбается, но что-то есть в его улыбке, она не касается его глаз, когда он возвращает свое внимание на дорогу. С того момента, как я встретила его, воздух между нами особенный, совсем не такой, как когда его нет рядом со мной. Гуще, наэлектризованный, каждый взгляд или улыбка, или брошенное слово, посылает искры. Но прямо сейчас, внутри этой машины, благоухающей мужчиной и кожаными сидениями, я с каждым вздохом чувствую его присутствие. С каждой мыслью. Каждым его движением, тем, как он поворачивает руль, переключает передачи. И каждым моим движением — как я заправляю волосы за ухо или расправляю ладонями свитер.

Когда мы заезжаем на подземную парковку Interface, он останавливается на первом же пустом парковочном месте, а я убеждаю себя наконец-то *вбросить из головы его восхитительные едва ощутимые поцелуи*, пока он снимает пиджак, оставляя его на сидении. Но без толку, даже мимолетный взгляд на его перекачивающиеся под белой хлопковой рубашкой мускулы не способствует нормализации работы моих коленей. Сент ослабляет узел галстука и снимает его, его бицепсы напрягаются под рубашкой. Я не могу отвести от него глаза. Я инстинктивно чувствую его зов, он отдается глубоко во мне. Я наблюдаю за ним, замечая, как волосы падают ему на глаза, когда он проводит по ним пальцами.

Я чувствую комок молний в животе, пока следую за ним в лифт и мы вместе поднимаемся на верхний этаж.

Его голос с хрипотцой ощущается, словно перышко, которым проводят вдоль моего позвоночника.

— Хочешь теперь поговорить об Interface?

С трудом оторвав взгляд от его прекрасных губ, я вижу, что он смотрит на меня. Его взгляд слишком интенсивный и пронизательный, но я все равно не могу отвернуться.

— Не знаю.

— Значит, ты не хочешь обсудить Interface?

Интонация его голоса грубая, ниже обычного, а неожиданная улыбка на губах необычайно чувственна.

Я кусаю нижнюю губу, не зная, что ответить, когда он делает шаг навстречу, смотря на меня вопросительно и... выжидающе. Мое сердце начинает биться с глухим шумом. Я чувствую, словно что-то происходит. Ураган по имени Малкольм Сент. Он мне снился, мне снились мы. Наши тела, кожа, касания, ощущения его поцелуев в уголках моих губ...

Я чувствую покалывание от возбуждения по всему моему телу, когда он делает шаг, чтобы стать прямо передо мной. Он упирается одной рукой в стену позади меня, его глаза горят. Он так близко, что я вижу ледяные искорки в радужках его глаз, напоминая мне о тех случаях, когда эти ледышки, казалось, таяли от тепла.

— Привет, — говорит он, проводя большим пальцем вдоль моего подбородка, и неожиданно улыбается мне.

Он пахнет мылом. От близости его тела мои нервные окончания загораются, как огоньки на рождественской елке.

— Привет, — шепчу я, стараясь говорить спокойно, но моя попытка с треском проваливается.

Его близость выбивает меня из колеи.

Взяв меня за руку своей теплой ладонью, он поднимает её, смотря, как переплетаются наши пальцы.

— Рейчел, спрашивай меня, о чем захочешь, — говорит он, поглаживая мою руку большим пальцем, и посылая электрические разряды моим нервным окончаниям.

Он протягивает свободную руку, указывая на заметки, в которые я вцепилась другой рукой.

Сент бросает взгляд на верхнюю записку.

— Безжалостный, — читает он вслух.

Вздвогнув, я прихожу в себя, схватив записки двумя руками. Он слегка улыбается, и смотрит, как я дрожащими руками запикиваю заметки в свою маленькую сумку.

*«Ты слишком рассеяна, Ливингстон!»* Я не знаю, что делать, или сказать, только, что подобное развитие дел не на пользу «Эджу», не на пользу моей карьере. Или разоблачительной статье. Вот, блин.

— Думаешь, я безжалостный? — усмехается он.

Я лихорадочно придумываю, что ответить, когда замечаю, как хладнокровно он смотрит на меня сверху вниз.

— Я намного хуже, — бормочет он.

Лифт останавливается.

Сент осматривается.

— Мы на месте.

Мы выходим. Мрамор, окна, все новое, недавно вымытое. С одной стороны стоят банки с краской, запах сохнувшей краски смешивается с запахами штукатурки и пластика. Из потолка торчат провода. Этот шедевр все еще в разработке, фантастическое здание для людей, смотрящих в будущее.

— Эй, подойди сюда, я хочу тебе кое-что показать, — говорит мне Сент, наблюдая, как я подхожу к нему.

Он ведет меня в огромный зал совещаний.

— Здесь очень красиво, — я осматриваюсь вокруг.

До меня доходит, что он смотрит только на меня. Он смотрит на меня так, словно хочет чего-то от меня, словно очень сильно чего-то хочет, и хочет уже давно.

Чувствуя, как опять краснею, я отвожу от него взгляд, отвлекаясь на громадное красочное полотно на стене, слева от него. Стена огромна, я не узнаю пятна краски, смотря на все сразу, но сосредоточившись на каждом пятне в отдельности, я понимаю.

Здесь, украшая одну из его стен, висит огромное полотно, которые я, Джина и еще около сотни людей раскрасили в парке.

Ошеломленная, я подхожу ближе, изучая отпечатки ладоней. Вот отпечаток Джинны. И, да, вот мой.

— Что скажешь?

Я смотрю на него, не веря своим глазам. В порыве чувств я поворачиваюсь обратно к полотну, поднимаю руку и прикладываю её к своему красному отпечатку, палец к пальцу.

Откуда он узнал? В его кабинете я была перепачкана красной краской, и рассказала ему, где была. Вот это да. Я так и смотрю, в неверии, на наши отпечатки рук, пока отхожу назад.

Я вспоминаю, как была в его машине, пока он делал ставки на аукционе.

Я вспоминаю все те дела, которые он успевал уладить за пару минут.

И не могу поверить, что одно из тех дел, один из телефонных разговоров, один из его дней был посвящен этой мелочи, значащей для меня больше, чем что-либо.

— Видишь, я борюсь с несправедливостью, — говорит он, стоя позади меня. — Interface сделал свой вклад в дело, в которое ты так сильно веришь... этого ты вернуть не сможешь.

Я смеюсь, поворачиваясь к нему, и еще больше чувствуя слабость в

коленках.

— Я и правда сильно задела твою гордость, вернув тебе рубашку, не так ли?

— Я смертельно ранен.

Он не улыбается.

Он напряжен сильнее обычного.

Зелёный цвет в его глазах еще интенсивнее.

— Денежные пожертвования от организаций, которые приобретают наши полотна, идут семьям жертв. Эти пожертвования очень помогли моей маме, когда умер отец, — слышу я свое признание, а внутри меня комок эмоций. — Это прекрасный поступок. Спасибо тебе за помощь.

Я вижу блеск в его глазах, словно все, что он хотел — простое «спасибо».

Он улыбается и кивает своей темноволосой головой, и, внезапно, этого больше недостаточно. Совсем недостаточно. Не могу в это поверить, его поступок просто невероятен. В порыве чувств, я иду к нему, мои «Угги» беззвучны на мраморном полу. Затем встаю на цыпочки и целую его твердую челюсть. Сент поворачивает голову, так что мой поцелуй приходится в уголок его губ.

Пораженная, я отшатываюсь, тяжело дыша.

Его взгляд затуманивается... но в глазах светится удовольствие. Будто он хотел «спасибо», но согласен принять и все остальное.

До меня доходит несколько вещей. Он схватил меня за талию, чтобы я не могла отойти. Теперь его руки на моих бедрах. Я дрожу от его прикосновения. Я также замечаю в его глазах недвусмысленный, решительный взгляд охотника, словно говорящий, что он не намерен меня отпускать, и чувствую головокружение от его аромата. *В одно мгновение.* Я и представить не могла, что человеческое тело способно вспылать желанием так быстро и так сильно.

— Обхвати меня руками, — произносит он низким голосом мне на ухо.

Внутри меня все сжимается, а бабочки разлетаются из самых глубин до кончиков пальцев. Теплыми руками с длинными пальцами он обхватывает мои бедра, прижимая меня ближе.

— Обхвати меня руками, — повторяет он, медленно наблюдая за моей реакцией, пока берет меня за запястья, поднимая мои руки, сводя их вместе у себя на затылке. Он наблюдает за мной, пока наклоняет голову и, ох... предвкушение, и изысканная пытка от желания, чтобы это случилось и необходимости вообще перестать этого хотеть.



— Я не могу дышать, — шепчу я, умудряясь как-то отклоняться назад, пока он наклоняется вперед.

Он начинает закрывать глаза, а ресницы отбрасывают темные тени на скулы, когда он приближает губы на расстояние одного вдоха от моих.

— Я и не хочу, чтобы ты дышала.

Он целует меня в уголок рта, и мое тело напрягается от прикосновения. Он отклоняется назад (не сильно, будто не хочет меня отпускать или оставлять не более, чем на секунду), и смотрит на меня, как на что-то новое и драгоценное, и так сильно хочет со мной поиграть, что даже не уверен, хочет ли он все и сразу, или оставить немного на потом. А я...?

Я горю, вплоть до костей.

В это мгновение в голове ни одной мысли.

Я так сильно хочу его, что это ломает меня. Я хочу забыть о многочисленных причинах, почему это плохая идея — потому что не важно, плохо ли это, хорошо или даже правильно ли, важно лишь дать моему телу то, чего оно так жаждет. А все, кого я жажду прямо сейчас — смотрит на меня вниз, будто тоже готов дать мне это.

Я напугана, но это не останавливает меня от того, чтобы приподнять голову, предлагая себя, и раскрываю губы в полнейшей безрассудности.

— Сделай это еще раз, — шепчу я. Его глаза мерцают, пока он смотрит на меня, таким мужественным и всеохватывающим взглядом, когда я облизываю губы и ерзаю, прижатая к нему. — Сент... сделай это еще раз... — повторяю я.

Он наклоняет голову, и второй раз целует меня в уголок рта так близко к центру губ, что я могу ощутить его вкус. О боже, я хочу ощутить его вкус. Он сейчас дразнит меня. Дразнит меня поцелуями, распаяя во мне желание, которого я никогда не испытывала, и это работает — я горю, пульсирую, жажду, умираю.

— Тебе это нравится?

Я быстро киваю, тяжело дыша.

— Еще... *пожалуйста*, — я сильнее запрокидываю голову. Он наблюдает за моей реакцией из-под темных, полуприкрытых век, а я все так же ошеломлена, стараясь продолжать дышать. Он наклоняет мою голову так, как ему удобно.

Атмосфера между нашими телами горит огнем, меня обжигает в тех местах, где его тело касается моего, моя грудь прижата к его плоской груди.

Он наклоняет голову и целует меня — прямо и по центру в этот раз. Даже будучи сожженной заживо, я бы не испытала такого жара, как от его

языка, раздвигающего мои губы. Я вспыхиваю, а он прижимает меня ближе, вытесняя воздух из легких, пока его язык погружается, сталкиваясь с моим, доминируя, пробуя, целуя.

— А это тебе тоже нравится? — он погружает язык, горячий и влажный, мне в рот; затем, положив руку мне на затылок, он открывает рот, беря меня еще глубже, сильнее. Напор чувств проходит сквозь меня, словно нож, и когда он наклоняет голову, чтобы распробовать меня, я раскрываю губы шире, чтобы он продолжал делать то, что делает, продолжал грубо ласкать своим языком мой, даря мне наслаждение своим умопомрачительным вкусом.

— Да, — стону я тихонько, жадно вдыхая его дыхание. — Я всем телом чувствую твой вкус.

Звук от его ладони, которой он ведет вниз по моей руке, такой прекрасный и очаровывающий. Наклонив головы, мы целуемся еще, и еще немного. Затем его губы делаются мягче... отдаляются...

Дрожь проходит сквозь меня, когда он проводит губами по моим, мягким и влажным, лишь тень дразнящего прикосновения.

Когда мы, наконец, отрываемся друг от друга, я могу рассмотреть его в мельчайших деталях. Я замечаю, как меняется оттенок его зеленых глаз, как в них загораются красно-медные крапинки, теперь его взгляд не холодный, совсем не холодный.

Я чувствую прикосновения кончиков его пальцев к виску, когда Сент убирает волосы у меня со лба, чтобы посмотреть на меня. Я чувствую, как он задерживает там руки всего на мгновение, и в то же время, будто на целую вечность. Моргнув, я неохотно убираю дрожащие руки у него с затылка, опуская их, и внимательно смотрю на его бесподобное мужественное лицо.

— Я... это не должно произойти.

— Это произошло. Это происходит, Рейчел.

Тяжелым взглядом из-под густых ресниц он осматривает результат своих стараний — мои губы. Влажные. Опухшие (по крайней мере, так они ощущаются). Я прихожу в себя, нервно касаясь его плеч.

— Сент...

Боже. Я сама не знаю, о чем прошу.

Он относится к такому типу мужчин, который никогда не будет в чьей-то френд-зоне. Таких, как он, ты мечтаешь заполучить в любовники, и он хочет меня. Когда он опускает голову, я встаю на цыпочки, чтобы наши губы снова встретились. И мы пробуем, медленно изучаем, а когда я хочу ускорить темп, потому что я возбуждена и мое тело дрожит, он своим ртом,

своим языком заставляет меня замедлиться. Полностью уверенный в себе, он наслаждается мной и не хочет спешить. Мой рот стал целью его исследований, и я хочу быть изучена вот таким образом.

Он отстраняется, и мне приходится сдержаться, чтобы не запротестовать.

Сент смотрит на меня. Глаза, губы, глаза, губы, с каждым разом задерживая взгляд чуть дольше. Неожиданно, я наклоняю голову, целуя его в шею. Он тихо стонет, сжимая мои волосы в кулаке, и оттягивая мою голову назад. И снова, его губы на мне. Наши рты сливаются, будто мы долгое время ждали именно друг друга. Прикосновения, жар, все наполнено электричеством, и я отодвигаюсь, тяжело дыша.

Наши взгляды снова встречаются. Мы продолжаем играть в эту игру — целуемся, останавливаемся... По его улыбке могу сказать, что ему это нравится. Но мне — нет. Я задыхаюсь от желания, задыхаюсь, подавляя желание потереться об него, как кошка, и сорвать рубашку с его груди. Я так сильно хочу съесть его живьем, что ногти впиваются в ладони, в тщетной попытке сдержаться.

Теперь он ладонями обхватывает мое лицо, удерживая на месте. Он смотрит на меня, пока на накрывает мои губы своими. Он пробует меня, поглощает; и его опьяняющий вкус сбивает меня с ног. Я чувствую, как челюстью он царапает мне щеку, чувствую влажный жар его языка на своем. Когда из меня вырывается стон, который меня пугает, он отстраняется еще на мгновение, снова наблюдая за мной.

О, боже. Дрожа от того, сколько мы уже целуемся, и как сильно я все еще его хочу, я смотрю на его рот. Каждый раз, когда он отстраняется, он возвращается, чтобы поцеловать меня еще жестче. Сильнее. Его рот — он и правда, только что касался им моего? Станным образом я чувствую, будто он все еще касается меня. Мои губы покалывает, от одного уголка до другого, от дуги на верхней губе до изгиба нижней. Сент тоже на них смотрит. Затем он еще сильнее сжимает мои руки, и обрушивается на губы, в этот раз, довольно жестко. Я застываю под его натиском, боясь, что этот потоп поглотит меня. Я пытаюсь отодвинуться и высвободиться, но он сдвигает рот в ответ на каждую мою попытку, всегда оказываясь там, готовый снова пробовать меня, кончиком языка раскрывая мне губы.

Возбуждение проносится у меня по венам, когда я осмеливаюсь раскрыть рот настолько широко, насколько это вообще возможно, после чего он поглощает меня. Поцелуй, от которого останавливается сердце, от которого я чувствую головокружение, изумленная, с трудом стоящая на ногах. Я обхватываю его ладони, и прижимаюсь к нему с такой силой, что

грудь начинает болеть, и я пробую его в ответ. Не медля или смакуя, скорее так, как больше никогда жизни меня целовать не будут, я так же сильно хочу, чтобы он поглотил меня, как и сама хочу его.

Это Малкольм Сент — моя история мечты и средство спасения для «Эдж», и я должна была бы оттолкнуть его. Но я становлюсь безрассудной. Я следила за каждым видимым знаком, каждым словом, что мы обменивались, стараясь не обращать внимания на то, что он заставляет меня чувствовать. Какое-то необычайное желание. Какую-то неудержимую жажду. Но вот я чувствую на своих его губы, но все также испытываю жажду, даже больше, чем прежде.

Мы прерываем поцелуй, и он мгновенно губами выискивает себе дорогу вниз по моему горлу. Я поворачиваю голову, сжимая зубами мочку его уха, и провожу пальцами у него по волосам. Я никогда не касалась мужчины подобным образом, у него густые шелковистые волосы, черные, как уголь. Он стонет от моих медленных, но порывистых поглаживаний, и этот стон проносится по мне чувственной волной. Меня сводит с ума, как медленно он целует мне шею, но я все еще страстно желаю его рот; мои губы стали такими восприимчивыми, до боли, и кажется, что спасти от этого могут только его губы на моих, ласкающие меня, словно он сумасшедший.

Я поворачиваю голову, и он уже тут, будто и сам жаждет мой рот. Мы снова раскрываем губы и сливаемся воедино. Он стонет, я охаю. Мы отчаянно наслаждаемся друг другом. Своим горячим и влажным языком он касается моего, одни только его поцелуи заводят меня сильнее, чем что-либо раньше за всю мою жизнь.

Но... кем ты себя возомнила, Рейчел? Да брось! Элизабет Беннет? Или может, Джейн Эйр?

С усилием отрываясь от него, дрожа, я опираюсь лбом о его лоб, восстанавливая дыхание.

— Мы не можем продолжать делать это, — я отступаю, проводя руками по волосам. — Может кто-нибудь... Можешь вызвать мне такси?

Сент не говорит «нет», просто смотрит на меня, потом опускает взгляд на свои руки, затем снова на меня. Он смотрит на мой рот из-под густых ресниц.

— Я отвезу тебя домой. Только дай мне десять минут, чтобы успокоиться.

— Нет, я поеду на такси. Мне тоже нужно успокоиться. Я не могу встречаться с тобой, кроме как... для интервью.

Он такой сексуальный, такой привлекательный, и, внезапно, такой

близкий, что я не могу больше стоять здесь. Прижав к себе сумку, я направляюсь к двери.

— Встреться со мной на улице через десять минут, — говорит он голосом, все еще хриплым от желания. — Просто дай мне успокоиться, — повторяет он.

*Но если я встречу с тобой на улице, то буду шлюхой, продавшей душу за статью о тебе.*

Я качаю головой, не оборачиваясь, чтобы посмотреть, идет ли он за мной к лифту.

— Мне надо уйти.

— Рейчел. Выпей со мной завтра, — говорит он.

Я жму кнопку «Вниз» несколько раз и, слава богу, дверь лифта сразу же открывается.

— Я не могу... Сент, — говорю я, входя внутрь.

— Малкольм! — отвечает он хрипло, когда двери лифта закрываются.

В оцепенении я еду домой.

*Малкольм.*

Я даже думать не могу о его имени, это так интимно после всего, что мы сделали.

А что мы сделали? Он касался моей руки. Он целовал меня в уголок рта. А еще он целовал меня, просовывая язык мне в рот, побуждал обнять его, и я чувствовала его таким сильным, высоким, крепким, мощным, а себя такой слабой, неустойчивой и ранимой. Оттого, что хотела, чтобы он сделал со мной, чтобы он заставил меня чувствовать себя одновременно более цельной и разгромленной, чувствовать себя воздухом, озером желания.

У нас не было секса, но это вряд ли требовалось, я фактически позволила ему *поглотить себя заживо*.

Шумно вздохнув, я пытаюсь сосредоточиться на зданиях впереди, на людях, идущих по тротуару. Отвлекись от своих мыслей, Ливингстон. Нет, отвлекись от своих гормонов. Используй это для статьи. Ты бросила Сенту вызов или заинтриговала его, скоро все закончится и у тебя будет все, что нужно, все, что мир желает знать.

Я ободряю себя по пути домой, но ничто не приносит мне покоя.

Закончив лучшую работу своей жизни, я потеряла кусочек себя. Даже представить не могу, что потеряю, когда закончу с этой разоблачительной статьей.

Я возбуждена, и все от того, что Сент хочет заняться со мной сексом. Это так очевидно, его тело вибрировало, веки были тяжелыми, а своим

телом я чувствовала, как он меня хочет. Очевидно, что он плейбой. Он использует секс для... чего-то. Я не могу позволить использовать себя подобным образом. Я профессионал. Я должна удерживать расстояние, подобное случившемуся не должно происходить. Как только я верну эту дистанцию между нами, все снова будет хорошо. Должно быть.

\*\*\*

Следующим вечером, за коктейлями, Джина возмущается историей Уинн.

— Говорю вам, он зашел в магазин и попросил меня позировать для него, — уверяет нас Уинн.

— Почему, Рейчел? Скажи мне, почему у Уинн есть парень, а теперь еще один увивается за ней. Ходит по пятам. А ей даже не пришлось ничего такого делать, просто спросила, ищет ли он какое-то конкретное масло или свечу в ее магазине!

Я делаю глоток коктейля, но мысленно где-то в другом месте. Ну, может не где-то, а просто не здесь. Мысленно я вернулась на верхний этаж в зал совещаний Interface.

— Рейчел? Я имею в виду, серьезно, почему Уинн привлекает всех мужчин? И сразу проясним, что мне мужчина и не нужен, но было бы неплохо быть нужной кому-то другому, понимаешь?

Боже, он. Целовал. Меня. ТАК СТРАСТНО. И я отвечала ему тем же. Мы целовались.

— Ладно, он хотя бы был сексуальным? — спрашивает Джина Уинн.

— О, да, он определенно был сексуальным, но я же с Эмметом, а значит, без вариантов!

Хорошо, допустим, парень умеет целоваться. Он игрок, конечно, он умеет. Но это не значит, что подобное повторится. На самом деле, это значит, что я *не могу* больше позволить случиться подобному.

— Серьезно, Рейчел, ты вообще слушаешь?

Из-за того, какими удивленными выглядят мои подруги, я стараюсь сосредоточиться на теме нашей беседы. Уинн, точно. И ее способность привлекать все больше и больше мужчин, несмотря на то, что она уже состоит с одним из них в отношениях.

— Думаю, подобное притягивается к подобному. Богатые становятся богаче, бедные — беднее, так же говорят? Дай бедняку тысячу долларов, и он вернется с парой дизайнерских джинсов, а дай богачу тысячу, и он

вернется с десятью тысячами.

— Дай тысячу Сенту, и он вернется с миллионом.

Сент, ну да.

— У него и правда, есть умения, — признаю я.

— И ты изучила эти его умения? — подшучивает надо мной Уинн, слегка улыбаясь.

Ни при каких обстоятельствах я не собираюсь раскрывать свой темный секрет под кодовым названием «поцелуй в офисе», так что делаю еще глоток коктейля.

— О, я знаю этот взгляд, это «она мечтает поближе познакомиться с его умениями», — говорит Уинн.

Я закрываю рот на замок, выбрасываю воображаемый ключ и дразнюсь.

— Все знают, что о мечтах нельзя говорить вслух, если не хочешь сглазить, — я пожимаю плечами. — К тому же, этим мечтам лучше оставаться в голове, ведь этому не суждено случиться. Я имею в виду, глупо даже думать о том, чтобы променять отличную возможность продвижения в карьере на простое увлечение всем известным бабником. Верно?

— Раскопала что-то особо пикантное?

— Ты имеешь в виду что-то, помимо него самого? — говорю я, изогнув бровь. Они смеются, но моя душа болит. Тело ноет в тех местах, в которых не должно. Я даже не знала, что можно испытывать такую боль в груди, при этом с ПМС это никак не связано. Даже глубоко внутри, между ног, я испытываю такую же ноющую боль, *желая его*.

— Сегодня я уйду пораньше, — говорит Уинн, бросив быстрый взгляд на часы, и потянувшись к пальто на спинке стула.

— Нет, да брось, сегодня же девичник, мы совсем уже тебя не видим, — жалуется Джина.

— Что ж, это потому, что у меня есть Эммет. Отношения требуют внимания. Как маленькие растения! — ухмыляется Уинн.

— Я состою в серьезных отношениях с Крисом Хемсвортом, просто он еще об этом не знает, — показав язык, Джина делает глоток своего напитка.

— Ох уж вы двое! Иногда я вас терпеть не могу, — уперев руки в бока, Уинн смотрит на нас с видом «вообще-не-понимаю-почему-люблю-вас».

— Что? Что с нами не так? — спрашивает Джина.

— Разве же вам не *хочется* этого? Ты на самом деле не хочешь обрести это? Потому что там, у половины всего человечества, уже есть это, другие в поисках этого, кто-то потерял это, но оно все еще там. Ты не

можешь это игнорировать.

— Звучит, как описание гриппа, — ворчит Джина.

Уинн качает головой.

— Вы, двое, можете что угодно говорить обо мне, но я буду ловить момент. А вам, трусихам, я посоветую рискнуть. Найти парня, который будет любить вас, словно умалишенный, и полюбить его в ответ. Что худшее может случиться? Нам понадобится лишняя пара коктейлей при следующей встрече?

Когда ни одна из нас не отвечает, Уинн добавляет.

— Вот, что я вам скажу, — угощаю!

— Парнями или напитками? — спрашивает Джина.

Стоит Уинн сердито бросить счет на стол и уйти, как Джина поворачивается ко мне.

— Мне кажется, она призналась Эммету, что любит его, а он не ответил ей тем же.

Мешая свой коктейль, я думаю о том, насколько унижительно это, должно быть — сказать парню, что ты влюбилась в него, и не услышать того же в ответ.

Оставшуюся часть вечера, мы с Джиной обсуждаем все, что угодно, кроме одного безжалостного мужчины, засевшего у меня в голове.

\*\*\*

Этой ночью, когда я ложусь в постель, футболка ощущается особенно тонкой, а кожа, почему-то, особенно чувствительной. Так что, когда я опять просыпаюсь посреди ночи, потная и стонущая, даже не удивляюсь тому, кто мне приснился.

Кровь, словно лава у меня в венах, желание проносится в теле с такой силой, что каждая моя частица дрожит под покрывалами. Хотела бы я, чтобы это было только полезным желанием — побольше узнать об объекте исследования, тайные подробности, глупые мелочи, то, что никто другой не знает, то, что я, возможно, даже не включу в свою статью, просто, чтобы насытить свою жажду информации. Но это также желание другого рода — неконтролируемое, необъяснимое, неожиданное, нежданное. Желание, идущее из глубины моего существа, а не из головы, более примитивное и древнее, что-то такое, чего не было раньше.

— Ох, Рейчел, — стону я, обнаружив, что моя рука уже у меня между ног. — Не надо, Рейчел, — говорю я, останавливая себя на внутренней



стороне бедер. Всего на секунду, мне кажется, что я могу победить, пока не вспоминаю, как он целовал меня, вспоминаю, как ни один из нас не хотел останавливаться, и, потому как это единственный способ получить его, скольжу рукой между ног и говорю Сенту, как сильно и как *глубоко* я хочу его.

## Глава 13

# ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОТКРЫТИЕ

«Составь мне компанию завтра на торжественном вечере Interface.  
— М.С.»

«Имеешь в виду, в качестве журналиста?  
— Рейчел»

«Можем обсудить это при встрече, Отис заедет за тобой в 20:00.  
— М.С.»

«Я с удовольствием пойду, как журналист. Благодарю за официальное приглашение.  
— Рейчел.»

— Серебристый на тебе смотрится отпадно, — одобрительно говорит Джина, пока я кручусь в ожидании ее вердикта. Она все кивает и кивает, явно довольная увиденным. — Сногсшибательно, Рейчел. У него нет ни шанса.

— Я не совсем уверена в этом платье от Уинн, оно слишком сексуально, — я рассматриваю стройные изгибы своего тела в зеркале в полный рост на двери шкафа. — Если у него нет ни шанса, то и у меня тоже, — я смеюсь, затем прихожу в себя и краснею.

Я помню, как мы с Сентом в нашу последнюю встречу не могли перестать целоваться, раздумывая, что же он сделает, когда увидит меня в этом платье. Материал в нем гладкий, блестящий и прохладный. В самый раз для русалок, ткань льнет к каждому моему изгибу, как должны были бы прижиматься его губы, как могли бы обнимать его руки.

— О чем ты? — спорит Джина. — Он же плейбой. Эй! Тебе такие парни не нравятся. Ты же помнишь, мы с тобой умные девочки!

Внезапно захотев проверить, в порядке ли ноги, я опускаю глаза, затем ищу клатч, зажимая его под рукой.

— Мне пора.

— Рейчел! — зовет Джина. — Просто думай о статье. Ты состоишь из

крови и плоти, но постарайся оставить весь этот суповой набор дома, включая сердце и гормоны. Возьми с собой только голову, ладно?

Прикусив губу, я киваю, мечтая чувствовать себя более уверенной. Мне нужно противоядие от Малкольма Сента, нужен иммунитет, и прямо сейчас.

— А что ты делаешь сегодня вечером? — спрашиваю я у Джинны.

— Иду на какой-то новый фильм с Уинн и Эмметом.

— Хорошо, повеселитесь там.

Вечер прохладный и идет небольшой дождик, и когда я сажусь в «роллс-ройс», водитель держит надо мной зонт. Мое сердце начинает колотиться, когда аромат кожаных сидений (который теперь ассоциируется у меня с Сентом) снова достигает моего носа. Бабочки у меня в животе, в груди, повсюду. Хотела бы я оставить этот трепет дома.

Пока «роллс» вклинивается в поток машин, я мысленно говорю себе не слишком заикливаться сегодня вечером. Разумеется, я собираюсь сделать вид, что мы не целовались. Уж точно, что я не была инициатором. Тут я понимаю, что мне никогда не хватало мужества заговорить с его водителем, так что, в этот раз, покашляв, я начинаю с «Как ваши дела, сэр?»

— Хорошо, мисс Ливингстон.

— Мне тут пришло в голову, что мы так и не были официально представлены.

— Отис.

— Приятно познакомиться с вами, Отис. Как давно вы уже работаете на мистера Сента? — спрашиваю я, стараясь настроиться на расследование.

— Простите, мисс, но мне не позволено распространяться об этом.

— О, да ладно, — я посмеиваюсь, но он больше не произносит ни слова.

— Вы всех его девушек возите на свидания?

Он лишь машет головой.

— Ну хоть что-то скажите, — настаиваю я.

— Ладно. Нет, — говорит он.

— Только его деловых партнеров?

— Этим занимается Клод.

Я закатываю глаза.

— Ну конечно, у него есть несколько водителей.

Он кивает.

— Кого же возите вы?

— Обычно? Сента.

— Почему же сегодня вы отвозите меня?

— Сент, — отвечает он.

— А кто отвез Сента на это мероприятие, если не вы?

— Сент.

Это вызывает у меня улыбку.

— Вы давно его знаете?

Водитель колеблется.

— Хорошо, я знаю, что просила об одном ответе. Но как насчет еще одного? Вашего босса сложно понять.

— Я знаю его с тех пор, как ему исполнилось четырнадцать, и мистер Ноэль нанял меня, чтобы оберегать его от неприятностей.

От удивления я лишаюсь дара речи.

— Да уж, я знал, что вы так отреагируете. Не так уж хорошо я справился со своей работой? — спрашивает он.

— Я этого не говорила. Всем известно, что ваш босс себе на уме. Не думаю, что кто-либо смог бы контролировать его.

— Чем сильнее они пытались, тем более неуправляемым он становился, — Отис качает головой. — Я слишком много сказал, — он смотрит на меня в зеркало заднего вида. — Но он доверяет вам... а я доверяю его суждениям.

— Почему вы решили, что он мне доверяет?

— Нутром чувствую, — он пожимает плечами. — Уже зная его больше десяти лет... Вы первая девушка, которую мне доверено возить.

Я краснею.

— О, я не его девушка.

И никогда ею не буду.

Понимающе улыбаясь, он помогает мне выйти из машины, и, пройдя через великолепно обставленный холл, я оказываюсь окружена непередаваемой роскошью. Фонтан. Сияющие хрустальные люстры.

Становясь все более нервной с каждым новым шагом, я иду по длинному холлу вдоль бального зала, направляясь прямо к входу для прессы, где жду своей очереди, чтобы назвать свое имя одной из работающих там женщин.

— Здравствуйте, я — Рейчел Ливингстон из «Эдж».

— Добрый вечер, Рейчел, позвольте, я найду вас в своем списке... Хммм. Так... давайте посмотрим... Вас нет под буквой «Л». Может, у вас есть среднее имя, которое я могла бы проверить?

Когда я отрицательно качаю головой, она уходит к одной из коллег. Они недолго шепчутся, сверяют списки с именами приглашенных, пока,

наконец, женщину, с которой я говорила, не озаряет. Выражение ее лица меняется с беспокойно нахмуренного на лучезарную улыбку, пока она протискивается обратно ко мне.

— О, что ж, тайна разгадана! Вы, сопровождающая лично Сента — вот так поворот! — шепчет она взволновано, указывая на вход для гостей. Боже, серьезно? Трепет вернулся в полную силу.

Изобразив фальшивую улыбку, словно я счастлива от происходящего (а это так?), я иду дальше по длинному холлу, следуя звукам музыки, прохожу через головокружительно высокие колоны и сводчатые потолки. Смешавшись с толпой, я хожу среди его разнообразных друзей и сотрудников. Меня настораживают женщины и то, как они мгновенно оценивают меня взглядом, словно проводится соревнование за внимание Сента. Мужчины тоже бросают взгляды, но скорее заинтересованные. У меня шикарные волосы, длинные ноги, красивые глаза... может, я и не полногрудая блондинка, но у меня отличная задница. О, боже, взгляните на него. Я почти спотыкаюсь, когда замечаю его в дальнем конце зала, рядом с шоколадным фонтаном.

Он стоит ко мне спиной, такой впечатляющей, что у меня пересыхает во рту. Мне видны очертания его спины и рук под пиджаком, в который он одет, черные брюки обхватывают самое красивое мужское тело из всех, что я когда-либо видела.

Каллен указывает Сенту в моем направлении, и я заставляю себя идти вперед, пока он оборачивается. Он ловит мой взгляд, и пока я подхожу нетвердым шагом, не спускает с меня глаз. Он распрямляет плечи, будто сделал резкий вдох, а я вообще не могу дышать.

На нем смокинг, он дьявольски обольстителен в костюме, и стоит, свободно опустив руки. Он не улыбается, линия его челюсти напрягается, когда он замечает, как на меня смотрят другие мужчины.

Вижу женщин, стоящих по обе стороны от него, и меня накрывает такой волной ревности, что я начинаю дрожать.

Мы целовались, и только. Мне плевать, чем он занят. Я не заинтересована в нем в интимном смысле, напоминаю я себе. Он интересуется меня не как женщину, а как *журналиста*.

Он всего лишь мужчина — плейбой, бабник, да просто чертов сердцеед, мне всего-то нужно собрать информацию о нём и написать разоблачительную статью, чтобы читатели смогли все прочувствовать так же, как и я.

Не имеет значения, что он стоит с двумя женщинами. Они не прикасаются к нему, но да, я вижу по их угрюмым лицам, что раньше они

еще как его касались. Он использовал их. А они использовали его. Но плевать, если люди им пользуются, или даже если они понимают или знают его настоящего, ведь главное — справиться со статьей. Так?

Дело не во мне, речь о статье об этом мужчине.

И, тем не менее, мне сводит живот от незнакомого собственнического чувства, когда я останавливаюсь перед ним. Он смотрит на меня, прямо в глаза, а я смотрю на него.

— Думала, тебе удастся проскочить через вход для прессы? — спрашивает он, посмеиваясь. Я у него на крючке, не так ли?

— Тебе доставило удовольствие не вписывать мое имя в список, из-за чего меня едва не вышвырнули из здания, прежде чем поняли, что мое имя написано рядом с *твоим*? — бросаю я в ответ, приподняв одну бровь.

Явно позабавившись, он смеется.

— Позвольте, мы отойдем, — говорит он компании, зарабатывая мне тем самым несколько злобных взглядов со стороны женщин, когда просунув мою руку себе под локоть, уводит нас подальше.

— Вот так платье, — шепчет он, поблескивая искорками в глазах, наклонив голову, чтобы прошептать это мне на ухо.

— Что это означает?

Он улыбается, ведя меня к столу, за которым сидят Каллен и Тахо, оба с роскошнейшими девушками. Сент выдвигает для меня стул, затем садится рядом со мной, пока зал продолжает наполняться людьми.

— Все новые сотрудники Interface приглашены? — спрашиваю я его, осматриваясь по сторонам.

Он кивает, пристально смотря на меня.

— Помимо этого есть еще несколько залов, чтобы уместить всех. Этот зал, в основном, для директоров и членов правления, — когда в ответ я только улыбаюсь, он кладет руку на спинку моего стула, наклоняясь вперед так, чтобы его голос был единственным, что я слышала, а не классическая музыка на заднем фоне или разговоры других людей. — Почему ты настаиваешь, чтобы быть здесь в качестве журналиста?

— Я *и есть* журналист. Я больше не могу откладывать написание статьи об Interface, журналу нужно, чтобы я поскорее ее сдала.

— Тебе не нужен бейдж журналиста, чтобы заполнить мое внимание. Как он не нужен и для интервью со мной.

— Кармайкл, ты вообще качаешься? Я так не думаю, — смеется Тахо над Калленом. Из-за того, насколько я взвинчена и не привыкла к тому, что внимание мужчины вроде Сента сосредоточено целиком на мне, я пытаюсь отвлечься, вслушиваясь в их шуточные разговоры.

— Конечно, я качаюсь, — спорит он.

— Не видел этого с тех пор, как последний раз кормил своего единорога, — отвечает Тахо, привычно растягивая слова.

— Серьезно, бро, — отвечает тот.

— Сент, ты не откажешься от одного предложения попозже? — спрашивает Тахо, когда Сент сдвигается на стуле, поворачиваясь лицом к нему, при этом еще ближе пододвигаясь ко мне. Я мгновенно сажусь прямее.

Сент лениво попивает свой напиток, на губах ухмылка.

— Я с вами, что бы вы не задумали.

— Хорошо. Ведь ты знаешь, что мы должны сделать... — начинает Тахо.

— Это всегда предзнаменует ужасную идею. Так что, естественно, я в игре.

— Наведаемся в бассейн на верхнем этаже.

Он смеется, после чего смотрит на меня, не отводя глаз, пристальным вниманием притягивая мой взгляд обратно.

— Твои друзья мне нравятся намного больше тебя, — говорю я тихонько, чтобы только он мог услышать.

В этом теплом освещении его глаза мерцают, словно жидкость. Он тихо отвечает:

— Это правда?

— Да. Правда.

Тишина. Мое сердце бьется быстро. Он поднимает руку и заправляет мне волосы за ухо, при этом мочка моего уха полыхает огнем, когда мы слышим голос женщины, стоящей неподалеку.

— Сент, я недавно оставила туфлю у тебя дома. Могу я все еще рассказывать тебе о благотворительности, которую, я надеялась ты...

— В понедельник в «М4», — говорит он спокойным голосом, и все его внимание по-прежнему сосредоточено на мне.

Говорившая девушка одаривает меня взглядом, полным ненависти, после чего уходит. Я задаюсь вопросом, спал ли он с этой женщиной. Спрашиваю себя...

— По крайней мере, я знаю, чего они хотят. Мою постель или мой кошелек. Или и то, и другое, — говорит он, словно читая мои мысли. Слегка улыбаясь, он оценивает меня. «А чего ты хочешь от меня?» — спрашивает он взглядом.

— Тебе стоит как-нибудь позаниматься с Сентом. Уж он-то надерет тебе задницу. Вам двоим будет весело, — говорит Тахо Каллену где-то

вдалеке.

Пока Сент смотрит на меня, я чувствую, как он опускает руку под стол в поисках моей. Он успевает едва коснуться моих пальцев, когда мы слышим голос пожилого мужчины с трибуны.

— Дамы и господа, спасибо вам, что пришли сегодня! Все мы взволнованы по случаю торжественного открытия единственного и неповторимого Interface. Я знаю, что вы, так же, как и я, рады быть частью этой инновационной семьи. И сегодня с нами гений, стоящий за всем этим, мужчина, известный своим напором, умом и невероятным интересом к жизни. Я представляю вам Малкольма Кайла Престона Логана СЕНТА!

— Я скоро вернусь, — шепчет он, и я чувствую жар от его дыхания на своём ухе.

Я заливаюсь ярко-красным румянцем, почувствовав, как он касается рукой моей спины, когда встает и гладит меня под каскадом моих волос. Пока он направляется к трибуне, я не могу вынести взгляды, направленные в мою сторону и то, какой жар я испытываю под платьем, и какую влажность ощущаю между ног, находясь под таким влиянием, что решаю, что не могу быть с ним этим вечером. Я не могу сидеть здесь и притворяться его парой. Это слишком неправильно и слишком тяжело для меня.

Я тихонько встаю, когда слышу, как он своим властным голосом приветствует толпу.

— Добрый вечер, и спасибо за это представление, Роджер.

Выскользнув из зала, я иду к столам с бейджами для прессы, когда замечаю его ассистентку Кэти.

— Кэти, привет, вы помните меня? Мы встретились в...

— Мисс Ливингстон, конечно, — она идет к залу. — С вашим столиком все в порядке?

— О, это лучший столик, именно поэтому я не могу за ним сидеть. Видите ли, я здесь, как журналист. Это какое-то недоразумение, а мистер Сент сейчас слишком занят...

Я удивлена, видя, как она заливается румянцем при упоминании его имени.

— Я понимаю, — говорит она тихо. — Я переживала, что такую хорошую девушку, как вы, может смутить его репутация.

— Нет, я имею в виду... что ж, да, именно поэтому мне нужен мой бейдж. Я не хочу, чтобы у кого-то сложилось неверное впечатление.

— Особенно у него? — она смотрит на меня, и я краснею. — Я могу выдать вам тысячу бейджей, мисс Ливингстон, но если он хочет вас, он



придет за вами. Терпение у него отнюдь, не как у святого, когда дело доходит до того, чего он хочет.

«А вы влюблены в него» — думаю я, но вслух ничего не говорю, потому что, слава богу, она распечатывает мой бейдж.

— Вам нравится работать с ним? — спрашиваю я.

— Я вообще не работала, пока не устроилась к нему. Он был единственным, кто дал мне шанс, — она улыбается и протягивает мне бейдж.

Я молча возвращаюсь обратно в зал, и, когда слышу его голос в динамиках, чувствую, как мурашки пробегают по позвоночнику. Волна аплодисментов захлестывает зал, когда все в восторге начинают хлопать.

Стоя в конце зала, я переворачиваю бейдж в поисках клипсы, когда понимаю, что десятки голов поворачиваются в моем направлении. На трибуне Сента больше нет.

Потому что он идет сквозь толпу, и перед его широкоплечей фигурой все расступаются, когда он направляется прямо ко мне.

— Ты закончила? — интонация его голоса не злая или нетерпеливая, но... на грани.

— Я... да, — я быстро поднимаю бейдж, пытаюсь прикрепить его к платью.

Он берет меня за руку.

— Я люблю твои милые ушки, но, кажется, они не особо хорошо работают, — бормочет он, усмехаясь. — Тебе это не понадобится, — он выдергивает бейдж у меня из пальцев.

— Что? Почему?

— Сент! — зовет кто-то поблизости. Один из представителей СМИ просит сделать фото, в чем Сент отказывает простым движением руки.

Затем он прячет мой бейдж себе в карман пиджака и снова берет меня под руку.

— Пойдем, — шепчет он мне на ухо, уже уводя меня в сторону зала, к дверям, которые ведут на террасу с видом на поле для гольфа. Он выходит на террасу вместе со мной, и только тогда я все же вытаскиваю руку из его теплой руки.

— Не думаю, что нам стоит быть здесь. Все видели это.

— И что? — он в недоумении поднимает брови. Взгляд его глаз мерцает в лунном свете, и он такой привлекательный. Аппетитный. Не только его губы, он весь.

Сент медленно смотрит вниз. От него исходит энергия, которая притягивает меня, словно магнит. Это лишает меня решимости, но что-то в

его голосе меня успокаивает.

— Рейчел, ты винишь меня за то, что я захотел пару минут побыть только с тобой? — спрашивает он слегка хриплым голосом.

У меня уже тысячи его фотографий, но ни одной такой. Лицо, которое я вижу сейчас, не для прессы, никто не должен видеть его таким. Даже я. На его лице столько чистых, животных, неприкрытых чувств, что они бурлят в его глазах.

Он сжимает мне руку, удерживая рядом, затем притягивает меня ближе к себе, а на губах появляется улыбка оттого, что я сопротивляюсь.

— Иди сюда, — просит он, наконец убедив меня расслабиться достаточно, чтобы подойти туда, где он меня хочет. Ближе к нему.

Он такой притягательный, такой красивый, когда смотрит вниз на меня, притягивая меня достаточно близко, чтобы чувствовать его аромат. Я представляю, каково это — протянуть руку и прикоснуться к его твердой челюсти, провести языком по его загорелой груди вверх к смеющемуся рту.

Я бы все отдала, чтобы узнать, о чем он думает. Почему он вот так улыбается. Есть улыбки, на которые ты просто не можешь не ответить улыбкой, но *эта* — она так сильно заставляет *хотеть* поцеловать его.

Но он делает первый шаг, сдвигая руку всего на пару сантиметров, теперь она на моем лице.

— Ты выглядишь ослепительно, — говорит он, проводя подушечкой большого пальца у меня по губам. Я непроизвольно вздрагиваю. — Я мог бы наслаждаться твоим ртом... даже дольше, чем в прошлый раз.

— Нет, никаких поцелуев, — выдыхаю я, но всего на мгновение, я позволяю себе почувствовать, каково это — быть рядом с кем-то настолько больше и сильнее меня.

Он проводит рукой по моим волосам, и ощущение такое приятное и пьянящее, что я замираю на месте. Так мы и стоим.

Очевидно, он знает, как действует на меня. Но выглядит, будто тоже находится под впечатлением, его тело словно каменное и вибрирует от напряжения. Мы находимся под влиянием друг друга. Он проводит кончиками пальцев по обнаженной коже моей спины в вырезе платья, а тепло его рук посылает мурашки по всему моему телу. Мы стоим в укромной нише, между нами витают напряженные «ты-и-я» флюиды.

*Напряженные «ты-и-я» флюиды...*

— Я никогда так не поступаю, — я пытаюсь освободиться из его объятий. — Пожалуйста, отдай мне мой бейдж.

— Зачем? — бормочет он, немного хмурясь.

— Мне нужен мой бейдж. Я... это не...

— Нет, — отвечает он тихо.

— Без своего бейджа я чувствую себя голой.

Он ухмыляется.

— Ответ все еще «нет».

Я со стоном отворачиваюсь, а когда бросаю на него быстрый взгляд, вижу, с каким искренним удовольствием он за мной наблюдает.

— Могу я задать тебе несколько вопросов? — говорю я, после чего, застав его врасплох, быстро

ротягиваю руку, вытаскивая свой бейдж из его кармана.

Он смеется, когда я быстро отступаю, чтобы он не отнял его обратно, после чего приходит в себя и преодолевает образовавшееся между нами расстояние медленными и выверенными шагами.

— Ты хочешь поговорить об Interface?

Мне кажется, что фраза «Ты хочешь поговорить об Interface?» становится кодом для чего-то другого.

— Да, — заявляю я, пристегивая бейдж к платью.

Он смотрит на меня.

— Спрашивай, — он, кажется, не возражает против интервью, так что я, наконец-то, с облегчением выдыхаю.

— Какие цели ты ставишь перед Interface?

Он запрокидывает выбившуюся прядь волос мне за ухо. Когда он опускает руку, мое ухо горит огнем.

— Быть номером один на рынке, оставив позади конкурентов.

Я вижу его, слышу его, его амбиции, его решительность, производимый им эффект только растет во мне.

— Ты... — я замираю, когда он поднимает руку, поглаживая мне щеку костяшками пальцев.

— Ты никогда не перестаешь работать, не так ли? — перебивает он, немного хмурясь. — В этом смысле, ты совсем, как я.

Я тоже хмурюсь.

— Ты отвечаешь вопросом на вопрос.

— Ты не задаешь правильные вопросы.

— Боже, Сент! Почему тебе так нравится меня дразнить?

Смеясь, он наклоняется ближе, пока не оказывается ко мне так близко, что я могу чувствовать запах мыла на его коже. Он удерживает меня за подбородок большим и указательным пальцами.

— Почему ты краснеешь каждый раз, когда я это делаю?

— У меня бледная кожа, почти матовая. Я легко краснею.

— Я вижу, что краснеешь ты только со мной.

Выражение его лица одновременно успокаивающее и волнующее, горячее и холодное, отстраненное, но в то же время, кажется, он раздевает меня.

— Рейчел, ты думаешь обо мне?

— На работе, да. В офисе я думаю о тебе. Ты это хотел услышать?

— Частично, да. Я тоже думаю о тебе на работе, но я также думаю о тебе и в постели.

— Сент, с вами хотел бы поговорить мировой судья. Мисс Ливингстон, я — Дин.

Я сейчас так возбуждена, что сгораю от стыда, что познакомлюсь с пиарщиком Сента в таком виде, тем не менее, я пожимаю его руку, стараясь вести себя спокойно и собранно, ничем не выказывая, как на меня действует Сент.

— Дин, конечно, так приятно с вами познакомиться.

Малкольм забирает бейдж у меня из рук.

— Время для прессы истекло, — сообщает он. Холод напрочь исчез из его взгляда, теперь его глаза более, чем теплые, они искрятся, словно фейерверки, когда он смотрит на меня. — Дин, позаботься о ней.

— Будет исполнено.

Он идет внутрь.

Вскоре и мы с Дином идем следом.

Я спрашиваю у Дина, как долго он работает на «М4», как проходил процесс найма. Мы говорим о его работе, и о том, как я впечатлена Interface, когда я замечаю знакомое лицо в толпе. Я замираю, когда мой мозг узнает небольшой ястребиный нос и длинные темные волосы. Виктория?

Она шире раскрывает глаза и, к моему полнейшему ужасу, указывает на меня. Потом начинает идти мне навстречу.

— Рейчел? — зовет она.

Боже, видеть коллегу из «Эджа», ту, которой я не доверяю, и которая знает, почему именно я нахожусь здесь, не думала, что это заставит меня почувствовать себя такой ничтожной.

Я беру себя в руки и встаю, чтобы поздороваться с ней.

Изображая чистейшую невинность, она выглядит абсолютно довольной, когда я быстро формально представляю ее Дину.

— Дин, вау, ты же пиарщик Сента?

— Виктория... отойдешь со мной в дамскую комнату? Дин, простишь нас на минутку?

Я стараюсь держаться спокойно, выглядя, словно русалка, когда

направляюсь в сторону уборных, смотря вперед, пока Виктория с самодовольным выражением лица идет рядом.

Даже ее походка выглядит так, будто она занимается сексом с полом, или что-то вроде того.

— Сент просто *пожирает* тебя взглядом. Почему ты не вцепилась в него, забалтывая? — говорит Виктория, когда мы, наконец-то, оказываемся в уборной.

Я проверяю, что кабинки пусты, затем подхожу к раковине и открываю воду.

— Все не так.

— Что? Все не как? Словно это платье не напрашивается, чтобы быть сорванным...

— Шшш! — я смотрю на кабинки, повторно проверяя, что они пусты. Она идет за мной, проверяя каждую лично.

— Не волнуйся, я ничего не расскажу. Хелен прибьет меня, если все накроется.

Я тру виски и делаю глубокий вдох.

— Ты можешь объяснить мне, что ты здесь делаешь?

— Я позвонила некоторым своим знакомым, когда услышала, что тебя нет в списке приглашенных журналистов. Хотела разузнать подробности.

— Подробности чего, Виктория? Я *здесь*. Это моя... я *здесь*. И все под контролем.

Она с сомнением смотрит на меня.

— Тогда ладно, — она устраивает целое шоу, моя руки, потом целую вечность вытирая их насухо. Затем проверяет свой макияж. — Советую тебе идти туда и использовать свои дамские чары. Ты женщина, достаточно красивая. И в случае, если ты не заметила, все присутствующие там женщины, *кроме тебя*, бросают Сенту призывные взгляды.

Она уходит.

Я стою там, смотря на себя в зеркало. Я сильно побледнела. Чувствую себя физически больной. Я уверена, если выйду наружу, Сент увидит меня насквозь. Он узнает, чего я от него хочу, что я хочу всего, включая его секреты, и узнает, почему мне не стоило целовать его так, как целовала в здании Interface. То, что мы там сделали, было таким личным для меня... так непрофессионально с моей стороны, учитывая, что я должна сделать.

Всплывает вся моя неуверенность, и я с телефона вызываю такси. Я жду несколько минут, затем быстро выхожу из уборной и нахожу женщину, которая сидела за столиком с бейджами для прессы.

— Не могли бы вы передать мистеру Сенту, что женщина, чей бейдж

находится в его кармане, вынуждена была уйти, почувствовав себя нехорошо? — прошу я ее, благодарная, когда она соглашается.

Снаружи, через дорогу меня ждет такси, и перепрыгнув через несколько лужиц, я сажусь внутрь, а низ платья окончательно испорчен. Добравшись домой, я благодарю водителя, бегу домой, затем стаскиваю платье, сбрасываю туфли, надеваю свою университетскую футболку и сажусь на кровать, неподвижная, задумчивая, чувствуя пустоту и оцепенение.

Никогда не думала, что совершу что-либо, способное причинить боль другому. Я всегда считала себя на стороне хороших ребят, на стороне справедливости. Встреча с Викторией сегодня, пока я одновременно работала и не работала, заставила меня увидеть, кто я есть. Что я делаю.

Я лицемер. Я... обманщица.

Та игра, в которую задиры заставляют тебя играть в детстве — если бы тебя вынудили выбрать, кого убить, а кого спасти, кого бы ты выбрал, маму или папу? Иногда в жизни ты вынужден сделать выбор вроде этого, и это настолько трудное решение, что его невозможно принять, ты скорее пожертвуешь собой. Но это все равно будет значить, что «Эджус» конец.

Я заглядываю в комнату к Джине, но она все еще не вернулась. Возвращаюсь к себе, сворачиваюсь в позе эмбриона и, стараясь отвлечься, включаю местное шоу на телевизоре, где обсуждают слухи.

*«Сегодня, на торжественном вечере по случаю открытия Interface, Малкольм Сент говорил...»*

Появляется нарезка с сегодняшнего мероприятия, и внутри меня все обрывается, будто я только что съехала вниз на американских горках. Видео возвращается к главной новости, на экране мы, я и Сент, в тот момент, когда он взял меня за руку и повел на террасу.

**БОЖЕМОЙ!**

*«Ранний уход юной девушки вызвал замешательство в прессе; вот их с Сентом совместная фотография, сделанная ранее, вызвавшая массу слухов о том, заинтересовался ли ею Сент. Ранее говорилось, что она - сотрудник небольшого местного журнала, но на мероприятии присутствовала, не как журналист. Это впервые, когда Сента связывают с журналистом. Будет интересно наблюдать за дальнейшим развитием».*

*«Согласен», — отвечает второй ведущий.*

— Божемой! — я выключаю телевизор, отбрасываю в сторону пульт, и закрываю лицо руками. Потом делаю вдох и выдох, вдох и выдох, когда мой телефон вибрирует. Это Хелен.

*«Ты в новостях. Вики написала. Сказала, он явно на крючке. Я*

впечатлена».

— Меня сейчас стошнит, — стону я.

Испытывая тошноту от ненависти к своей же отвратительной двуличности, я хватаю подушку, закрывая ею голову. Я не отвечаю Хелен. Вместо этого я удаляю ее сообщение, после чего тянусь к своему спасательному кругу, единственному, что держит меня на плаву, когда все плохо:

«Люблю тебя, мамочка».

## Глава 14

# ПОСЛЕ ВЕЧЕРИНКИ

Моя мама, скорее всего, спит. Она так и не ответила. А я все еще дерьмово себя чувствую. Черт, я *и есть* дерьмо. Тяжело вздохнув, я натягиваю футболку на колени и обхватываю ноги руками, опуская голову, пряча лицо. Я так сижу уже некоторое время, когда слышу внизу звонок домофона. Я не буду отвечать. Правда, не буду.

На третьем звонке я сдаюсь, встаю и плетусь ответить на кухню.

— Да?

— Это я.

Малкольм.

Я лихорадочно осматриваю квартиру, которую мы делим с Джиной. Это типичное для Чикаго здание бывшей фабрики, переоборудованное в многоквартирный дом. Двери обеих наших спален выходят в короткий коридор, одна справа, одна слева. Крашенные деревянные книжные полки и колонны металлического каркаса отделяют кухню от гостиной. В стене между столовой и кладовой у нас дыра, и самой дешевой альтернативой прикрыть ее, в свое время, стала огромная белая доска. Мы повесили ее со стороны столовой и пишем там всякое, когда напиваемся или просто под настроение. Раньше это была моя доска «для идей», но девчонки ее утащили.

Это... дом. Мой дом. Что он о нем подумает?

Эта квартира — моя гордость, мой маленький уголок покоя, а теперь ОН будет здесь, и это важно. Довольно много времени прошло с тех пор, как мы с подругами это обсуждали, но ни один мужчина не пересекал священный порог моей квартиры. Ни разу. Он первый. Самый первый.

Я нервничаю от того, что он увидит мой дом, мою зону комфорта, мою радость и гордость, взглядом, который повидал слишком многое в этом мире. Намного больше моего. То, что кажется красивым мне, ему может показаться простым и скучным.

— Поднимайся, — бормочу я, нажимая на кнопку, открывая дверь внизу, затем тороплюсь обратно в свою комнату, натягиваю первые попавшиеся леггинсы и меняю футболку на длинную рубашку, осматриваю себя в отражении в зеркале ванной комнаты.



Сокрушаясь в отчаянии от вида моих опухших век, я быстро умываюсь с мылом и иду к двери. Когда я ее открываю, он уже ждет снаружи, прислонившись к стене, одна рука в кармане, взгляд опущен вниз на туфли, брови нахмурены.

Он поднимает взгляд на меня. Мои ноги парализует, будто от нехватки крови. Он не знает, что значит для меня сделать шаг назад и махнуть, приглашая его войти. Боже, он так хорошо выглядит (впрочем, так же хорошо, как и минуты или часы назад), что я едва не спотыкаюсь на коврике.

— Хочешь кофе?

Он осматривается, кивая.

Галстук на его шее развязан, и висит вокруг шеи, верхние пуговицы рубашки расстегнуты. Его волосы вьются у воротника, и, когда он взъерошивает их, продолжая осматривать мою квартиру, они торчат в разные стороны, темные и притягательные. Мне приходится удерживать себя от желания протянуть руку и коснуться их. Вместо этого я приношу нам две чашки на кофейный столик. Я сажусь на диван и смотрю, как он усаживается в мое любимое большое кресло, то, в котором мне лучше всего думается. Я немного опасаясь, что теперь не смогу сидеть в нем, не вспоминая, как он был тут.

— Мне жаль, что я ушла, — шепчу я, пододвигая чашку по столу, отдергивая руку прежде, чем он сможет до нее дотянуться.

— Я слышал, что ты неважно себя чувствовала, — Сент наклоняется вперед, не обращая внимания на кофе. Не обращая внимания на мою квартиру и все, кроме меня.

Его оценивающий взгляд вынуждает меня опустить голову и вздохнуть.

— Да, вроде того, — соглашаюсь я.

— Рейчел, тебя кто-то обидел?

— Возможно... — я поднимаю голову, услышав покровительство в его голосе, и скрещиваю руки на груди. Ни один мужчина не беспокоился обо мне, не защищал. Мне так это нравится, что на губах появляется легкая радостная улыбка. — Ты побьешь ее за это?

— Ее?

— Меня, — уточняю я, качая головой. — Я имею в виду себя, я сама себе причинила вред, — я сильнее сжимаю руки, потому что от его вида в своей квартире, мои мысли уносятся куда-то, в другое место, на верхний этаж здания Interface. Я не могу поверить, что целовала эти губы. Не могу поверить, что и он целовал меня так долго.

Он тихонько смеется, проводя рукой по волосам.

— В таком случае, нет, я не побью ее, — затем пауза и тяжелый взгляд. «Тогда поцелуй ее снова», — думаю я, поддавшись порыву.

Про себя застонав от этой мысли, я закрываю лицо рукой.

В данный момент Сент кажется более, чем озадаченным.

— Проблема в женских штучках?

Я поднимаю глаза на звук его голоса, в нем слышится смущение и улыбка, что из уст такого строгого и скрытного мужчины звучит неожиданно мило.

— Проблема во мне, — признаю я. — Я кое-кого увидела сегодня, она работает там же, где и я. Она всегда такая безупречная. Все ее статьи идеальны. Ее темы, ее метафоры, ее образы!

Его смех, такой низкий, завораживающий, наполняет комнату, он откидывается на спинку кресла, образец делового спокойствия.

— Рейчел, лично я — фанат твоих работ.

Моих... что?!

— Освещающая темы, ты всегда честна, что освежает.

— Ты читал мои статьи? — уверена, мой голос и округлившиеся глаза выдают мое удивление.

Легкая улыбка опять появляется на его губах, но в этот раз он хмурится.

— Думаешь, я даю интервью всем подряд?

— Честно? — спрашиваю я.

Когда он кивает, я опускаю голову.

— Я подумала, что, увидев мое выпирающее декольте на аватарке, ты сказал Дину, что встретишься со мной.

В его глазах смех, но после нескольких длинных напряженных минут, что мы смотрим друг на друга, наши улыбки угасают.

— Я читал твою колонку задолго до того, как дал согласие на интервью.

— Должно быть, при встрече я оказалась таким разочарованием. То первое интервью — самое неловкое из всех, что я проводила, — признаю я.

И снова мы обмениваемся взглядами.

Я хочу, чтобы он что-нибудь сказал, поэтому жду.

— Ты была очаровательна.

Я ярко краснею.

Он известен своей скупостью на комплименты или лесть. Все знают, что он резкий, от его честности людям зачастую бывает не комфортно.

Прямо сейчас мне не комфортно, потому что я чувствую, как он

смотрит на меня с особой пронизательностью, и, когда он продолжает, девчонка внутри меня находится в эйфории.

— Я испытал особое удовольствие, наблюдая, как ты уходишь в моей рубашке. Казалось, что все мои сотрудники, видевшие тебя, знали, что я тебя хочу. Все знали, кроме, пожалуй, меня.

У меня перехватывает дыхание.

— О, — только и произношу я, сумев выдохнуть.

— Тогда я не знал, — уточняет он, его взгляд такой решительный.

Желание, которое я испытываю, невероятно поглощающее, такое мощное, что я не могу думать ни о чем другом, кроме него и того факта, что он не может быть моим.

Меня начинает остро волновать расстояние, разделяющее нас, сколько именно шагов между ним и мной в моей гостиной. Я включаю лампу, и комната наполняется светом, который ласкает черты его лица.

— Сент, почему ты здесь? Если из-за того, что произошло в Interface, то я совершила ошибку.

— Тогда давай совершим еще одну. Более серьезную.

Я нервно смеюсь.

— В этом все дело? Теперь я для тебя вызов?

На его губах появляется улыбка.

— Вызов — это то, что ты перестаешь желать, как только достигаешь. Я не узнаю, вызов ли ты, пока не сделаю тебя своей.

Не могу поверить, насколько сексуальным может быть это короткое слово «своей», когда его произносит мужчина, которого я хочу. Я хочу услышать, как он произнесет его еще много раз, прямо мне на ухо, находясь ближе ко мне. О, боже. *Ливингстон, возьми себя в руки.*

Но как я могу? Напряжение висит в воздухе. С каждым вдохом я вдыхаю его аромат, каждый вдох напоминает мне, какое напряженное и пульсирующее сейчас мое тело, как тяжело делать новый вдох из-за него.

Он смотрит на меня, будто желая понять.

— Так, значит, твоя подруга...

— Виктория. Она моего возраста, но она уже опубликовала несколько рассказов, она пишет книгу по половому воспитанию для детей, все выглядит так, словно она добивается успеха без особых усилий. Мне никогда не достигнуть подобного, не придумать идеи, как у нее.

— Используй это, используй это, чтобы достичь большего. Ты стремишься к большему, когда кто-то другой готов превзойти тебя. Я был... — начинает он, затем посмеивается, будто вспомнил что-то забавное о себе. — Ладно, давай попробуем так, — он наклоняется вперед в своем

кресле. — Для своего отца я был разочарованием, — он говорит обыденным голосом, но смотрит на меня, желая удостовериться, что слова возымели эффект. — Я не уверен, было ли так со дня моего рождения или позже... когда я заболел. Отец никогда не простил мне той слабости. Он затребовал тест ДНК, будучи уверенным, что у мамы был роман на стороне, желая доказать, что я не был его сыном. Я стал больше, быстрее, сильнее только из-за желания доказать себе, что один человек меня недооценил.

— Он был строгим отцом?

— Жестким и упрямым. Кто бы что ни делал, этого всегда было для него недостаточно.

— Поэтому тебе всегда мало, поэтому ты всегда в погоне за большим?

— Не из-за него. Из-за того, что нет *ощущения* завершенности. А я никогда не останавливаюсь, пока есть еще к чему стремиться.

— Ты тоже весьма упрямый.

Сент смеется, качая головой, беспокойно проводя рукой по волосам.

— Тебе уже лучше?

Я киваю.

— Спасибо, — шепчу я.

— За что?

— Оставаясь здесь со мной, ты отвлекаешь меня от чертовски паршивых мыслей.

Он встает, и мое сердце перестает биться, пока он подходит и садится рядом. Я замираю, когда он обхватывает меня своей сильной рукой.

— Иди ко мне.

Некоторое время он обнимает меня, поглаживая. Он вовсе не мягкий (мускулистая грудь и широкие плечи), но я чувствую его тепло и сердцебиение, и внезапно понимаю, что прижимаюсь ртом к его горлу.

Рукой он выводит круги на моей талии, прижимая меня к груди. Он гладит мою шею от ключицы до линии челюсти.

Я веду рукой вверх по его груди.

В его ответном взгляде пылает огонь, и я хватаю ртом воздух, когда он наклоняет голову.

Он целует меня в уголок рта. Я закрываю веки от удовольствия, и не смею пошевелиться.

Обхватив ладонями мое лицо, он проводит своими губами по моим. Он отстраняется на пару сантиметров, снова смотрит на меня, удостоверившись, что я в порядке, перед тем как наклониться снова, касаясь меня раскрытыми губами.

Пока я целую его рот, он ослабляет свою хватку на мне, будто давая мне немного свободы, позволяя привыкнуть к себе. Все в нем такое твердое. Его челюсть. Его грудь. Его руки. Его ладони. Но, боже ж ты мой, его губы. Его язык. Его рот теплый и мягкий, и он целует меня с такой жадностью. Языком он легонько проскальзывает сквозь мои губы, заставляя меня таять.

Мы откидываемся на спинку дивана и я позволяю ему целовать себя, потому что это самое изумительное чувство, что я испытывала. Я шире раскрываю рот, наслаждаясь каждой минутой, каждой секундой, за которые эти губы накрывают мои. Он довольно долго целует меня, снова и снова, пока я не перестану дышать. Я никогда не хочу останавливаться. Я могу делать это часами. Ощущения идеальные. Невероятные.

Сент отстраняется и проводит большим пальцем по моей нижней губе.

В голове сейчас одновременно столько мыслей, что я ни на чем не могу сосредоточиться. Я тяжело дышу, смотря на него — волосы взъерошены, глаза прикрыты, губы слегка опухли — а он смотрит на меня в ответ, словно тигр на свою добычу. Мы меняемся местами, и я, расставив ноги, сажусь к нему на колени. Он целует мой подбородок. Я держусь за его руки, мускулы такие большие и сильные. Он снова целует меня в уголок рта, уверяя, что все хорошо, пока расстегивает мою рубашку.

Я смотрю вниз на его черные, как смоль волосы, чувствуя его теплые поцелуи на своей ключице. Он целует меня прямо между грудей, затем прокладывая поцелуями путь выше к моей челюсти. Он снова целует мне шею. Немного посасывает тут, лижет там, снова целует. Я поднимаю глаза на потолок, стараясь запомнить ощущение его губ на своей коже. Чувствую себя вне своего же тела. Если бы сейчас кто-то заговорил со мной, я бы, наверное, не услышала. Все, чего я хочу в жизни прямо сейчас — чтобы он никогда не останавливался.

Он возвращает свое внимание к моим губам, оставляя на них еще один мягкий поцелуй. Я мгновенно раскрываю рот и обхватываю его руками за шею, чтобы прижать к себе. Его руки на моих бедрах такие большие и теплые, без них я бы уже взлетела куда-то на седьмое небо. Или, в этом случае, на семьсот семьдесят седьмое.

Я таю, когда слышу его голос напротив своей кожи.

— Я продолжаю думать о том дне. О том, что нереально быть такой сладкой, как ты...

Раскрыв губы, я целую его, вкладывая в этот поцелуй все свое сердце. Он восхитительный. Целует меня то нежно, то с напором. Запах его одеколona обволакивает меня, жар его тела согревает, а его губы медленно

сводят меня с ума. Эти наши ласки закончатся тем, что я попаду в психушку.

— Не останавливайся, — выдыхаю я, покачивая бедрами в неожиданном желании оказаться ближе к нему, почувствовать его кожу на своей.

Я вся дрожу. Он поднимает голову и целует меня в уголок рта, легонько покусывая. Он стонет, и я понимаю, насколько он завелся.

— Не останавливайся, — прошу я.

— Я не остановлюсь до утра, — он отодвигается и обхватывает ладонями мое лицо. Я смотрю в его мерцающие зеленые глаза, наблюдающие за мной с выражением, которое не могу описать. Он смотрит на меня, словно я богиня. Словно он никогда не мечтал о такой, как я. Он смотрит на меня с таким желанием и нежностью, что я чувствую, как мое горло снова сжимается. Я к этому не готова. Я напугана. Я взвинчена.

— Какого...

Верхний свет включается, и я сажусь прямо, смущаясь, прикрывая свое пылающее лицо руками.

Джина недоуменно моргает.

Сент жмурится, затем открывает глаза, при этом он выглядит так невероятно сексуально, мужественно, такой рассерженный и заведенный, что я тянусь, быстро застегивая его рубашку, ревнуя к тому, что Джина увидит его грудь, его пресс, к которым я буквально только что прикасалась с таким безумством.

— Надеюсь, все на самом деле не так, как выглядит, — хмурится Джина, упираясь рукой в бок.

— Не так, — выпаливаю я, не подумав, после чего смотрю на него, находящегося в полнейшей растерянности. Его волосы так мило взъерошены, но сам он более, чем раздражен.

— Твоя соседка, — говорит он сквозь зубы, злясь, что вообще забыл, что я живу не одна.

Сгорая от стыда, я поднимаю его на ноги (это требует значительных усилий), подталкиваю его к двери.

— Это... было даже больше, чем ошибка. Не знаю, что на меня нашло.

Его взгляд темный, словно ночь, а голос хриплый от желания.

— Я знаю, что на тебя нашло — то же, что и на меня.

— Нет, — я выхожу в коридор, вызываю лифт, и заталкиваю его внутрь, упираясь изо всех сил.

Пока, Сент.

— Рейчел, я позвоню тебе, — бормочет он, прижимая меня к себе и

целуя, касаясь своим языком моего, заставляя меня застонать прежде, чем я вырываюсь из его объятий и двери лифта закрываются.

О. Мой. Бог. *Что я натворила?*

— Что это было?

— Он попросился.

— Это я — Джина, помнишь? Твоя лучшая подруга. Я знаю, когда ты врешь. Вы тут... занимались непристойностями на диване, как какие-то подростки?

— Я немного выпила сегодня. Он тоже. У нас случилось... что-то. Я совсем не... могу мыслить здраво.

— Ладно. Потому что, мы же обе знаем, что глубоко в душе он Дьявол, так? Король кретинов, да? Мы не спим с подонками, мы не позволяем им пробиться сквозь свою броню!

Я киваю и иду к себе в комнату. Вытерев рот тыльной стороной ладони, я чищу зубы и смотрю на себя в зеркало.

Что я делаю? Я обнажила перед ним свое сердце. Почему бы мне тогда прямо не рассказать ему про статью?

Это не было частью моего плана. Я должна была написать разоблачительную статью о нем, а не позволять ему разоблачать себя.

\*\*\*

Но я не могу уснуть. Я помню разочарование на лице Сента, когда вошла Джина. Чуть позже я включаю лампу и достаю телефон.

«Прости за то, как мы попрощались», — пишу я, но прежде, чем отправить смс, набираю его номер, не зная, ответит ли он. Долго сомневаться не приходится — я слышу, как он отвечает на звонок, говоря «привет».

— Прости за то, как мы попрощались.

Когда Сент отвечает, в его голосе слышна улыбка, это меня успокаивает.

— Что ж, если это единственный способ заставить тебя мне позвонить.

Я смеюсь, затем беру себя в руки, поудобнее устраиваясь на кровати с телефоном у уха, стеснительно шепча: «Со мной ты ведешь себя иначе, чем с другими».

— Это из-за надписи «Хрупкое, обращаться с осторожностью», которая на тебе написана.

— Я не хрупкая.

— Ты настолько хрупкая, что спряталась в коробке, чтобы никто не смог тебя разбить.

— Мне нравится находиться в безопасности.

— Пока ты находишься в безопасности, ничего не происходит.

— В этом и смысл — ты все контролируешь, все предсказуемо и... безопасно.

За этим следует долгое молчание.

После чего Сент говорит: «Когда ты выйдешь из своей коробки, я буду ждать».



## Глава 15

# ДЕНЬ КРАСОТЫ

Что это вообще значило?

Я не стремлюсь подвергаться опасности. Уж этого я бы хотела в последнюю очередь. Я всегда гордилась своей рассудительностью.

Уже пятница, и я с головой погрузилась в статью, которая нужна Хелен на этой неделе. Я не могу думать, не могу остановиться и позволить себе подумать обо всем, потому что утону в собственных страхах и сомнениях. Я приказываю себе отстраниться и не забывать, ради чего все это, ведь так бы и поступил любой здравомыслящий журналист. А я здравомыслящая. По крайней мере, была таковой в течение двадцати трех лет, пока не встретила Малкольма Сента.

Я яростно печатаю текст статьи, когда мой телефон вибрирует, и я рассеянно бросаю взгляд на экран, после чего едва ли не грохаюсь в обморок от сердечного приступа, увидев слово, под которым я сохранила его номер в контактах. «ГРЕШНИК».

«Встретимся сегодня в «Туннеле»?»

Что сейчас происходит с моим сердцем? Оно скачет кувырком у меня в груди. Я стала той самой девчонкой, той глупой девчонкой. «Туннель» — это популярный клуб, известный своими темными шумными залами, и громкой музыкой. Вряд ли кто-либо покидал «Туннель» трезвым и опрятным. *Рейчел, ты не можешь пойти с Сентом в «Туннель», если только не готова держать свое влечение под контролем (а в последнее время ты с этим паршиво справляешься).*

— Ну что, ты готова?

Я опускаю телефон, когда Виктория пытается заглянуть через перегородку моего кабинета.

— Готова? — повторяю я. — К чему?

— Ты забыла? Твой день красоты! Подготовка к рабочим выходным.

— Я... о. Точно. Как я могла забыть? Наведение марафета. Обычная девчонка делает стрижку, очаровывает парня, блаблабла, — говорю я, хватая свои вещи.

— Именно, — смеется она.

Я забираю телефон и закрываю файл, который создала на компьютере,

с довольно большим количеством ссылок (но которых всегда недостаточно), дающим представление о том, чем Малкольм был занят на этой неделе. На всех фотографиях снова были девушки, но он казался отвлеченным. Не похоже, что он веселился, но, опять же, по нему сложно понять.

Выключив компьютер, я следую за Викторией к лифтам, и мы направляемся в спа-салон. Педикюр, маникюр, стрижка.

— Мелирование.

— Я платиновая блондинка, Вики, волосы от этого не станут светлее.

— Несколько более светлых прядей и несколько более темных добавят яркости твоим волосам.

— Я соглашусь на стрижку, но не стану связываться с краской для волос, пока не поседею. Этому я научилась у своей мамы.

— Что нравится Сенту, так это простые милые девушки. Он не привык особо стараться, они всегда доступны, что, наверное, его и привлекает. Хотя, похоже, он все же запал на тебя, Рейчел.

Мой телефон вибрирует. Я смотрю на имя на экране, и мое тело снова реагирует. «ГРЕШНИК». Краснея от одной лишь мысли о нем, я запихиваю телефон в карман, наблюдая, как даже мои пальцы становятся розового цвета от румянца.

— А после педикюра, полная депиляция воском в зоне бикини, — заявляет Виктория, сидя в кресле рядом со мной.

Интересно, может она говорить еще чуть громче, чтобы не только весь салон, но и весь внешний мир мог ее услышать.

Я наклоняюсь к ней, говоря тише.

— Спасибо, но нет.

— Э, аллэ? Даже не обсуждается.

Я смеюсь.

— Слушай, у меня там все в полном порядке. Так что оставь эту тему в покое.

— Ладно, — она закрывает журнал, который читала до этого, и откладывает его в сторону. — Но парням вроде Сента нравится бразильская депиляция, — она заговорщицки ухмыляется. — Как и все те роскошные девочки из Бразилии, — она выбирает новый журнал и продолжает свою поучительную речь, будто она эксперт в том, что касается Сента. — Бабникам нравятся все девчонки, это часть их очарования. Они идеальные самцы, и мы ничего не можем с собой поделать, нас к ним влечет, — она улыбается. — Знаешь, эта приземленность в тебе, эта легкая неукротимость — возможно, его это привлекает. Я видела, как его это заинтересовало. Под

этой напористостью ты более милая и нежная, а он еще более зажигательный, мощный, более страстный. Сент дурачится напоказ, но он жесткий, это знают все, кто имел с ним дело.

Мой телефон вибрирует, на этот раз от звонка. «ГРЕШНИК».

Сила и огонь.

Напор.

Я хочу ответить. Хочу услышать его голос.

Я также *не хочу* желать этого.

Клянусь, если узел у меня внутри станет еще хоть немного туже, я взорвусь.

Я смотрю на экран телефона, когда приходит еще одно смс.

«Что нужно сделать мужчине, чтобы ты сказала «да»?»

Кусая щеку, я плююсь на телефон, кажется, целую вечность. *Да! Да! Да! Но, так же, НЕТ. Мы не можем. НЕТ. НЕТ. НЕТ.*

Наконец, я фокусируюсь на задании, говорю себе, что нужно беспристрастно согласиться, после чего отвечаю:

«Встретимся там»

У меня дрожит рука, когда я убираю телефон, стараясь вернуться к реальности. Салон. Приготовление. Виктория. Ах, да, Виктория. Любопытный поворот. Я смущенно смотрю на нее, после чего говорю:

— Из того, что ты сказала мне, я начинаю думать, что ты и правда желаешь мне успеха.

Если честно, я не пытаюсь скрыть удивление, потому что (ну, скажем прямо) сегодня она удивила меня в хорошем смысле этого слова.

— Я, правда, желаю тебе успеха, почему нет? Я люблю работу в «Эдж». Куда мне уходить? — я вижу удивление, появившееся у неё на лице. — Все мы знаем, что висим на волоске. Неоткуда ждать помощи. Наши тиражи мельчают с каждой секундой. Так мы все окажемся без работы, — она качает головой. — Я этого не хочу, — она вздыхает. — Хотела бы я, чтобы наши начальники предпочли меня для этой работы, но, если честно, не уверена, что бы сделала с Сентом, если бы заполучила его.

— О, этим парнем нельзя завладеть, — я смеюсь, но в душе эта мысль печалит меня. Что Сент настолько отстранен от всех, что ему сложно почувствовать себя частью чего-либо. Что он никогда ни к кому не привяжется.

— Что ты имеешь в виду, говоря «нельзя завладеть»?

— Им просто нельзя завладеть, не в том смысле, который был бы значимым для него самого. Никто не заполучил больше, чем небольшой кусочек Сента. Ни его отец, ни даже его мама. Ни одна женщина. Ни его

друзья или партнеры по бизнесу. Он распространяет свое внимание на все, включая сферу своих интересов. Ничего не бывает достаточно. Этот огонь, он держит его внутри, позволяя тебе увидеть лишь искры того пламени.

— Что ж, — она обмахивает лицо ладонью, — ты уже ухватила больше, чем я!

\*\*\*

Около восьми вечера я захожу к себе в квартиру, помня, что обещала Виктории надеть платье.

— Постарайся не выставлять напоказ слишком много. Окружающие всегда спешат обнажиться перед Сентом. Возможно, ему понравится гадать, что же остается прикрытым.

— Он все равно не увидит, так что может хоть до смерти гадать, — ответила я легкомысленно.

Но я удивлена, что у меня язык повернулся такое сказать, потому как чувствую я себя отнюдь не легкомысленно. Я испытываю такое предвкушение, которое мешает вам сосредоточиться на чем бы то ни было. Заставляет вас пытаться сделать десять вещей одновременно, и провалиться во все сразу.

Я не видела его с тех пор, как он поцеловал меня в холле перед моей квартирой перед тем, как двери лифта закрылись.

К тому времени, как Джина возвращается домой, я развесила вещи по всей своей комнате. Я написала ей: «Грешник сегодня вечером в «Туннеле» и мы тоже идем!»

Учитывая, что я все это время раздумывала над тем, что надеть, она мгновенно врывается ко мне в комнату, беря контроль в свои руки.

— Почему ты все еще в нижнем белье? Одевайся! Надень тот крутой модный топик в сине-белую полоску, на котором написано «Мой парень — моряк», чтобы показать, что ты занята и не особо стараешься.

— Не особо стараюсь? Да я четыре часа провела в салоне красоты. Я заплатила за всю эту показушную красоту.

— Все равно надень тот топ с надписью про моряка. Если он хочет залезть к тебе в трусики, то ему придется пройти через это.

Я достаю топ из шкафа и осматриваю его, и с каждой секундой мои нервы все более на пределе. Я раздумываю, может надеть топ с юбкой. Не так соблазнительно, как платье, но у него будет отличный обзор моих длинных (а теперь еще и блестящих от масел) ног. «Зачем ты хочешь

показать ему свои длинные ноги, Рейчел?»

— Джи, думаешь, это хорошая идея? — спрашиваю я, натягиваю юбку.

— Это чертовски отличная идея, это именно то, что ты хотела!

— Э, нет, вовсе не то. Я хотела расследование, а это, скорее, свидание.

— Нет, не свидание. Сент не ходит на свидания. Сент только тусуется с девушками.

Боже, я мечтаю о том, чтобы он запал на меня.

Я мечтаю, чтобы хотя бы на одну ночь, одну ночь в его жизни, ему приснился настолько реалистичный сон, что он бы кончил.

Но я все еще не уверена. Я поворачиваюсь, и спрашиваю у Джины:

— Все точно в порядке? Я пересекаю тонкую линию...

— Рейчел, просто помни, он использует тебя, а ты используешь его. Вы не состоите в отношениях, и никогда не будете. Просто сделай свою работу и не увлекайся.

— Хорошо, — быстро соглашаюсь я, лишь бы заставить ее прекратить говорить об *«использовании»*.

Проглотив ком в горле размером с лимон, и горечь, как от таблетки, я беру сумочку и говорю себе, что могу это сделать, что хочу это сделать, что я хочу работу сильнее, чем его.

## Глава 16

### «ТУННЕЛЬ»

— Хорошо, смешаемся с толпой. Помогите мне найти Эммета.

Мы с Уинн и Джиной блуждаем по лабиринтам залов внутри «Туннеля», запах глиняных стен и пота шибает в нос, вместе с запахами духов, одеколона и алкоголя. Мерцающие огни и музыка уносят нас, пока мы продвигаемся к сердцу клуба, так называемый «кратер». Уинн возглавляет нашу компанию, пока я плетусь в конце, оглядываясь по сторонам в поисках его.

— Спорю, что он там, — Джина указывает на зал справа, заполненный людьми до предела так, что я ничего не вижу сквозь стену из блестящих платьев и переплетающихся тел, находящихся на пороге.

— Почему там?

— Да ладно! Нет дыма без огня. Где Сент, там полно ДЕВУШЕК.

Хмурясь на это, я протискиваюсь в самый многолюдный угол зала, и сердце пропускает удар, потому что он там, Мужчина, Завладевший Моими Гормонами. Каллен и Тахо выглядят отлично, но Сенту бы стоило носить предупреждающий знак «ПРИНОСИТЕ ЗАПАСНЫЕ ТРУСИКИ».

У обоих его друзей на коленях по две девушки, а миловидная блондинка (широко известная в светских кругах) говорит с Малкольмом, смотря на него с восхищением.

Музыка в колонках пульсирует. Тела сталкиваются и извиваются, когда я ловлю момент, чтобы понаблюдать за ним, пока он на меня не смотрит. Загоревший, волосы слегка взъерошены, рукава рубашки закатаны до локтей (похоже в клубах, из-за жары и веселья он так все время делает). *Боже, а вот и бабочки в животе.*

Он смеется, когда поворачивается, взглядом привычно окидывая толпу, и тут его плечи напрягаются. Мое сердце замирает, подскакивает к горлу, потому что он меня заметил. Теперь я испытываю серьезный дискомфорт от его пристального внимания.

Он вскидывает бровь, ухмыляясь тем самым образом. Я почти слышу, как он говорит: «*Ты там всю ночь собираешь простоять?*»

Сент ставит свой бокал на край стола и подходит ко мне. С каждым шагом мое сердце бьется все быстрее. Он смотрит меня, снизу вверх, не

упуская ни одной детали.

— Рейчел, — он привлекает меня к себе своей сильной рукой и целует в щеку, едва касаясь меня губами, что мне не верится, как настолько незначительный поступок может так сильно влиять на мое тело. Внутри я борюсь с самой собой, стараясь выровнять дыхание, когда он берет меня за руку и тянет к их столику в глубине зала. Я родилась девчонкой, у меня в доказательство даже есть свидетельство о рождении. Но никогда до этого момента я не чувствовала себя настолько женщиной, моя рука ощущается такой маленькой и хрупкой в его сильной ладони.

Каллен и Тахо приветствуют меня, перекидывая музыку: «Привет, Рейч!» «Привет, Рейч!»

Я сажусь к ним, Малкольм устраивается рядом со мной, рубашка плотно облегает его в стольких местах, что от одного лишь взгляда мне становится тесно в своем же теле.

Он заказывает напиток для меня, затем откидывается на спинку дивана, выглядя при этом настолько расслабленным, насколько я напряжена. Что-то произошло во время его визита в мою квартиру. То, что его заботило мое самочувствие, тронуло меня, а еще, открывшись, он удивил меня. Хотя, что более удивительно — я открылась ему. Мы поделились друг с другом своими историями, и самым важным. И теперь наши чувства настолько осязаемы, что каждый сантиметр моего тела вибрирует от желания оказаться ближе, настолько близко, как мы были в ту ночь.

Позади меня, на спинке дивана я чувствую его вытянутую руку, а его друзья продолжают подшучивать друг над другом, не забывая при этом потихоньку спаивать своих подружек.

— Как прошла неделя, Рейчел? — от его вопроса волнение теплой волной проходит по моим венам, а в его глазах я вижу искренний интерес.

— Хорошо. На работе все в порядке. С мамой все хорошо. Я... ладно, не хочу тебе докучать, — но я улыбаюсь. Не припомню, чтобы кто-либо выглядел таким же внимательно слушающим, пока я описывала, как прошла неделя.

Когда я спрашиваю его о поездке в Лондон (потому что, конечно же, я читала, что он пробыл там 48 часов), он говорит, что все прошло «хорошо», возвращая тему разговора ко мне.

— О чем ты сейчас пишешь? — шепчет Сент.

Он всегда так сосредоточен на всем, что я говорю — проходящие мимо хлопают его по плечу, зовут его по имени — но он ни разу не сводит с меня взгляда. Будучи так же поглощенной им, я не могу перевести разговор на

более безопасную тему, поэтому отвечаю кратко:

— Собираю информацию для статьи, которая выйдет на следующей неделе.

Я чувствую, что одну руку он опускает позади меня, и в голове звучит «Ты — тема моей статьи».

Желание заставляет мои мускулы сжиматься, вызывая почти болезненные ощущения. Ох. Почему сейчас?

Я смотрю вниз на колени, стараясь собраться. *«Почему, почему я теряю уравновешенность, оказываясь рядом с тобой?»*

*«Потому ли, что я хочу заставить тебя расслабиться, когда ты такой серьезный и не дразнишь меня?»*

*«Или дело в твоём отчаянном (по каким-то постижимым причинам) желании узнать, что меня трогает?»*

*«Или может это от того, что ты заставляешь меня нервничать... а может просто потому, что ты спросил?»*

Я тяжело вздыхаю, опасаясь, что из-под густых ресниц за мной наблюдают эти бескрайние глубоко посаженные глаза, зеленые, словно лес, скрывающие секреты того, кто никогда не раскрывает свои карты, пока игра не выиграна. Коварный взгляд. Хищный. Заинтересованный. Я хочу закрыться и держаться подальше от него, раз он все еще мало что рассказывает мне о себе, но не могу удержаться от ответа, когда он спрашивает о чем-либо. Я смотрю на танцпол и медленно встаю, потянув его за руку.

— Потанцуй со мной, — говорю я ему.

Мне чертовски надоело сомневаться, нервничать, испытывать желание и бороться с ним. Я устала обдумывать каждый шаг, устала пытаться заглушить свои чувства. Внезапно все, чего я хочу, это потанцевать с ним. Провести один час, просто веселюсь, один час побыть просто девчонкой рядом с парнем.

Приподняв бровь он, ничего не говорит... но поднимается. Он медленно встает, как раскручивающаяся из клубка змея. Я смеюсь, сильнее тяну его за руку, ведя в соседний зал, где находится танцпол.

— Потанцуй со мной, Сент.

Его ладонь в моей руке такая большая, с длинными пальцами, я тяну его, а он позволяет мне себя вести, как ленивое дикое животное, которое поддается своей добыче, прежде, чем напасть. Он идет на танцпол, приподнимая руки к моим бедрам. Внутри меня вспыхивает огонь, когда я вижу, едва заметную усмешку в уголке его рта.

Он наблюдает за тем, как я двигаюсь под его руками, вверх, вниз и в



стороны, используя его, как шест. Шест, который я хочу поцеловать, как и все присутствующие девушки (что ж, стоит признать, что я, все-таки, человек). Он водит руками по обе стороны моей талии и бёдер, а в его глазах я вижу вспыхнувшее дьявольское пламя. Я беру его за руки и кладу их себе на шею, чтобы он мог притянуть меня ближе. Моя глупая голова отказывается думать, все мысли исчезли. Я хочу его обнаженным, вспотевшим, безрассудным, без ухмылки и умиления на лице, полностью утратившего контроль.

— Это лучшее, на что ты способен? — подстрекаю я его, удивляясь, когда он резко притягивает меня ближе к себе.

И тогда, все еще удерживая руки на моих бедрах, он начинает двигаться. *Угу*. Он твердый. Во всех местах. Люди прыгают в танце, врезаясь в нас, а Малкольм движется, словно его тело — продолжение моего. Без особых усилий с его стороны он прижимает меня к себе, своей щетиной на подбородке царапая мне затылок, когда убирает мои волосы в сторону, касаясь серебряными кольцами на руке моей шеи. Я настолько шокирована нежной чувственностью в его движениях и прикосновениях, гладкими и напряженными мускулами его тела рядом с моим, тем, что в его объятиях я чувствую безопасность и возбуждение, что я буквально опьянена этим чувством. Им. Этой ночью. Я украдкой касаюсь мест, которые можно счесть взрывоопасными, но мои руки живут своей жизнью. Часть меня сошла с ума. Его губы были созданы для поцелуев, а руки — для прикосновений. Единственное назначение его густой шевелюры — чтобы женщины погружали свои пальцы в его волосы, пока он жестко погружается в них самих. В его глазах есть проблеск рая (и кусочек преисподней), и все это лишает меня рассудка.

Пальцами я пробегаю вверх по его рубашке, вокруг его накаченных плеч, наслаждаясь ощущением их каменной твердости. От желания прикоснуться к нему, меня не остановило бы даже *связывание!*

Песня кончается, и он берет меня за руку, уводя обратно к столику. В ложбинке между грудей у меня капельки пота. К нам обращены десятки взглядов, практически каждая женщина в зале изучает меня с головы до ног, большинство с выражением, на котором написано желание содрать с меня кожу.

Я сдерживаюсь, чтобы не отшатнуться.

В кабинке Каллен упоминает Сента, травя байки тусовщицам.

— О, да, но Сент развеял эти слухи.

— Развеял в пыль! — гордо откликается эхом Тахо, ударяя ладонью по кулаку.

Игнорируя их, Малкольм тянет меня за собой, усаживаясь в кабинку, принимая прежнее положение — рука на спинке позади меня, голова наклонена в моем направлении так, что я чувствую его теплое дыхание на коже позади уха.

— Эй... взгляни на меня, — просит он, опуская руку к моему бедру и мои мысли улечиваются.

От этого касания искрятся все мои нервные окончания, усиливая мое желание. Не знаю, копилось ли оно минуты, часы, дни, недели или всю мою жизнь, но знаю, что ощущаю это только тогда, когда он рядом. Ведомая импульсом, я разворачиваюсь и легонько опираюсь на него. Он придвигается, чтобы опустить руку мне на плечи, дрожащими пальцами блуждая в моих распущенных волосах. Его друзья разговаривают. Сент шепчет мне на ухо: "Ты прекрасно выглядишь".

Мои щеки мгновенно вспыхивают, а в животе порхают бабочки.

Музыкальный сет заканчивается и начинает играть "Kiss You Slow" Энди Граммера. Он касается ладонью моего лица, смотря из-под опущенных ресниц, и целует меня в уголок губ.

Воздух огнем обжигает мне кожу.

Он прижимает меня ближе к себе, проводит всеми четырьмя пальцами, украшенными серебряными кольцами, по моей щеке, следя взглядом за их движением.

— Сегодня я здесь с самой сексуальной девушкой, — шепчет он, стирая помаду с моих губ невероятно эротичным движением пальца.

И там, в глубине его прекрасных глаз, пылает яростное желание, словно в зеркале отражая то, что испытываю я сама. Желание, подобно которому я не испытывала никогда, сдавливает мое горло, подталкивая меня нежно прикусить его палец. Не стоит мне этого делать, но я уже не могу остановиться. В песне поется о *медленных поцелуях*...

Я осторожно осматриваюсь по сторонам, переживая, что его друзья по ту сторону кабинки вытворяют нечто похожее со своими подружками. Беспokoясь о своих друзьях, зависающих где-то там. Думая о танцующих, о других, смотрящих в нашем направлении. И о своей жизни, каким-то образом меняющейся в этот самый момент, пока он смотрит на мое лицо. Цвет его глаз меняется как в калейдоскопе, будто он борется с теми же сбивающими с толку эмоциями, что и я.

Он кладет руку мне на бедро и медленно направляет к себе на колени. Я слишком охотно на это соглашаюсь, расслабляясь, чтобы он мог усадить меня, с расставленными ногами по обе стороны от него, пока я изо всех сил цепляюсь за его шею.

— Ты хочешь этого? — шепчет он, забираясь мне под юбку, и я чувствую тепло его ладони, ласкающее внутреннюю часть моего бедра.

Сердце бешено трепещет у меня в груди, проводя пальцами по его шее вверх, в отчаянной попытке прижаться к нему ближе. У него такая мускулистая и мощная шея, и я наклоняю голову, чтобы вдохнуть его запах. Затем, отбросив сомнения, шепчу ему на ухо: «Я здесь с самым красивым мужчиной».

— Ах ты ж, хитрец. Небось, задумал позже и с Рейс позабавиться! — окликает его Тахо со своего кресла, поднимая бокал, и указывая в нашу сторону, пока его шлюшка пытается привести в порядок свое платье.

Сент убирает руку из-под моей юбки, но сжимая мое бедро, сокрушенно смотрит мне в глаза.

— Я занят, Ти, — раздраженно отвечает он. Сент бросает на Тахо взгляд, способный содрать шкуру с костей.

Я резко выдыхаю, вспоминая фотографии и слухи обо мне, которые уже повсюду, отчего моя работа становится еще более опасной.

— Не здесь, — говорю я ему, ненадолго вернув себе способность мыслить.

Обжиматься в клубе? Серьезно, Рейчел? С Сентом?

Малкольм обхватывает мое бедро, помогая мне встать со своих колен.

— Эй, а ты ему и правда нравишься, — говорит мне Тахо, поигрывая бровями, пока Малкольм подзывает официанта и просит о чем-то, отчего тот мгновенно убегает, но тут же возвращается и кивает.

— Следуйте за мной, мистер Сент, — говорит официант.

Малкольм подхватывает свой пиджак с кресла и берет меня под локоть, бормоча мне на ухо: «Иди за мной, Рейчел».

Нас отводят в небольшую приватную комнату. В конце стоит стол с маленькими электрическими свечками. А также ведерко для шампанского, пара бокалов, ваза с одним розовым тюльпаном, в комнате с приглушенным светом. Музыка играет та же, но намного тише.

— Желаете чего-либо, мистер Сент? — спрашивает официант, и, когда Малкольм протягивает ему несколько купюр, практически рассыпается в благодарностях.

— Спасибо, — говорит ему Сент. Он ведет меня за руку к дивану, а официант закрывает дверь с тихим щелчком, от которого замирает сердце.

Я с трудом держусь на ногах, и слава богу, Сент помогает мне сесть. Усаживаясь своим прекрасным подтянутым телом так, чтобы смотреть прямо на меня. Боже. Его глаза. Я не могу удерживать его взгляд дольше пары секунд; сердце колотится в груди, отдаваясь в голове, и между

дрожащих ног.

— Малкольм... — начинаю я.

Кажется, на уме у него сейчас только одно, когда мы усаживаемся на диване, и он наклоняет голову, прижимаясь губами к моей шее. Я стону и запускаю пальцы в его волосы, чувствуя, какие они густые и мягкие, пока жгучее, кипящее желание циркулирует по моим венам.

Я вздрагиваю, когда губами он касается точки у меня на шее там, где бьется пульс. Затем он пробует меня на вкус языком, медленно исследуя нежную кожу моей шеи, отчего у меня поджимаются пальцы на ногах, а тело дрожит. Он обхватывает мою грудь одной рукой и аккуратно ее сжимает, пока пальцами свободной руки гладит мне по плечу, вверх и вниз.

— Ты не против?

Он отстраняется, улыбаясь, пока смотрит на меня, а когда почти не дыша, киваю, он переносит руку мне на затылок и прижимается в медленном поцелуе к уголку моих губ. Он такой нежный. Слишком нежный. И минуты не прошло, как я пьяна, опьянена желанием, Малкольмом, не в состоянии делать что-либо. Только целоваться. Прикасаться. Чувствовать его поцелуи на мочке уха. В уголках рта.

Он снова запускает руку мне под юбку.

— Что у тебя тут? — произносит он хриплым голосом.

— Кое-что, — мой голос дрожит от возбуждения.

— Что-то, что ты хочешь мне показать? — на его губах вновь появляется улыбка.

Я беззащитна под его изучающим взглядом, пока он поднимает мою юбку, открывая вид на мои трусики. Я не хочу дышать, я даже жить не хочу после того, как увидела, каким взглядом он на меня смотрит.

— Малкольм, — умоляю я, чувствуя сильнейшее возбуждение и нервозность.

— Шшш, — отвечает он тихо, продолжая смотреть на мои крошечные прозрачные кружевные трусики. — Я не сделаю тебе больно. Я хочу только смотреть на тебя.

— Только смотреть и все? — я не знаю, хочу ли я услышать «да», «нет», «не знаю»...

— И прикасаться, — выдыхает он. Он слегка приподнимает мои ноги вверх к своим бедрам, прижимая ближе, так, что я наполовину оседлала его, пока его пальцы скользят у меня под коленками. Внезапно на это отзываются тысячи нервных окончаний, такие чувствительные от легчайшего давления его пальцев. Я стону, уткнувшись в его шею. А когда он тянет меня за волосы и наклоняет голову, чтобы провести языком у меня

по шее, я стону еще громче...

Обычно я бы ожидала, что он сразу двинется к моему самому горячему и влажному месту, но этот мужчина слишком опытен, чтобы делать то, что я от него ожидаю. Он прижимает губы к моему виску, пока пальцами дразнит заднюю сторону моего бедра, задевая при этом внутреннюю сторону. У меня перехватывает дыхание, соски набухают и упираются в шелковый топ, в его грудь.

Я выгибаю шею, вдыхая глубже, быстрее, отчего запах его одеколona одурманивает меня. Кажется, я только что простонала его имя. Пальцами одной руки он проникает ко мне в трусики.

— Скажи, что хочешь почувствовать здесь мои пальцы, — шепчет он. Прижавшись губами к моему виску он улыбается, очевидно, будучи собою довольным, ведь я, конечно, уже мокрая. Я закрываю глаза и обхватываю его рукой за шею, представляя нас голыми, и движущимися вместе.

Одной рукой он продолжает ласкать мое бедро, вторая уже у меня под топом. Он сильнее сжимает мне ногу, и я понимаю, что настроен он серьезно. Я уже чувствую, как внутри меня формируется сильнейший оргазм, отчего легкий страх перерастает в панику.

— Сент... то есть, Малкольм... ты только не переставай касаться меня, просто... мне нужно немного притормозить...

Он отклоняется назад, и мы смотрим друг на друга, тяжело дыша. Мои зрачки настолько расширены, что я вижу его, как в тумане. Мне нужно написать о нем, а не спать с ним.

— Дай мне свою руку, — шепчет он. Он тянется за моей кистью и держит ее в своей сильной руке, и я чувствую, как его зеленые с поволокой глаза наблюдают за моей реакцией, пока он проводит пальцем по моей ладони. Это движение сразу же напоминает мне обо всех сорока тысячах нервных окончаниях, расположенных в каждой ладони. Он гладит мои пальцы у основания и костяшки, а его ласки, словно электричество.

С замиранием сердца, я наблюдаю, как он сцепляет наши руки, используя подушечку большого пальца, чтобы медленными маленькими кругами массажировать внешнюю сторону моей ладони у основания пальцев. Чувство такое, будто мои вены расположены слишком близко к коже. Внутри меня вспыхивает пламя, когда он, удерживая мою ладонь, вытягивает мою руку. Он нежно целует внутреннюю часть моего локтя, лаская языком мою кожу, и я чувствую его дыхание на разгоряченной коже. То, что он делает, словно наркотик, и я хочу, чтобы он никогда не останавливался.

Он медленно поднимает мне топик и заправляет его за бретельки

лифчика, чтобы он так и оставался наверху.

Я как-то читала, что в солнечном сплетении обширное скопление нервных окончаний, но раньше подобного не испытывала. Он начинает у меня под моей грудью, продолжая ласкать все выше и выше, потом укладывает меня на диван, чтобы продолжать целовать вокруг моего пупка. В ответ на мой стон он шепчет и успокаивающе поглаживает меня, отчего мое тело и мышцы пресса расслабляются, и вся кровь направляется прямо между ног, где уже пылает настоящий огонь. От предвкушения прикосновений там все горит и трепещет. Он так близко, но в то же время далеко. Он ласкает мне ребра. Наклонив голову, он кружит языком вокруг моего пупка, затем погружает внутрь него свой язык, такой горячий и мокрый. Сент пробуждает дюжину эрогенных зон. Мои нервные окончания, которые никогда прежде так не стимулировали, покалывают и кричат, а тело оживает. Я вся. Оживаю. Я возбуждена ментально, физически и эмоционально.

— Ты даже не представляешь, насколько сильно возбуждаешь меня, — признаюсь я, поглаживая его волосы. Он поднимает голову, стаскивает одну чашечку лифчика вниз, обхватывает пальцами мою грудь, и с изголодавшимся посасывающим звуком нежно посасывает вершинку моего соска.

— Рейчел, я хочу, чтобы этой ночью ты оказалась подо мной, — он поднимает глаза и смотрит на меня, а золотой ободок вокруг зеленой радужки его глаз светится от решительности. Каждый вздох, каждый раз, когда я приподнимаюсь под ним, пока он посасывает мою кожу, распалает меня до предела. — Извивающуюся, — продолжает он. — Возбужденную. Мокрую.

Сент берет мой, уже затвердевший, чувствительный сосок обратно в рот. Я сдвигаюсь дальше по сидению, расставляю ноги и пытаюсь притянуть его к себе. Вместо этого он опускает руку между моих ног. Я сжимаю руки на его плечах достаточно крепко, чтобы почувствовать, как его мускулы двигаются под моими пальцами, когда он медленно, большим пальцем, отводит в сторону мои трусики и скользит другим внутрь.

Это прикосновение запускает целый каскад удовольствия по моему телу. Я выгибаюсь, издаю тихий стон от желания и удовольствия. Я вижу, как обычная маска контроля слетает у него с лица, пока он наблюдает за мной, с мягкой улыбкой.

— Для меня... Рейчел. *Кончи для меня.*

Одно движение пальца по моему клитору. Один искусный палец внутри меня. Глаза этого мужчины, сияющие, наблюдающие. Этот голос,

уговаривающий меня. И я кончаю, сжимаюсь с тихим стоном, не в состоянии остановить это, не в состоянии сказать ему, что хочу, чтобы он тоже кончил для меня.

Еще некоторое время я с трудом перевожу дыхание, пытаюсь сделать вдох. Он меняет положение своего большого тела и наблюдает за мной со своей особенной легкой улыбкой, опуская мою юбку вниз, и позволяя моему топику опуститься и прикрыть мое тело, расправляя мою одежду, когда шепчет мне на ухо: «Я хотел сделать это с тех пор, как ты ворвалась на мою вечеринку в «Айсберге».

Он дразнит меня. Теперь я научилась распознавать этот тон. Так что я дразню его в ответ.

— Друзья взяли меня на «слабо». Думаю, теперь я готова подтвердить, что встретила тебя, и ты, правда, оказался тем бессердечный ублюдком, которым тебя все считают.

— Кто это все?

— Твои бывшие.

— Я не завожу отношений.

— Как скажешь, значит, бывшие любовницы.

— На этот счет мне тоже есть, что сказать.

— Да неужели? И что же?

— Я невиновен? — улыбается он.

Я смеюсь. Я хочу поцеловать его, прижаться к нему в глубоком поцелуе и заняться с ним сексом. О, боже, я хочу доставить ему такое же удовольствие, какое он доставил мне сейчас, но что тогда?

— Ты получаешь удовольствие, забавляясь со мной?

— Вообще-то, я пытался доставить удовольствие леди, позволив ей позабавиться *со мной*.

Я игриво кладу руку ему на бедро.

— Ты переворачиваешь мой мир с ног на голову.

— Хотел бы я еще сильнее потрясти твой мир, — говорит он уверенно, и я смеюсь.

Он смотрит на меня. Его ухмылка, его глаза, весь он наполнен озорством и коварством. И грехом.

— Значит, потрясти до глубины души? И как ты себе это представляешь?

— Ты мне скажи, — он окидывает меня взглядом, сверху вниз.

— Я?! — восклицаю я. — Я-то здесь причем?

— Мне еще никогда не хотелось потрясти кого-то так, как я хочу это сделать с тобой.

Кажется, я только что разучилась дышать.

Сент наклоняется вперед на сидении и, вместо того, чтобы дразнить меня за мой шокированный вид, как я и ожидала, он говорит абсолютно серьезно.

— Ты должна кое-что знать обо мне, — он кладет свою теплую ладонь на мою щеку. — Я добиваюсь всего, чего захочу. Я ни в чем себе не отказываю. И я не отказываю тем, кто со мной. Я буду твоим, если ты хочешь меня.

Он замолкает, смотря на меня.

— Мы не подходим друг другу, — говорю я. — Я лишь хочу найти местечко, в котором было бы тепло и уютно, с хорошим видом и всем, что мне необходимо, а после я хочу там остаться и никуда не уходить. А ты никогда не стоишь на месте.

Его взгляд становится еще темнее, он не отвечает.

Потом он медленно проводит пальцем вниз по моей щеке, и в его глазах отражается какая-то нужда. Словно он хочет от меня чего-то, а может, и всего сразу. А может, дело в том, какими голодными кажутся его глаза.

— А я думаю, мы идеально подходим друг другу, — тихо произносит он, наконец-то.

Двери распахиваются, и мои друзья оказываются в комнате.

— И почему я сейчас ни капли не удивлена?

Вздыхая, я поднимаюсь на ноги, безрезультатно пытаюсь скрыть улики того, чем мы тут занимались: мои волосы спутались, пока я двигалась на сидении дивана, помада смазана, одежда помята. Я пылаю от румянца, а вот Малкольма мое смущение явно забавляет. Боже, должно быть, я поидиотски выгляжу — светлые волосы и ярко-красное лицо. Я разворачиваюсь к нему и предостерегающе указываю на него пальцем.

— И не думай, что тебе все сойдет в рук, я собираюсь дослушать ту историю до конца, — говорю я ему, стараясь успокоить Джину.

— Эй, сегодня ночью ты остаешься со мной, — говорит он в замешательстве.

Я стою там, смотря на него, когда Джина подхватывает меня под руку.

— Прости, — наконец отвечаю я, все еще сомневаясь. — Мне пора.

Поднимаясь, Сент поднимает свой пиджак, смотря на Джину, пока складывает его.

— Как насчет того, чтобы я отвез ее домой? — Как насчет «нет»? — ухмыляется она.

— Кстати, меня зовут Малкольм.



— Я уже видела тебя у нас дома, помнишь? А еще я видела твое лицо на каждом журнале в этом городе и, не смотря на то, что в жизни ты намного сексуальнее, у меня *абсолютный* иммунитет к твоим штучкам. Скажи Рейчел «пока».

Она берет меня за руку, а Малкольм говорит:

— Рейчел, ты хочешь провести эту ночь со мной?

Сейчас выражение его лица непроницаемо, но я улавливаю волны раздражения.

— Прости, нет. Через пару дней у меня ночевка в парке, так что мне стоит хорошенько отдохнуть. Пока, — говорю я неловко, отворачиваясь и чувствуя, как он смотрит мне вслед. Блин, твою ж мать, все прошло ужасно!

Прежде, чем Джина утягивает меня в один из длинных коридоров, я провожу ладонями по пылающим щекам.

— Ничего не было, — бормочу я, отвечая на немой вопрос в выражении её лица.

— Ладно, я собираюсь сказать это, — начинает Джина. — Сент — совсем не вариант. Это плохо и для работы, и для отношений, Сент даже худший выбор, чем Пол... и друзья у него придурки. Рейчел, тебе не нужно мне рассказывать, что произошло, я уже по тебе вижу, что ты попала на крючок. Ты сейчас как морковка.

— Что значит «как морковка»? Я *оранжевая*? — широко открыв глаза, психую я.

— Рейчел, ты пока этого не осознаешь, но у тебя нет ни единого шанса! А тот чувак, кажется, Тахо, определенно раздевал меня глазами, пока я пыталась выследить тебя за их столиком.

— Джина, я не краснею оранжевым цветом!

— Клянусь тебе, Тахо абсолютно точно положил на меня глаз, а мое сердце и так до сих пор не оправилось.

— Оранжевым? Должно быть, дело в освещении! Прошу, скажи, что ты имела в виду вишневый. Вишневый румянец еще куда ни шло, но долбаный оранжевый?

— Ты красная! Так лучше? Расслабься, Сент через пару дней и имя твое забудет, стоит ему только проснуться с четырьмя голыми фанатками.

Я открываю рот, чтобы ответить, но все, что могу сказать, пока меня отпускает мой пост-оргазменный экстаз, это «Если уж Сент не вариант, то что насчет Тахо? Я не хочу, чтобы он причинил тебе боль».

— Я ни одного из этих бабников не желаю видеть рядом с тобой. Мне уже не нравится это твое задание, — Джина сжимает мое плечо, требуя

ответа. — Скажи мне, что тебе не нравится Сент.

— Мне... — я не знаю, что сказать, не хочу причинять ей боль, не хочу врать, и сама не знаю, что делаю, поэтому говорю:

— Моим гормонам он вроде как нравится, — но когда она сердито сжимает губы, тут же добавляю:

— Немного.

— О, нет, — она мотает головой из стороны в сторону. — Нет, Рейчел.

\*\*\*

Без толку. Я кончила в клубе в его объятиях. Ворочаясь в постели этой ночью, я слышу его запах на своей коже. Я все еще слышу, как он приглашает меня быть с ним, пока я ищу свое безопасное место. Мне хочется узнать, каково это — лежать рядом с ним и чтобы ничего нас не разделяло. В голове у меня тысяча вопросов, а между ног я ощущаю ноющую боль. Больше всего мне хочется сейчас написать ему, что *сегодня я отлично провела вечер*. Но правда ли мне хватит смелости на подобный шаг? Возможно, если бы у него была иная репутация. Возможно, если бы он был обычным парнем. Возможно, если бы я не была так сосредоточена на работе, уделяя больше внимания ему самому. Возможно, в другой жизни.

\*\*\*

Понедельник, кажется, тянется целую вечность. Подъем. Кофе. Работа. Почта. Редактура вчерашнего наброска. Допрос Хелен о текущем положении дел. Приход Виктории с широко раскрытыми глазами.

— Сработало, не так ли? Я слышала, что Сент был замечен с платиновой блондинкой, сидящей у него на коленях!

— Шшш, — смеюсь я, и притягиваю ее ближе, а потом понимаю, что не хочу обсуждать с ней Сента. Иногда, когда я пишу, то не хочу говорить о своей теме — я защищаю ее и вынашиваю в своем сердце, пока не подберу нужный подход и уже тогда изливаю все в статью.

С этим мужчиной все иначе. Я вообще не желаю им делиться. Даже с друзьями. Не понимаю, почему мне хочется заключить нас в непроницаемый пузырь, где никто не сможет высказать нам свое мнение или отобрать его. Ни его фанатки, ни его образ жизни, ни даже мои друзья.

— Да, мне посчастливилось, но ничего не было. Ты знаешь этих парней, они только заигрывают.

— Ну что ж, значит, старательнее заигрывай в ответ, — Виктория подмигивает и идет дальше.

Черт. Застонав, я опускаю голову на стол, когда ко мне подходит Валентайн, и похоже, с тем же интересом.

— Платиновая блондинка? Люди на его страницах в соц. сетях задают вопросы. Мне известна только одна платиновая блондинка... так что колись, платиновая блондинка. Кстати, не окажусь от парочки советов касательно моего сегодняшнего свидания.

— Валентайн, у тебя свидание? Ну надо же, любовь витает в воздухе. Мальчик или девочка?

— Женщина. Я веду ее в китайский ресторан с жирной и вредной пищей, и хочу убедиться, что она готова запачкать руки. Ненавижу ужинать этими палочками. Вот почему ужин с мужчиной настолько сексуальнее. Ничто так меня не заводит, как хороший аппетит.

Я продолжаю лазать по интернету, выискивая информацию.

— Ты знал, что пингвины моногамны? — спрашиваю я.

— Да, я однажды пытался подкатить к одному, и был отвергнут. Видишь ли, я не собираюсь и дальше следовать традиционным правилам свиданий, и тебе не следует. Ах да, погоди, ты же не ходишь на свидания. Не так ли?

Я ухмыляюсь.

— Лишь потому, что я не дала тебе шанса, не значит, что я закрыта для предложений.

— Вот! Ты И ПРАВДА встречаешься с ним.

— НЕТ! НЕТ! Только... прошу, молчи. Тебе надо пойти и... помедитировать. За своим столом. Кыш!

Я весь день отвечаю на вопросы, притворяясь, что прошлая ночь не перевернула всю мою жизнь.

## Глава 17

### НОЧЬ

В это воскресенье, очередная ночевка в парке, а я все еще думаю о произошедшем в клубе, пока изучаю новые ссылки о Сенте на телефоне. Странно. Последнее время он довольно редко посещает светские мероприятия. Мне не удастся найти ничего о каких-либо крупных вечеринках со времен той афтепати, на которую меня не пустили.

Краем глаза я замечаю, как где-то пятеро парней ходят туда и обратно по парку, устанавливая то, что я бы назвала самой здоровенной палаткой из всех, что видела в жизни. Окружающие сидят на своих спальных мешках, перекусывая орешками, ягодами или зефиром. Я поворачиваюсь, чтобы еще раз взглянуть на чертовски здоровую палатку, гадая, что же здесь происходит.

— Эй, ты не знаешь, чья эта палатка? — спрашиваю я сидящую рядом девушку (ее зовут Рио, она часто приходит на наши ночевки, а сейчас занята раскладыванием своих вещей рядом со спальником).

Она оборачивается, чтобы посмотреть на здоровенную палатку, стоящую на границе территории нашего кемпинга, после чего пожимает плечами.

— Понятия не имею, но, кто бы в ней не жил, он, кажется, желает привлечь к себе внимание.

Я хихикаю и возвращаюсь к своему спальному мешку. Спустя десять минут те парни больше не возвращаются, так что, думаю, палатка готова.

Я кладу свой спальный мешок рядом с мешком Рио. Солнце садится, и все укладываются. Решая, что мне необходимо отключиться от окружающего шума и расслабиться, чтобы собраться с духом для последующей охоты на сами-знаете-кого в выходные, я достаю наушники и слушаю музыку, лежа на спине и смотря на последние лучи заходящего солнца, пробивающиеся через листья деревьев. Редкие порывы ветра обдувают мою кожу, играя с волосами.

Глубоко дыша, я наслаждаюсь ощущением травы под своим истонченным спальным мешком. Он у меня уже долгие годы. Я взяла его с собой на первую ночевку, когда училась в седьмом классе, и с тех пор носила на все ночевки нашего лагеря, так что, спустя годы, он утратил

свою мягкость, но я отказываюсь его выбрасывать.

Рио толкает меня в бок, и я приподнимаюсь, забирая предложенные зефирки из ее руки, когда на заднем плане замечаю темную фигуру. Повернувшись, я вижу, как Малкольм Сент выходит из своей машины со спортивной сумкой на плече. Кажется, мое сердце сейчас выскочит из груди. Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на Рио и вижу, что все, перешептываясь, смотрят на Малкольма. Ну, отлично.

Рио продолжает глазеть.

— Вот уж неожиданный приятный бонус к нашей ночевке.

Сглотнув, я сосредотачиваюсь на пережевывании дурацкой зефирки во рту.

Малкольм идет к себе в палатку, восхищаясь работой парней, установивших ее, и кладет сумку на землю. Он разглядывает окружающих, выискивая кого-то, и мое сердце пропускает удар. Все стараются вести себя, будто ничего не происходит, но я чувствую, что все их внимание сосредоточено на высоком (выше метра восьмидесяти) мужчине в черных брюках и белой рубашке, стоящим рядом с огромной палаткой, в которой бы запросто расположились десять человек. Как и у Рио, на их лицах изумление, они строят предположения, пытаюсь угадать, кто же он такой.

Молодая рыжеватая блондинка спотыкается на ровном месте.

— Сент? Что ты здесь делаешь? — спрашивает она, и ее грудь вздымается слишком часто.

Сент смотрит на нее. Кажется, он пытается вспомнить, кто она такая, когда она продолжает.

— Тэмми! — говорит она ему, почти хихикая, готовая взорваться. — Тэмми с вечеринки в «Айсберге», помнишь? Ты там был со своими друзьями, я со своими...

— Да, точно, — бормочет он безразлично, после чего обыденно машет ей рукой, прощаясь. — Рад был тебя видеть, Тэмми.

Он уходит, оставляя ее тяжело вздыхать ему в спину, и направляется прямо ко мне. О, боже. Когда он успел меня заметить?

Я еле слышно говорю «Сейчас вернусь», обращаясь к Рио, а может к себе самой, после чего перекидываю ремешок от сумки через плечо, встаю и отряхиваюсь. Я чувствую на себе взгляды, наблюдающие, как я направляюсь к Малкольму и его здоровенной палатке.

Я слышу, как трава и листья хрустят у меня под ногами, пока мы идем навстречу друг к другу. Он улыбается мне, и я снова чувствую, как заливаюсь румянцем.

— Кажется, ты немного не вписываешься, Сент, — смеюсь я. Он

непринужденно выглядит в своем черном костюме, черные брюки отлично смотрятся на его длинных ногах, а белая рубашка идеально подчеркивает его загар.

Он ухмыляется, осматривая меня с ног до головы.

— Я искал тебя.

— Как ты узнал, что я буду здесь? — спрашиваю я.

И тут же вспоминаю, что говорила об это в «Туннеле». На сердце теплеет при мысли, что он пришел сюда за мной. *Но почему?*

Я указываю на палатку.

— Неплохой домик ты там возвел.

Он смеется.

— Домик?

— Ну да, там поместится сколько? Человек десять?

— В моих планах всего двое, — говорит он низким голосом.

Я удивленно поднимаю брови.

— Двое?

— Да, — он добавляет: — ты и я.

Я забываю, как дышать.

— Ээ, мы с Рио спим рядом под дубом, — я указываю на наши спальные мешки.

Он хмурится.

— А где твоя палатка?

— У меня ее нет, спальник — это все, что мне нужно.

Он смотрит на меня, как на сумасшедшую.

Я смеюсь.

— Тебе всегда нужно оказываться в центре внимания? Ты же знаешь, что здесь все спят в простых спальных мешках, так же, как я?

— Мне плевать на всех остальных, я забочусь только о тебе, — он смотрит на меня сверху вниз своими убийственными зелеными глазами. — Поэтому ты спишь в моей палатке.

Прежде, чем я могу возразить, Сент берет меня за руку и ведет к палатке.

— погоди, мне нужно забрать мой спальный мешок.

— Он тебе не понадобится, я купил новый, — бросает он через плечо, продолжая вести меня к палатке.

Оказавшись внутри, я понимаю, что она рассчитана не на десятерых, нет — здесь легко бы уместились двадцать человек. Высота палатки около двух метров. Хотя, может, и ниже, потому что Малкольму приходится немного наклоняться, чтобы уместиться. Внутри на земле уже лежит

огромный спальный мешок, который мне лично больше напоминает матрас.

Не могу сдержать смех.

— Что? — он улыбается и выглядит очаровательно, вызывая у меня новый приступ хохота.

— Нет-нет, ничего.

Я сажусь на этот матрас тире спальник и хлопаю по нему, приглашая Малкольма сесть рядом. Он садится, находясь теперь так близко, что я чувствую тепло его большого тела. Он не прикасается ко мне, но его рука находится рядом с моей. Краем глаза я вижу его профиль — волевой подбородок, чертовски сексуальные губы и длинные черные ресницы. Он такой красивый. Не представляю, как это вообще биологически возможно — выглядеть столь прекрасно.

Я задумываюсь о той рыжеватой блондинке. О ее длинных ногах.

Ее губах.

Ее груди.

И о том, спал ли он с ней или нет.

— Спорю, она была отличной партнершей.

Он смотрит на меня с блеском в глазах.

— Джентльмены о таком не болтают.

— А ты, значит, джентльмен?

— Безусловно.

Боже, он снова меня дразнит.

Я, словно натянутый нерв, трепещущий от желания и наваждения.

Мою голову заполняют мысли. Мысли о его поцелуях. Я читала об этом, оказывается, довольно популярная тема в сети. Мысли о его похождениях. Днем, утром и ночью, иногда по четыре девушки за один день. А почему бы и нет? Сексуальная энергия течет по его венам. Его тело вибрирует, переполненное ею.

— А правда, что ты спишь не более, чем с четырьмя женщинами за раз, потому что твое любимое число «четыре»?

— А еще я ем младенцев.

— Малкольм! Я серьезно.

— Ты тратишь всю свою энергию на мысли обо мне?

Я смущенно моргаю.

— Этим ты занимаешься?

— Нет, — говорю я. — На самом деле, я выбиваюсь из сил уже после двух минут, пытаюсь разгадать тебя.

— Не пытайся разгадать меня, — заботливо подсказывает он.

Я открываю упаковку зефирок. Повернувшись, я нахожу его лежащим на спине, он приподнялся на локте и с любопытством наблюдает за мной.

Я достаю одну зефирку и кладу ему в ладонь. Еще одну кладу себе в рот.

— Они здесь для еды? — игриво спрашиваю я. Сент смеется, потому что мой голос звучит невнятно из-за гигантской зефирки у меня во рту. Я тоже смеюсь, а он закидывает себе в рот зефир, который я ему дала.

Его губы. Его рот...

Возбуждение проносится сквозь меня, как скоростной поезд, и я стараюсь думать о чем угодно, но не о том, насколько он близко.

Голоса снаружи все тише и уже потемнело. Ветер шелестит листьями деревьев, и я зеваю.

— Ты устала?

Я ложусь на свою сторону матраса, лицом к Малкольму, который смотрит на меня с неопишуемым выражением в глазах, пока ждет моего ответа.

— Да... думаю, мне пора спать, — я осматриваю палатку, потом возвращаюсь к нему взглядом.

Кладу в рот еще одну зефирку.

Теперь я должна надеть свою пижаму? Стоит мне просто забраться в спальный мешок и уснуть? Что, если он еще не хочет спать?

Все мои вопросы исчезают, когда Малкольм расстегивает свою рубашку и отбрасывает ее в сторону.

В следующую секунду перед моими глазами только загорелая, накаченная грудь и упругий пресс с шестью кубиками.

Он сбрасывает туфли, но остается в брюках. Мышцы на спине напрягаются, когда он отворачивается и забирается в спальный мешок. Ночь и так жаркая, а от вида обнаженного по пояс Малкольма Сента я словно оказываюсь в бане.

Он указывает на спальник, желая, чтобы я к нему присоединилась. Поняв это, мое сердце начинает колотиться в три раза быстрее, и я чувствую, как внутри все сжимается от волнения. А может от страха. Или от предвкушения. Но чего я еще ожидала, когда он сказал, что эта палатка для нас двоих? Сама не знаю. Все, что я знаю — я будто следующая на очереди на головокружительные американские горки, и я хочу прокатиться, я ждала этого, но теперь не могу пошевелиться. Мне хочется постоять в очереди еще немного. Только вот эти самые американские горки лежат, устроившись с руками за головой, и смотрят на меня таким хищным взглядом, что я чувствую выброс адреналина.



Глубоко дыша, я иду к своей сумке, развязываю лямку платья на шее и медленно его снимаю, оставаясь в одних трусиках и лифчике. Я наклоняюсь к своей сумке и надеваю свою большую хлопковую футболку для сна. Малкольм все еще смотрит на меня, приглашая меня к себе в спальный мешок. Я иду босиком к нему, чувствуя, как приминается трава под полом палатки.

Откинув край спальника, я залезаю внутрь, удостоверившись, что между нами остается некоторое пространство, не желая выглядеть настойчивой. Устроившись в на удивление удобном спальном мешке, я смотрю на потолок. Снаружи доносятся тихие голоса. Слышны сверчки. Ветер, шуршащий в листве. И я чувствую тело Малкольма рядом со своим. Его жар. Запах его одеколona. Я не решаюсь взглянуть на него, зная, что в этом случае может случиться все, что угодно. Мы окружены парой десятков людей, но внутри нашей палатки, нашего маленького пузыря, только я и он. И больше никого. И это пугает меня до чертиков.

И в этот момент я чувствую, как Малкольм сдвигается, проводит рукой по моему животу, талии, притягивая меня к себе, пока спиной я не касаюсь его груди.

*С ума сойти, я обнимаю его. Ну или он меня. С ума сойти.*

Я сосредотачиваюсь на дыхании. Мой затылок у него под подбородком, и я чувствую движение его груди во время дыхания. Жар его тела ощущается даже сквозь мою футболку, он согревает мой живот и спину. Лицо Сента находится так близко что, если я повернусь, то наши губы соприкоснутся.

Нервничая, я накрываю его руку своей, и он переплетает наши пальцы.

Все, что я могу слышать, это звук бьющегося в моей груди сердца и пульс, гулом отдающийся в ушах. Рядом с ним я теряю над собой контроль. Сент заставляет меня испытывать тысячи различных ощущений, так что я, набравшись храбрости, прижимаюсь еще чуточку ближе к нему, говоря себе, что в желании тепла нет ничего плохого. И плевать, что здесь не так уж и холодно. Он утыкается носом в мои волосы, сжимая меня сильнее, после чего легонько целует меня в макушку. Ощущения, когда он это делает, просто невероятные. Я чувствую бабочек в животе и ком в горле. Я хочу повернуться и обнять его, я хочу поцеловать его, потому что прикосновения его мощной груди к моей коже сводят меня с ума. Он окутал меня со всех сторон, обняв своими большими, сильными, теплыми руками. Я чувствую себя в большей безопасности, чем когда-либо.

Услышав голоса снаружи, я открываю глаза. Я слышу шорох, смех, а солнце пробивается сквозь крышу палатки.

Крыша *палатки*.

Крыша палатки Малкольма Сента.

Малкольма Сента, который в данный момент лежит подо мной.

ОБАЛДЕЕЕЕТЬ.

Моя рука у него на груди, а головой я опираюсь на его плечо.

Одну ногу я забросила на него, и теперь чувствую её между его ногами.

Как я только умудрилась? Черт побери.

Следующее, что я замечаю — он ощущается таким мускулистым.

Ладно.

Мое сердце бьется так быстро, что, кажется, сейчас вырвется из груди.

Я начинаю отодвигаться от Малкольма, и чувствую, как он шевельнулся, крепче обнимая меня. Он тихонько вздыхает, и я чувствую, как он опускает руку немного ниже.

Я стараюсь отодвинуться еще немного дальше, а он опускает руки, проводя ими до моих ягодиц. У него огромная ладонь, она полностью накрывает мою ягодицу. Я пытаюсь сдержать панику (и некоторые другие эмоции, вскипающие внутри), когда мне удастся перевернуться на спину. Малкольм опять сдвигается. Он прижимает меня к себе. Этот негодяй ведь не спит!

В результате его лицо оказывается у меня между грудями.

— Малкольм! — полукричу, полушепчу я.

Он молчит.

— Малкольм, клянусь богом, кто-то может в любую минуту зайти внутрь, убери свое лицо от моей груди!

На это Сент смеется, поднимает голову и смотрит на меня.

У меня перехватывает дыхание. Он выглядит бесподобно. Сонные глаза, волосы, примятые постелью, а тело такое притягательно теплое, пока он обнимает меня. Я чувствую, как что-то сжимается у меня внизу живота. Он опять опускает голову вниз.

— Не злись на меня, — шепчет он мне в шею. Утром его голос звучит еще ниже. Я сдерживаю стон, потому что мой гнев испарился в ту же секунду, как он открыл глаза и улыбнулся мне.

Я не отвечаю, зная, что мой голос меня выдаст.

Он снова смотрит вверх на меня. Я хмурюсь, стараясь изобразить сердитый взгляд, но не думаю, что у меня получается, потому что он усмехается и опускает голову обратно мне на грудь, продолжая двигаться ниже. Он целует меня в живот, а затем, поднявшись, целует меня в шею.

— Ты злишься на меня? — вновь спрашивает он.

Я даже не могу сосредоточиться на его вопросе.

— Что?

Он целует меня в мое плечо, поднимает мою руку и оставляет поцелуй на внутренней стороне запястья. Он держит мою руку, играя с моими пальцами.

— Ты злишься на меня? — дразнится он, заправляя мне волосы за ухо движением, которое неожиданно расплывает меня.

— Да, я злюсь. Я злюсь, потому что... Что ты делаешь? Я не могу спать с тобой.

Он смеется.

— Сент, я не могу спать с тобой. И не стану.

Его взгляд становится хищным, пока он проводит пальцем вверх по моей руке.

— Станешь, Рейчел, — обещает он.

— Не стану, — обещаю я в ответ.

Он уже не улыбается, и молчит. Сент изучает меня, и я почти слышу, как шестеренки движутся у него в голове, пока он раздумывает, как преодолеть мои стены.

— В твоей жизни есть другой мужчина?

— Нет!

— Тогда я не вижу проблемы.

— Проблема заключается в этом, — я указываю пальцем на вход в палатку, — в Тэмми... и всех твоих фанатках. Я не хочу быть одной из них!

— Так не будь одной из них, — шепчет он мне на ухо.

\*\*\*

После того, как он предложил подвезти меня домой, чтобы я могла переодеться перед работой, мы больше не дразним друг друга.

— Иди ко мне, позволь поцеловать тебя, — просит он со своего кресла, сидя напротив меня в «роллсе». Я чувствую себя такой беззащитной и обнаженной. Он знает, что я хочу его, и по его взгляду я вижу, что он не отступится, пока не добьется меня. Я вздрагиваю. —

Рейчел, — говорит он, когда мы подъезжаем к моему дому.

— Мы не можем продолжать в том же духе.

— Рейчел, я пойду на все, чтобы ты оказалась в моей постели, — говорит он, и его взгляд такой сексуальный и голодный.

Мое тело откликается, и требуется вся моя сила воли, чтобы не забраться к нему на колени, обхватить его и позволить ему целовать себя до потери сознания, как он это может.

— Спасибо, Сент, — тихо говорю я, когда машина останавливается перед моим домом.

— Малкольм, — говорит он, когда я выхожу.

Я останавливаюсь и смотрю на него. Желая снова поцеловать его, я сдаюсь и шепчу:

— Малкольм.

Он смотрит на мои губы так, будто точно собирается меня поцеловать. Будто услышать свое имя, произнесенное мною, для него равносильно нежным ласкам... возможно, где-то в районе его прекрасного, идеально члена. Божемой, о чем я только думаю?

Я разворачиваюсь и торопливо поднимаюсь вверх по ступенькам.

\*\*\*

В четверг он приглашает меня на ужин.

Мое сердце колотится и скачет (*«он хочет тебя, Рейчел, он настойчиво тебя добивается»*), но мозг пресекает эти нелепости. Мне нельзя рисковать и попадаться на глаза журналистам, тогда они разоблачат мои истинные намерения. А еще я боюсь встречаться с ним не по работе. Достаточно вспомнить, что случилось в прошлый раз.

Я отвечаю, что занята и он пишет «ОК.»

Интересно, он и правда так спокойно воспринял мой отказ, или скрывает разочарование. Лично моя сексуальная неудовлетворенность стала настолько невыносимой, что я упростила девчонок пойти вечером в наш любимый японский ресторан, так как правда, нуждаюсь в женской терапии. Отвлечении. Мне нужно перестать думать о нем.

Но, похоже, они обе узнали из слухов, разлетевшихся по интернету, что Сент был на ночевке кампании «Конец насилию», и не могут поверить, что он, и вправду, отправился туда за мной после единственного упоминания об этой программе, пока мы были в клубе.

— Ладно, давай проясним. Этот парень, плейбой, который вовсе тебя

не знает, добровольно согласился на то, чего так усердно избегаем мы с Уинн? — спрашивает Джина.

— Не говори глупостей. Вы ходили со мной, когда мы расписывали стены. Вы меня очень поддерживаете.

— Он хочет перепихнуться, а это мощный мотиватор. С другой стороны, нам с Уинн от тебя не нужно ничего, кроме дружбы.

— Думаешь, он этого хочет? Такие, как он, могут получить это, где пожелают. Его тело просто создано для секса, — я краснею. — Уверена, он и так с кем-то спит.

— Тогда отправляйся гулять, напейся, повеселись, и тоже с кем-нибудь переспи, — говорит Джина.

Я вздыхаю, не выспавшаяся и уставшая.

— Я не в том настроении.

— Парочка коктейлей это исправит.

— Ты обеспокоена тем, что он тебе нравится? — спрашивает Уинн.

— Нет. Мы не состоим в отношениях, меня беспокоит то, что Сент не просто сердцеед. На самом деле, он довольно классный.

— Это та еще нервотрепка, но так волнительно, не зная, о чем он думает, когда вы только в начале отношений, — говорит Уинн.

— О, поверь мне, единственное, о чем он думает, это о своем члене в твоём рте, — отвечает Джина.

— Когда ты говоришь, что обеспокоена, — продолжает Уинн, — ты имеешь в виду, что тебя тревожит его заинтересованность в тебе или то, что ты можешь быть не настолько сильна, как думала, чтобы устоять?

— Я достаточно сильная. Иначе тем вечером я могла бы просто сорвать с него одежду и взять силой.

— Рейч! — хмурится Уинн. — То, что ты физически отталкиваешь его и отрицаешь свои чувства, делает тебя более одержимой. Просто трахни парня, и прочисти голову для написания статьи. Он продолжит жить своей жизнью, предоставив тебе при этом достаточно информации к размышлению.

— Это правда, — соглашаюсь я.

— А ты станешь мыслить яснее.

Мысль о сексе с Малкольмом повергает меня в панику.

— Мне кажется, это опасная дорожка.

— Это самоубийство. Мне это не нравится, — говорит Джина.

— Намного опаснее продолжать оттягивать неизбежное. Просто сделай это и закончи статью, — говорит Уинн.

Секс с Малкольмом. Я все сильнее закливаюсь на этом.

Такой подход сейчас у Джинны — просто секс без обязательств. Странно, как обстоятельства, на которых обожглись люди, что меня окружают (вроде Джинны), могут иметь такое сильное влияние на мою личную жизнь. Но так и есть. Всю свою жизнь я старалась держаться подальше от мужчин.

А теперь я решаю переспать с Сентом?

Серьезно?

Это словно проснуться и обнаружить, что падаешь в самую глубокую в мире бездну.

У меня есть задание, я хочу его выполнить, и я не планировала спать с Сентом, чтобы узнать, что им движет.

Моя жизнь крутилась вокруг учебы, работы, моей мамы, отличной должности, Джинны и Уинн. Мы с девчонками дружим со школы, все старшие классы, наша дружба пережила даже годы в университете, когда уехала Уинн. Каждое рождество, день благодарения и каждое лето мы встречались и были вместе.

Мы все пережили ситуацию с Полом. Он был таким милым и так влюблен в Джину. Я мечтала встретить своего Пола. Мы с Уинн искали такого парня. Пока он не сделал то, что сделал, причинив ей страшную боль, не просто разбив ей сердце, а мы приложили все силы, чтобы помочь ей пройти через все. Уинн смогла жить дальше, она все еще верит, что хорошие парни существуют (такие, как Эммет). Во мне, с другой стороны, развился страх влюбиться в парня, заставивший меня избегать чувств и страданий любой ценой. В каком-то смысле, из-за этого я избегала и секса, сосредоточившись на работе.

Нам с Джинной нравятся парни, мы просто не подпускаем их достаточно близко, чтобы навредить нам. Мы считаем, что нам повезло узнать, каково это бывает. Мы причисляем себя к узкому кругу умных женщин, которые не дают себя в обиду. Ведь так?

Согласна, когда Эммет доказывает, что мы не правы, и Уинн приходит на бранч, вся такая раскрасневшаяся и взволнованная, это немного угнетает. Но все, что требуется, чтобы напомнить, насколько мы правы, это очередная ложь от парня вроде Пола, и наши убеждения крепнут с новой силой. Наши карьеры, наши мамы и наши друзья — все, что имеет значение.

Теперь же я не так уверена.

Теперь я целыми днями анализирую Сента. Может, я выбрала неправильную профессию. Мне стоило стать химиком. Врачом. Потому что я продолжаю задаваться вопросом, почему он так меня притягивает. Я все

еще хочу отключить голову, отдаться ему, наблюдать, как он бросит меня, а потом написать об этом.

— Рейчел ушла в себя, думаю, выстраивает план, — обеспокоено говорит Джина.

Вздыхнув, я качаю головой.

— Не спи с ним, Рейчел, только не с ним, — шепчет Джина.

Я смотрю на нее и киваю.

Когда настолько близко дружишь с кем-то, как я с Уинн и Джиной, то полон решительности привести в порядок их жизни. Как Джина и Уинн намерены сейчас исправить мою жизнь. А если не выйдет, они, кажется, готовы свести меня с парнем.

— Ладно, пускай не с ним. У меня есть один на примете. Он двоюродный брат Эммета, и все при нем, — настаивает Уинн. — Причина, по которой тебя сейчас так тянет к Сенту в том...

— В том, что он — Сент, — ворчит Джина.

— Ну да, это тоже, — соглашается Уинн. — Но ты слишком долго была сосредоточена на работе. Нельзя впадать в крайности, ни в диете, ни в сексе и воздержании.

— Девчонки, остановитесь. Я не хочу идти на свидание, ладно? Я хочу наладить свою карьеру прежде, чем позволю какому-то парню вскружить себе голову... Слушайте, *не волнуйтесь*, — уверяю я их. — С этого момента, для меня это просто работа, пока я не закончу статью, — обещаю я.

Я представляю себе рядом его тело, его плоть скользит в меня, чувствую его губы на своих, он стонет от удовольствия, и мечтаю о том, чтобы все было иначе, чтобы я, правда, могла быть с ним. Но то, что есть сейчас, эта статья — это все, что я могу допустить. Да?

Он не тот мужчина, который подпустит ближе, а я не та женщина, которая готова изменить всю свою жизнь ради безумной мечты о любви. Но что, если одну ночь, одну лишь ночь, я проведу с ним?

## Глава 18

# ПОВОРОТ

Позже, в этот же день, я лихорадочно, до полуночи выискиваю информацию. Теперь кажется крайне важным написать это разоблачение так быстро, как это только возможно, ведь (несмотря на то, в чем я завершила своих друзей) я боюсь, что во мне развилась своего рода привязанность к Сенту.

Я восхищаюсь его фотографиями в интернете

Какого черта?

Я задерживаюсь на еще одном видео с его отцом на YouTube. Сента нет на этом видео, но его отец разглагольствует о сыне на камеру: «Ему везет в делах, он прозорлив и владеет материнским наследством, но мой сын не представляет, какой ответственности требует управление миллионной компанией».

— Что ж, он доказал, что ты ошибаешься, не так ли? — ворчу я в ответ на слова мужчины.

У него привлекательная внешность, ему где-то пятьдесят пять лет. Они с Малкольмом совсем не похожи, разве что оба крупные и сильные. Это телосложение досталось Малкольму от отца, но красоту и ослепительную улыбку он унаследовал от матери.

Читая о ней и ее смерти, я узнаю несколько вещей. Кэтрин Г. Улисс, одна из ассистенток Малкольма (та, что, по моему твердому убеждению, влюблена в него), кажется, была на похоронах, рядом с молодым Малкольмом, что подтверждает — она уже давно его знает. Кроме этого, я нахожу кое-что занятное, касательно его матери. Мать Сента — Джульетта, похоже очень любила животных, и каждый год делала крупные пожертвования группам активистов. В день, когда Сент спас Розу, была очередная годовщина смерти его матери (я просматриваю хроники, и узнаю, что каждый год с тех пор, как она умерла, Сент спасал или брал под опеку одно животное). Каждый год он навещает ее могилу (его машины были замечены на кладбище в это время).

У меня сжимается сердце. Я видела его в тот день, и возможно ему было так же больно, как мне каждый раз в годовщину смерти папы. Я вспоминаю, что мы тогда подвезли Сента к зданию «М4», где уже ждала



его машина, я и подумать не могла, что он направляется на кладбище, но мне бы хотелось тогда об этом знать. Мне хочется знать, что на уме у этого мужчины. Я могла бы быть с ним этой ночью. Я могла бы позволить ему пригласить меня на какое-нибудь пафосное мероприятие, а потом... *что потом, Рейчел? Потом совершила бы самый беспечный поступок, переспав с ним, несмотря на то, какая важная статья сейчас на кону?*

Отчаявшись найти решение, я продолжаю кликать по ссылкам, особенно по тем, где упоминаются его родители.

Джина ест хлопья, стараясь не обсуждать сказанное за коктейлями, и все еще молчит, когда в дверь стучат, и все, что я слышу, после того, как она идет открыть, это слова «...квартира ЗС... мертва...»

Кровь стынет в жилах, пока я смотрю, как Джина захлопывает дверь, закрывает лицо руками и плачет.

— Джина! — зову я, потрясенно.

— Мисс Шеппард, — с трудом произносит она.

Перед глазами стоит ее образ, как, совсем недавно, она улыбалась, выгуливая своих питомцев. Через мгновение мое лицо становится мокрым от слез. Эта ситуация, этот страх огромной неожиданной потери преследует меня всю мою жизнь. Он появился после смерти отца, страх, который я не сразу смогла осознать. Чувство полнейшей незащитности. Чувство быстротечности, когда твой мир не останавливается ни на секунду, не позволяя тебе возвести барьеры и подготовиться к тому, что грядет.

Оказывается, Линдси Шеппард, наша соседка несколькими этажами ниже, была насмерть застрелена всего час назад группой молодых людей, проезжающих на автомобиле.

Мисс Шеппард погибла, не доехав до больницы.

Мы с Джиной настолько шокированы этим, что десять минут не можем перестать плакать навзрыд, обнимая друг друга, потом мы включаем телевизор и смотрим новости. Я всхлипываю, она всхлипывает, мы обе всхлипываем. Я звоню маме и спрашиваю, все ли у нее в порядке. Она спрашивает, в порядке ли я. Соврав, я говорю ей, что у меня все хорошо.

— Клянусь, я умру от счастья в тот день, когда больше не увижу все это в новостях, — устало вздохнув, Джина хватается за пульт и выключает телевизор. Открыв мой ноутбук, она устраивается рядом со мной, чтобы посмотреть онлайн новости.

Мы находим только ту информацию, которую уже видели по ТВ, так что Джина сдается и бредет на кухню.

Мне пришла куча новых оповещений с Google, которые я установила на ключевое слово «*Малкольм Сент*». Поддавшись импульсу, я кликаю на

некоторые из них и попадаю на страницы с популярными новостями и блог со сплетнями. Я просматриваю заголовки, события дня и включаю видео. После пятнадцатисекундной рекламы на экране появляется лицо Сента, и ноющая боль начинает медленно нарастать у меня в груди, пока в видео проигрываются его фотографии. Вот он в черном костюме, черном галстуке, темные волосы зачесаны назад, он идет сквозь толпу людей. Он выглядит недоступным и отстраненным.

Очевидно, нарезка сегодняшняя, с деловой встречи, на которой он присутствовал этим вечером. *«Примечательно, что известный бизнесмен был один»,* — говорит голос, комментирующий видео. *«Слухи о том, действительно ли он состоит в своих первых серьезных отношениях с юной журналисткой, захлестнули сеть...»*

— Может, он и был один на этой встрече, но сейчас-то он точно не один, — говорит Джина, наливая воду и выпивая одну из своих таблеток снотворного.

С тех пор, как мое небольшое увлечение переросло в серьезную романтическую привязанность, от ее замечаний я чувствую себя паршиво. А после случившегося сегодня с мисс Шеппард, я окончательно расклеилась.

— Не уходииии, — ною я, хватая ее за руку, когда она направляется в постель. — Джина, останься, я не смогу уснуть.

— О, бедняжечка, — она гладит меня по голове и говорит «спокойной ночи».

Продолжая тихонько всхлипывать, я пытаюсь вспомнить, когда последний раз видела мисс Шеппард. Я уходила, собираясь на экскурсию по офису Interface. Она выгуливала своего пса... и была, как всегда, добра ко мне. Мне жалко ее пса и кота. Мне жаль весь мир, который потерял мисс Шеппард.

После этого я возвращаюсь к новостям, и узнаю, что «М4» замахнулся на фармацевтическую продукцию.

Я осознаю, что он — сексуальный сорвиголова, а я лишь ищущий безопасности запуганный трудологик, я не умею скрывать свои чувства, отчего всегда уязвима. *«Когда ты выйдешь из своей коробки, я буду ждать».*

Ох, Рейчел, что же ты делаешь?

Я бегу в ванную, лезу в душ, заколов волосы, чтобы они не промокли. Вина — такое переменчивое чувство. Я всегда чувствую вину, когда кто-то погибает вот так. Вину за то, что не сделала большего, вину за то, что все еще жива. Мы выработали столько защитных механизмов, чтобы

справиться с виной. Гнев, отрицание, слезы, но я всегда предпочитала действия. Многие из поступков в своей жизни я совершала, чтобы побороть свои страхи и заглушить боль.

Я никогда и ни за что не могла представить, что они приведут меня к этому мужчине. Особенно к этому мужчине. Я выбираю белье с мыслью о нем. Белое, потому что знаю, что он опытен, но я — нет.. и я хочу, чтобы он был бережным. Мое платье? Тоже для него. Как и мои черные лодочки. Черт, он в каждом моем вздохе. Я быстро и усердно расчесываю волосы, пока они не ложатся блестящими волнами на спину, и, схватив свои ключи с туалетного столика, я смотрю на свое отражение в зеркале, удивляясь, кто эта изголодавшаяся по сексу, отчаянная ненормальная, смотрящая на меня в ответ.

Я слышала, что у Сента несколько квартир в Чикаго, но я точно знаю, что одну он чаще всего использует в последнее время — огромный пентхаус на верхнем этаже многомиллионного сверкающего небоскреба, с видом на озеро Мичиган и Мичиган-Авеню. Я оставляю Джине записку, предупреждающую о моем уходе, просто на случай, если она проснется и будет беспокоиться, после чего выхожу в коридор и спускаюсь вниз к такси.

«Рейчел, он может все еще быть на мероприятии по сбору средств», — попрекаю я саму себя. — «А может быть, он уже едет куда-то, и он не один».

Но ничего из того, что я могу сказать, не изменит моих планов, пока я сажусь в такси. Я чувствую себя на конце резинки, натянутой до предела, и теперь я лечу, не зная, где приземлюсь.

Я просто хочу его увидеть.

Я говорю себе, что это все, чего я хочу.

Я не пьяна.

Я полностью владею своими чувствами, но, в то же время, потеряла над ними контроль.

С заднего сидения такси я всматриваюсь в мелькающие высотки, блестящие окна, оживленные улицы, а затем (почувствовав уже хорошо знакомый узел внутри, связанный со всем, что касается Сента), появляется роскошная высотка, где, предположительно, живет Сент, пока в его более крутой квартире ремонт.

Под тревожный аккомпанемент моих цокающих на идеально чистом полу каблучков, я пересекаю холл.

— Привет, — я приближаюсь к консьержу, размышляя, что сделает Сент, когда увидит меня здесь. — Рейчел Ливингстон к мистеру Сенту. Он

меня не ожидает.

Заверив меня, что нет причин для беспокойства, он тут же набирает номер.

Судя по тому, как быстро он сориентировался, я предполагаю, что подобное случается часто.

Известив о моем приходе, он объясняет: «Прошу вас, прямо на верхний этаж». Мужчина из обслуживающего персонала в лифте вставляет ключ (думаю, чтобы открыть доступ лифту на верхний этаж), после чего выходит из кабины, отправляя меня наверх.

Так-так, что же я делаю?

*Прошу, боже, сделай так, чтобы там не было одной из его фанаток...*

*Или пускай он будет с фанаткой, чтобы я могла просто вернуться домой и забыть, что вообще хотела этого...*

*Или, если это слишком плохая идея, позволь лифту застрять здесь, пока ко мне не вернется способность ясно мыслить, и я больше не вернусь сюда, после пережитого страха и клаустрофобии...*

Когда двери лифта распахиваются прямо в его квартиру, я слышу музыку. *Черт, нет, я передумала.*

Мне, наверное, стоило бы вернуться, но я чувствую, как меня охватывает чудовищная ревность. Я не уйду. Вместо этого я заставляю свои ноги передвигаться. Оказавшись в не обременённой лишними деталями, и все же роскошной, словно дворец, квартире, я будто попадаю в другой мир.

Его пиджак лежит на спинке длинного современного г-образного дивана. Я пытаюсь вспомнить мелодию, играющую фоном. Классика, я слышала ее раньше. Кажется, Шопен. Один пустой бокал из-под вина стоит на кофейном столике. Интересно, может у него гости. *Возможно, Рейчел, бог услышал твои молитвы, и он там не один. Возможно, у него секс втроем, а консьерж решил, что ты станешь четвертой.* По какой-то причине эта мысль причиняет острую боль, и прямо сейчас мне хочется заплакать. На мне милое черное платье, но по лицу видно, что я рыдала, а это не лучшая комбинация. Не так ли? Не для соблазнения плейбоя. Я всерьез задумываюсь, а не уйти ли, когда он выходит из холла, застегивая белую рубашку. Святой боже. Он так красив. Он кажется рассеянным, волосы взъерошены. Он босой... и такой сексуальный. Наконец, я замечаю ноутбук на кофейном столике рядом с бокалом. Он работал?

*Да.*

— Рейчел, что-то случилось? — он изучает меня с головы до ног.

Теперь, находясь здесь, я чувствую себя более, чем уязвимой. Я оделась так, чтобы соблазнить мужчину, этого мужчину. Этого мужчину, от которого у меня все трепещет и сжимается, и колотится сердце.

— Ты один? Я помешала? — я безумно нервничаю. Безумно хочу его коснуться. Поцеловать.

Он смотрит, прищурившись.

— Что случилось?

— Вечером одна из моих соседок по дому умерла, — я обхватываю себя руками, продрогнув до костей. — Она в разводе. Жила с собакой и кошкой, была такой милой. Ну, знаешь, одинокой. Милой и одинокой.

Сент проводит рукой по волосам, жест, выдающий, что он обеспокоен, после чего опускает руку.

— Мне жаль. Иди ко мне.

Боже, я хочу оказаться в его объятиях. Один, два, три, четыре, пять шагов спустя, я оказываюсь в его объятиях, обнимаю его за талию, пока он притягивает меня ближе, прижимая щекой к своей груди, и положив ладонь мне на затылок.

О, боже. Как давно я стала такой? Девчонкой, нуждающейся в том, чтобы парень, о котором она не может перестать думать, нянчился с ней. Все те разы, когда я видела, как Уинн обнимали ее отец, ее парни, я правда желала чего-то такого. Но я и представить не могла, как сильно желала этого, пока не ощутила его руку, утешительно поглаживающую меня вверх и вниз по спине. Недавно он уже обнимал меня так, когда был в моей квартире. Но тогда я была слишком напугана, не наслаждалась этим до нынешнего момента.

Я утыкаюсь носом ему в грудь, он невероятно приятно пахнет.

— *Мне жаль*, — шепчет он хрипло мне на ухо.

Сент кладет ладони по обе стороны от моего лица и выглядит искренне сочувствующим, в его глазах нежность и напор. И что-то происходит, когда он целует меня в уголок рта. Таким невинным поцелуем. Поцелуем, который говорит «хочу, чтобы тебе стало лучше», «*мне жаль*», «я рядом». В первый момент мое тело находится в режиме ожидания, а в следующий уже включается на полную мощность, распознав эти восхитительно нежные, легкие, словно перышко, поцелуи, которые только он может мне подарить. Внутри меня все сжимается от нервов, и все исчезает, кроме ощущения колотящегося сердца и пульса, барабнящего в ушах. Это невероятное, потрясающее чувство, когда в один момент все тусклое, а в следующий — яркое и насыщенное. Секунду назад я была напугана, а теперь будто способна на все. Кричать. Прыгать. Поцеловать

его.

— Ты все еще хочешь заняться со мной сексом? — шепчу я, схватившись за его футболку.

Сент хмурится.

— Прямо сейчас? Ты, должно быть, шутишь, — бормочет он.

Стиснув зубы, я хватаю стильную замшевую подушку с дивана и бью его по руке, пока он пятится назад.

— Так хочешь или нет? — кричу я.

С непроницаемым выражением лица он подходит к пульту в углу квартиры и вводит какой-то код. После чего набирает на беспроводном телефоне две цифры и шепчет: «Никаких посетителей».

Он вешает трубку и, преисполненный решительности, шагает обратно ко мне.

— Я может и сволочь, Рейчел, но не настолько, чтобы воспользоваться твоей слабостью этим вечером.

— Никакого использования, никакой слабости. Я в порядке, правда.

— Нет, это не так. Взгляни на себя. Взгляни на свое лицо, Рейчел. Если бы только ты видела то, что вижу я, то секс был бы последним, о чем бы ты подумала, — усмехнувшись и тихонько выругавшись, он обнимает меня, поворачивая меня так, чтобы я посмотрела на него. Наши носы соприкасаются, и я задыхаюсь от того, как близко находятся его губы.

— Сент, — шепчу я, ухватившись за его подбородок. — Прошу.

— Скажи, зачем ты сегодня пришла.

— Ты знаешь, зачем.

— Ради секса? — спрашивает он хрипло, поглаживая пальцем мою щеку.

Сглотнув, я прячу лицо у него на груди.

— Почему ты не сделал что-нибудь? — спрашиваю я, всхлипывая.

В его объятиях потрясающе хорошо.

— В этом городе ты подобен богу, — шепчу я. — Столько людей просыпаются однажды утром, чтобы узнать, что их жизни навсегда изменились, что отныне они будут жить, пытаясь заполнить эту пустоту... А в твоих руках такая власть — ты можешь что-то с этим *сделать*. Рассказать об этом. Привлечь к этому внимание общественности.

Сент молчит. Затем берет меня за руку.

— Иди сюда.

Мы проходим по коридору мимо множества дверей, после чего заходим в огромную современную спальню, отделанную в основном темным деревом и светлой тканью.

— Устраивайся поудобнее.

Он протягивает мне мужскую рубашку из шкафа и исчезает в ванной размером с целый спа-салон, захлопнув за собой большую раздвижную дверь цвета красного дерева. Сердце сжимается, пока я держу в руках рубашку, импульсивно поднося ее к носу и вдыхая его запах. Я слышу звук воды в душе, хотелось бы мне быть смелее, чтобы раздеться догола и пойти туда, к нему.

Вместо этого, насладившись ароматом его рубашки, я снимаю платье, на минуту задумавшись, стоит ли мне снимать белье. Я решаю его оставить, чему несказанно рада уже секунду спустя, потому что ничто не могло меня подготовить к ощущению его рубашки на моем теле, от интимности которого замирает сердце и становятся мокрыми трусики.

Я ощущаю странное возбуждение. Я и понятия не имела, как сильно соскучилась за чертовой рубашкой. Часть меня все еще надеется, что я смогу его переубедить, я пытаюсь руками пригладить волосы, стереть слезы и принять красивую позу в кровати Сента. У него огромный матрас, чувство, будто лежишь на облаке в раю.

Когда Малкольм выходит из душа, все внутри у меня сжимается от жара и желания. Он в брюках, но голый по пояс, волосы влажные, а ноги босые. Он опускается и ложится на кровати рядом со мной. Я прижимаюсь к нему ближе. Аромат его мыла накрывает меня, когда он обнимает меня, чтобы притянуть еще ближе. У его кожи особый аромат, на который я уже подседа, поэтому прижимаюсь носом к его телу. Мне внезапно хочется, чтобы он жадно глотал воздух и стонал, хочется почувствовать его большое тело на себе, почувствовать, как он движется.

Мы в постели.

Боже, словно мечта стала явью. Все эти сны.

Я откидываюсь назад на подушку.

Сент молчаливо рассматривает меня, слегка ухмыляясь.

— Ливингстон, если бы ты могла читать мои мысли, тебе бы стало очень неловко рядом со мной.

Нет. Он не может знать, чего хочу я. Какой безумной я себя чувствую. Как сильно я хочу его. Как не могу перестать думать о нем. Но пронизательность его взгляда завораживает меня, а воздух потрескивает от желания, так сложно просто лежать здесь и ничего не делать, кроме как смотреть на него, желать его, сходить по нему с ума. Он не подвигается ближе, но и не отодвигается, удерживая меня в лучших объятиях, которые были в моей жизни. Его губы здесь, так близко, в каких-то пяти сантиметрах от моего рта, и он изучает меня с выражением крайней

решительности на лице.

— Итак, расскажи мне об этих твоих планах, — говорит Сент, и, хотя его голос низкий от возбуждения, я могу слышать искренность в его словах.

— Нам не обязательно разговаривать, мы можем заняться чем-то другим, — шепчу я. Но когда он лишь печально улыбается, я вздыхаю и уютно пристраиваюсь у него на груди. — Я никогда в жизни не чувствовала себя в безопасности. Но ты не боишься перемен, ты всегда в движении...

Тишина.

— Почему? — спрашиваю я задумчиво. — Почему ты всегда к чему-то стремишься?

Он смеется.

— Не знаю. Потому что хочу. Я хочу всего. — И женщин?

Сент не уклоняется от вопроса, отвечая нежным прикосновением губ к моему виску, отчего я таю.

— Иногда женщин.

Ревность пробирается внутрь меня, но я стараюсь не позволить ей там поселиться.

— Малкольм, ты всегда окружен столькими людьми. Я удивлена, что застала тебя одного этим вечером.

Он медлит. Вновь губами касается моего виска. Он сдвигается, так что теперь я почти распласталась верхом на нем, голой ногой обхватывая его, он все еще в брюках, и я ощущаю его ладонь на своей спине, на его же рубашке.

— Похоже, что компания, которая меня окружает, больше не приносит мне удовольствия, — шепчет он мне на ухо.

Если Сент продолжит купать меня в таком тепле, не уверена, что к утру я не растаю окончательно. Проводя губами по его маленькому коричневому соску, я шепчу:

— Зачем ты окружаешь себя всеми этими людьми?

— Из-за менингита. Помнишь, я говорил, что мой отец не мог смириться с тем, что я заболел? В пять лет я был ребенком, лежащим в больнице с менингитом. Моя мать заходила ко мне на час каждый день перед уроками тенниса. Дни тянулись так медленно. Так чертовски медленно, что я смотрел на часы, как проходила минута за минутой. Я ждал, когда закончится жидкость в моей капельнице, чтобы кто-нибудь зашел ее сменить.

Ему было одиноко. В частной палате. Одинокий. Изолированный.

Я смотрю на него, Сент большой и властный. Но все равно остается



ощущение, что он одинок, несмотря на все окружение.

Зажмурившись, я лижу сосок на его груди, целую, посасываю, а когда чувствую, как он напрягается и поднимает руку к моим волосам, чтобы остановить меня, я отстраняюсь и смотрю на него, чувствуя жар внутри.

— В рамках нашей кампании «Конец насилию» я иногда навещаю членов семей жертв, некоторые из них так одиноки. Люди не понимают, что, даже если у них нет денег на пожертвования, многим из нас просто нужна компания.

Он все еще печально улыбается, но нет ничего печального в диком возбуждении, которое я вижу на его лице, пока он смотрит на меня.

— Иди сюда, Рейчел, — он прижимает меня к своей груди, нежно проводя рукой вниз по моим волосам и шепча рядом с моим виском: — Мне очень жаль твою соседку.

Мои мысли затуманены его близостью, уникальным мужским запахом и ароматом мыла, шампуня, одеколona и крема после бритья. Это настолько мощная комбинация, настоящий афродизиак для моих чувств. Я закрываю глаза и легонько провожу пальцами по его груди. Я не пытаюсь его окрутить, просто не могу перестать касаться его кожи и мускулов; я не могу унять учащенное сердцебиение, и ослабить узел, сжавшийся у меня внутри от его слов.

*Хочу.*

Я хочу провести пальцами по щетине у него на подбородке. Я хочу прижаться губами к ямочке на его верхней губе и полному изгибу на нижней. Я хочу, хочу, хочу.

«Хочу» — такое короткое слово, а несет в себе такой безграничный смысл.

Сент — словно импульс. Движение. Он человек, который всегда движется вперед, влекомый желанием большего.

Он не успокоится, пока не завладеет всем миром, а я лишь хочу найти в нем свое место.

Я не могла бы ошибиться сильнее.

Он плейбой. Ни одной женщине не подвластно унять его жажду большего.

Любовь для романтиков, а я журналист.

И все же, впервые в жизни я лежу в постели мужчины и не могу перестать хотеть... хотя бы на одну ночь быть кем-то другим.

## Глава 19

### УТРО

Мы просыпаемся, волосы Сента спутались, а на отдохнувшем лице появилась колючая щетина. Он наблюдал за мной, и я краснею, потому что отлично спала. Чувствую себя спокойной и расслабленной.

— Привет.

Он касается меня. Я прижимаюсь к нему, пододвигая голову ближе к его руке. Это искреннее проявление нежности, и я начинаю беспокоиться, что становлюсь зависимой от его внимания.

Рубашка Сента все еще на мне — ощущение ткани, касающейся моей кожи (той самой ткани, что касалась его обнаженной груди), согревает меня до кончиков пальцев. Я с трудом контролирую свои реакции. Мы с ним в постели, мои волосы рассыпались по плечам, мы не полностью одеты, и смотрим друг на друга одинаково, изголодавшимися и взволнованными взглядами. В глазах Сента больше нет льда, его сменил жар такой силы, что во мне закипает лава.

— Я приготовлю нам завтрак, — шепчу я.

Я иду на кухню в его рубашке и немного повозившись с его новомодной кофе машиной, делаю нам кофе. После этого готовлю тосты.

Сент входит, полностью одетый, в брюках и белой рубашке и вешает пиджак на спинку стула. Волосы блестят после душа, влажные, темные, зачесанные в сторону с гладкого лба, у него резкие черты лица и ровный загар.

Между нами чувствуется тесная связь, пока я устраиваюсь поудобнее на стуле, завтракая. Сент садится и читает новости с iPad. Мне не хочется снимать его рубашку. Я скучаю по ней, висящей в моем шкафу. Я и не понимала, как сильно хочу завладеть ею.

— Ничего, если я заберу твою рубашку? Я сдам ее в химчистку и верну...

— Не возвращай ее, — он откладывает в сторону свой iPad. Потом он наклоняется вперед, и его деловая рубашка натягивается на напряженных мускулах именно так, как мне хочется. Убрав волосы с моего лица, Сент кладет свою большую ладонь мне на щеку и целует меня подчеркнuto нежно. — Рейчел.

Это и все, что он произносит. Последнее звучит так, словно он расстроен, возбужден, раздражен, смущен, даже обижен. Прежде, чем я смогу поцеловать его, Малкольм кладет большие ладони по обе стороны моего лица и смотрит на меня своими ледяными зелеными глазами, проникающими мне в душу.

— Рейчел, я не тот парень, к которому приходят за утешением. Но мне нравится, что ты пришла ко мне.

Я понимаю, что этим утром он выглядит жестче, почти на грани, он не прищуривается, а взгляд не холодный, как обычно. Он выглядит... словно пылает внутри. Я проглатываю клубничный джем и облизываю уголок губ, наконец осознав, каким испытанием для него стала прошедшая ночь.

— Ты не спал, не так ли? — шепчу я.

Сент притягивает меня ближе к себе, жарким дыханием обдавая мою кожу позади уха, когда усаживает меня к себе на колени. Ощущения очень приятные, но, в то же время я не могу перестать дрожать.

— Я уже давно не оставался с кем-либо в постели. Меня сложно зацепить. Но ты смогла.

Я не могу не заметить его потяжелевшие веки. Я взволновано облизываю губы.

Его внимание привлекает место, где я прижимаюсь к нему грудью, и мое тело отзывается на то, насколько приятно это прикосновение, и насколько становятся гиперчувствительными мои соски.

— Сент... — я замолкаю.

Положив руку мне на затылок, он заставляет меня замолчать, прижавшись ртом к моему, и проникнув в меня языком.

— Я одержим тобой, — говорит он.

Пока Сент пробует на вкус мои губы, я ощущаю его вкус — зубная паста и кофе. Он продолжает держать руку на моей шее. А мои руки живут своей жизнью и, прежде, чем я опомнилась, они уже в его волосах.

— Сент, — стону я, прижимаясь к нему грудью.

Зарывав, он усаживает меня сверху, побуждая меня обхватить его ногами, и кладет руки мне на попу.

Я заворожена безрассудным трением друг об друга наших тел под одеждой, и позволяю ему сместиться, чтобы прижиматься ко мне во всех нужных местах — если бы не одежда, он бы уже был во мне.

И то, как он целует меня все это время. Острое желание накрывает меня, жажда, подобно какой я не знала прежде. Уверенным движением он раскрывает мои губы, пробует меня, своим неутомимым языком жадно лаская мой. Жар и соблазнительная влажность его поцелуя заставляет меня

трепетать в желании большего. И с каждым толчком я погружаюсь все глубже в смерч, который крутится и фокусируется на нем, Малкольме Сенте, том, кто заставляет мое сердце колотиться, мою жизнь ускоряться все быстрее, все мои мысли теперь сосредоточены на том, что он делает, с кем он, что ему нравится, кто он...

Сент не разрывает поцелуя, продолжая держать меня у себя на коленях, пока одурманивает меня своим жадным ртом.

Все еще верхом на нем, я слегка сдвигаюсь, стремясь найти большую самую восхитительную твердость, что я когда-либо ощущала, и стараясь прижаться к ней так близко, как это возможно. Он настолько большой и толстый, что я почти вскакиваю от неожиданности, но вместо этого трусь об него, желая его. Он мне нужен. Мучительный стон вырывается из груди Сента, когда он прижимает меня к своим бедрам, вжимаясь в меня своей твердостью, и его дыхание у моего уха тяжелое и сбившееся.

— Вернись ко мне сегодня вечером. Я пришлю кого-нибудь забрать тебя после работы. Мы можем заказать что-нибудь на ужин...

— Нет! Никакого ужина.

— Почему? Что не так с ужином?

Потому что я не желаю, чтобы ты относился ко мне, как к одной из своих фанаток. Я обнимаю ладонями его гладко выбритые щеки и твердую челюсть, и шепчу ему на ухо, будучи чертовски возбужденной:

— Потому что ты знаешь, чего я хочу, — выдыхаю я. Того, кто прижимается ко мне между ног. Того, кто смотрит на меня. Того, кто касается меня. Кто пахнет так приятно, и такой вкусный.

— Потому, — говорю я, — что я хочу *тебя*.

## Глава 20

# СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ...

Я сижу за своим столом, редактируя материал, когда цветочная композиция, почти больше, чем парень, который ее принес, оказывается рядом со мной.

— Для вас, — говорит парень сквозь этот лес орхидей.

На секунду я замираю, потрясенная. Незаметно оглядываюсь по сторонам. Кто-то в офисе решил подшутить надо мной? Большинство печатает, но некоторые с любопытством смотрят в мою сторону.

Тут я понимаю, что несчастный парень сейчас упадет в обморок от перенапряжения. Расчищаю место на столе для вазы и даю ему поставить букет. Теперь я не могу отвести взгляд от самой безумной композиции орхидей, которую только можно себе представить. Я вытаскиваю карточку, закрепленную среди этой пурпурно-белой красоты, и чувствую такое сильное сердцебиение, что мне необходимо присесть.

«Казалось неправильным позволить тебе провести еще один день без роскошного подарка от мужчины, который думает о тебе.

М.С.»

Качая головой, я опускаю карточку. Сэнди, одна из моих коллег, останавливается, рассматривая букет.

— Вау. Мужчина готов покорить сердце Рейчел!

Валентин заглядывает в мою кабинку.

— Поверь мне, он целится пониже сердца.

Виктория и Хелен хотят узнать, как идут дела.

— У меня полно папок с материалом, — говорю я им, стараясь не выказать, что уклоняюсь от ответа.

Я говорю себе, что время, которое проведу с ним этим вечером, будет только моим. Нашим.

Я краду его, и это делает меня грешницей, но я жажду Грешника. Трепещу в ожидании.

«Спасибо», — пишу я ему.

«Поблагодари меня лично этим вечером.»

Он знает, мы оба знаем, что произойдет этим вечером. Не могу дожидаться, когда это случится. Я с нетерпением жду, когда закончится

рабочий день, не могу ни есть, ни пить или думать о чем-либо, не отвлекаясь на мысли о нем.

Кажется, все в офисе только и думают, что о Сенте — без умолку обсуждают свежесть и экстравагантность цветочной композиции, как чудесно собран букет и сколько он, должно быть, стоит.

Виктория заглядывает ко мне в кабинку и пытается открыть карточку. Выхватив её, я быстро засовываю ее в сумку.

— Вау. Какая скрытная! — она хмурится, но потом смеется и проводит пальцами по лепесткам маленькой орхидеи цвета фуксии. — Высший сорт.

— Вики, я занята, — вздыхаю я.

— Ты не выглядишь занятой, — скрестив руки на груди, она бедром опирается о край моего стола. — Ты сидела, уставившись вперед. В сторону *этих* цветов, — улыбаясь, она указывает на цветы.

— Тебе что-то было нужно? — спрашиваю я.

— Да. Скажи мне. Сент обычно отправляет цветы женщинам, которых соблазняет? — постукивая по уголку рта, Виктория притворяется, что обдумывает это. — Хмм. Я о таком раньше не слышала. В чем секрет? — она ухмыляется. — Ты держишь его на крючке, не так ли?

Я думаю над тем, насколько искушенной я себя чувствую. Насколько сильно мое влечение. Как я жажду его поцелуя. Его прикосновения. Как я не могу спать. Не могу дышать. Как я не могу жить дальше, не ощутив его в себе хотя бы один раз. И мне кажется, что на крючке как раз я...

Я настолько увязла в этом, что тону.

Но я встаю и легонько оттесняю ее, вытаскивая папки из-под нее, говоря: «Секрет фирмы. А теперь кыш, ты дышишь моим свежим цветочным воздухом. Иди, добудь себе свои цветы.»

Когда она уходит, я смотрю на мои. Грандиозные и бесцеремонные, от их красоты перехватывает дыхание, и я обещаю себе, что сегодня вечером для него я буду выглядеть и пахнуть так же хорошо.

\*\*\*

Тем вечером я наряжаюсь для него. Розовые кружевные трусики с бантиком сверху и такой же бантик по центру кружевного лифчика с застежкой впереди. Я надела юбку-трапецию, которая легонько кружится во время ходьбы, и облегающий топ цвета слоновой кости на тоненьких бретельках, из-под которых он сможет разглядеть выглядывающие розовые ляпочки моего лифчика. Этот наряд — самый явный способ прокричать «я

хочу тебя» из всех, что я знаю.

Он присылает мне смс, что уже ждет внизу.

Джина еще не вернулась с работы, так что я оставляю ей записку вроде тех, что пишу, когда ухожу с ночевкой в парк — «Сегодня сплю не дома. Целую. Р.»

Спустя целую вечность и один удар сердца, я сажусь на заднее сидение «роллса» и вижу его. Он тоже приоделся ради меня? Сент такой красивый в черной рубашке и черных брюках, что я забываю, как дышать. Его волосы кажутся еще влажными после недавнего душа, верхняя пуговица на рубашке расстегнута, а рукава закатаны по локоть. Вид его загорелого тела, выглядывающего из-под одежды, заставляет мое сердце биться чаще. Стекло, отделяющее нас от водителя, поднято, но он шепчет, говоря мне: «Он нас не слышит и не видит». Я и не знала, в каком отчаянии нахожусь, пока он не протягивает руку, притягивая меня ближе к себе, засовывая руку под мой топ, глядя по обнаженной коже моей спины, а я прижимаюсь к нему еще немного ближе.

Еще один поцелуй в уголок рта.

Я дрожу.

Теперь он касается другого уголка моих губ, его губы теплые, но поцелуи решительные.

Я провожу рукой вверх по его напряженному бедру, желая узнать, твердый ли он, но не уверенная, что мне хватит смелости коснуться рукой еще выше. Кожа Сента под одеждой кажется такой горячей. Его глаза такие зеленые и темные.

— Куда мы едем? — шепчу я.

— Ко мне, — отвечает он. Он проводит губами по моим и смотрит на них, затем отклоняется назад, чтобы посмотреть на меня всю.

Я начинаю отодвигаться, оставляя некоторое пространство между нами, чтобы взять себя в руки.

— Иди сюда, я хочу, чтобы ты была близко.

Он проводит рукой вокруг моей талии, и легонько прижав пальцы к моим ребрам, придвигает меня ближе. Жар бурлит в моих венах, когда я прижимаюсь губами к его накаченной шее. Сент позволяет мне. Я провожу рукой вверх по его рубашке, а он засовывает руку под мой топ.

Мы меняем положение и я, расставив ноги, сажусь на него сверху.

Просовываю язык между его губ.

Сент приподнимает меня так, что теперь его эрекция оказывается у меня между ног.

— Я так хочу тебя, — говорит он хрипло.

Возбуждение пронесется по моему телу, когда я чувствую его твердую эрекцию под собой. Я хотела знать? Теперь я знаю. Он пульсирует. Идеальный и огромный, твердый, как сталь, его желание, словно живое, обжигает меня между ног. Его же губы, напротив, мягкие словно перышко, невероятно нежно касаются моих.

— Я хочу попробовать тебя здесь, прямо здесь. Заниматься с тобой сексом всю ночь. Боже, ты восхитительна, — шепчет он, упиваясь мной взглядом, смакуя меня руками.

Моя ответная реакция неуправляемая. Неконтролируемая. Я кусаю губу, страдая от желания.

Мы смотрим друг на друга — глаза, губы, глаза, губы, губы. Губы. Он наклоняет голову, и внезапно сама мысль о том, чтобы не попробовать его вкус, невыносима. Мы целуемся. Сначала только губами. Легкое касание, нажатие, затем отстраняемся, тяжело дыша.

Сент ведет рукой вниз по моей спине.

— Как ты хочешь, чтобы это было? Жестко? Нежно?

Он смотрит на меня сверху вниз, словно я какая-то богиня.

— Жестко. Нет. Нежно. Нежно, потом жестко.

Я так взволнована и взвинчена.

Он поедает меня глазами, пока наливает нам вино, мы пьем и смотрим друг на друга, и когда я ставлю бокал в сторону, он делает то же самое и пододвигает меня ближе, чтобы дразнить меня, губами раскрывая мне рот и пробуя изысканное красное вино, которое я только что выпила. Сент улыбается, когда мы подъезжаем к его зданию. Мы идем в холл, и я чувствую на себе понимающие взгляды, смотрящие из каждого угла.

Сент подхватывает меня под руку и заводит в лифт.

— Сколько женщин ты приводишь сюда? — спрашиваю я. Он привлекает так много внимания. Не представляю, чтобы я когда-нибудь к такому привыкла.

— Я давно уже никого не приводил, — признается он, когда двери закрываются и лифт поднимает нас двоих вверх. — С тех пор, как увидел тебя.

Я смеюсь.

— Ты не обязан это говорить.

— Зачем бы мне сейчас врать? — он привлекает меня ближе к своему мощному телу, моя грудь болит, будучи прижатой к его груди. — Ты ведь здесь, не так ли? — он проводит рукой вниз по моим волосам, и внезапно я чувствую себя такой любимой под взглядом этих мерцающих всезнающих глаз. — Ты собираешься позволить мне сделать с тобой все, что я захочу, —



шепчет он мне на ухо.

— Ты правда, никого не приводил?

Я, кажется, не могу перестать говорить шепотом. Мое тело настолько напряжено от возбуждения, что требуются усилия, чтобы просто стоять здесь и не позволять своим пальцам и языку исследовать его тело. Боже, я так увлечена им, что потеряла рассудок. *Напрочь.*

Сент качает головой, он смотрит прямо на меня, пока, фактически, признает, что соблюдал целибат рекордное для себя время. Этот вечер сводит меня с ума, я опускаю глаза, с неожиданным смущением уставившись на его горло.

— Что насчет афтепати, на которую мне не разрешено было прийти? Тебе ведь устроили шоу... те девушки? — тихонько спрашиваю я, поглаживая пальцем пуговку на его рубашке. Почему из-за него я так смущаюсь? Я боюсь, что он увидит, что я ревную, но я обязана спросить.

Кажется, что этот лифт — наш кокон и ничто не станет сейчас между нами, ничто из мира снаружи этого идеального пространства.

Его шея, она такая мужественная. Я смотрю, как движутся мышцы и кадык, когда он отвечает, его теплое дыхание касается волос на моем виске.

— Тот вечер в «Айсберге» был способом отвлечь себя, я планировал развлечься. Но появилась ты (та, о ком я пытался перестать думать), и я не мог быть с кем-то другим, после того, как ты на меня смотрела тем вечером.

Лифт останавливается в пентхаусе, и я краснею, когда он берет меня за руку и заводит внутрь, он вскружил мне голову своими словами.

Он звонил своим друзьям во время нашего второго интервью в машине. Его уже тогда ко мне влекло, пока я была зачарована водой, которую он пил, что почти была готова сделать пару глотков из бутылки, что он оставил, даже не понимая, что со мной происходит.

Сент бы встретился со мной для еще одного интервью (я бы об этом позаботилась), но я бы никогда не узнала, ушел ли он не сам, чтобы утолить свою страсть ко мне между ног другой женщины, пока я всю ночь лежала, мучаясь от возбуждения.

Приятно знать, он не обязан был рассказывать мне, но рассказал.

— Ты часто это делаешь? — шепчу я. — Спишь с другой женщиной вместо той, которую хочешь?

Он смеется, запрокинув голову, сжимая мою руку.

— Рейчел, я не остепенюсь... ни в бизнесе, ни в удовольствии. Ты бы стала исключением, потому что ты журналист. А я никогда не смешиваю работу и удовольствие.

— Я все же стала исключением из этого правила, — говорю я, скорее себе, снова краснея, когда думаю о том, что и сама нарушила это правило. Отойдя от него, я смотрю на Чикаго сквозь огромные окна его квартиры, восхищаясь тысячью крошечных мерцающих огоньков, проснувшихся в городе после заката.

— У тебя здесь потрясающие виды. У тебя совершенно иной взгляд на мир... как в офисе, так и здесь.

— Прямо сейчас мне нравится мой вид, — говорит он, стоя позади меня, а я резко вздыхаю, пока бабочки порхают у меня в животе, а колени дрожат. Сейчас его голос с хрипотцой такой уверенный, раскатистый, неуклонный и твердый. Когда его язык касается моего уха, мне кажется, что я невесомая, опираюсь на него, прижимаясь к нему спиной.

Я делаю резкий вдох, когда чувствую его огромную эрекцию, прижавшуюся к моей спине. Ох, как же я хочу этого. Так сильно. Он поворачивает меня к себе, рукой накрывая мою грудь.

— Я так возбуждена, что мы можем пропустить прелюдию, — выдыхаю я.

Я хмурюсь, когда он убирает руку. Ээ, не совсем та реакция, на которую я надеялась. Я немного разворачиваюсь.

На его губах улыбка, а во взгляде озорство.

— Рейчел, я никуда не спешу.

О, нет. Еще прелюдии? Насколько мокрой он хочет, чтобы я стала? У меня все так набухло, что я боюсь, как бы у нас вообще что-то получилось.

— Сент, не будь козлом! Я хочу тебя...

— Я тоже тебя хочу, — он целует меня в уголок губ и ведет к огромному бару из черного гранита, наливая нам по бокалу вина.

Он садится на диван и смотрит на меня. Легко потерять голову от такого взгляда. Легко не думать ни о чем, кроме желания. Желания, нужды, возбуждения.

— Иди сюда. — он протягивает мне бокал. — Я хочу узнать, понравился ли тебе мой подарок.

— Я уже достаточно выпила в машине. А ты разве нет?

Сент молча делает глоток.

Я хмурюсь.

Мне хочется покончить с этой его игрой в кошки-мышки и просто уйти домой, но что-то в выражении его лица останавливает меня. Он такой хищный. Полностью сосредоточенный. Каким-то образом я от этого становлюсь еще более влажной. Что бы я здесь не видела, энергию и власть, в доминировании мужчины над женщиной, это притягивает меня

сильнее, чем останавливает моя гордость. У меня никогда не было отношений. Я никогда не испытывала влечение к настолько выводящему из себя, невыносимому и нереально сексуальному мужчине, как он.

Я бы сейчас обнаженная и в грязи подралась с любой женщиной, ради права провести с ним эту ночь.

Так что я опускаю бретельки топа вниз по рукам и позволяю ему упасть на пол, с трудом сдерживая порыв прикрыться, когда он впервые видит меня всю. Черт, я что сейчас — разделась, как проститутка? Перед Сентом? Да, так и есть.

Его голос становится еще более хриплым.

— Если собираешься продолжать в том же духе, то хотя бы немного пританцовывай.

— Иди в задницу, — бормочу я.

— Дойдем и до этого.

Я поднимаю на него взгляд, он попивает вино, рассматривая меня с еле заметной улыбочкой. Сент такой мужественный, тестостерон так и пульсирует в воздухе вокруг нас. Я хочу сорвать с него рубашку. Боже, с ним я хочу быть безрассудной, дикой. Каким-то образом, несмотря на это безрассудство, он дает мне ощущение безопасности.

— Если ты вдруг не понял, то я хочу заняться с тобой сексом, — говорю я ему, отбросив смущение.

Он тихонько смеется, медленно отставляя бокал в сторону.

Я смотрю на него, переполненная гневом.

— Сент! Я тебя ненавижу! Я полностью открылась тебе! Черт, ты мог бы хотя бы...

Он притягивает меня вниз к себе и прижимается ртом к моему.

— Тсс. Кажется, ты мне нравишься в гневе.

После этого он просовывает язык мне в рот. Сент усаживает меня сверху, накрывая мой зад своими руками. Он посасывает мой язык, и низкий стон, который при этом издает, производит на меня самое опьяняющее и приятное впечатление, что я когда-либо испытывала.

— Ты правда, хочешь меня.

Сент поднимает меня вверх, будто я ничего не вешу. Я обхватываю его ногами, а он несет меня к себе в комнату. Он опускает меня на кровать, и я тону во всей этой мягкости. После этого он отстраняется, дыша так же прерывисто, как и я. Его глаза — зеленая лава. Все сдерживаемое желание последних недель готово взорваться внутри меня.

— Малкольм, — умоляю я, расстегивая его рубашку. Он опирается на край кровати и позволяет мне встать на колени в постели, чтобы стянуть

рубашку с его груди. Сент быстро скидывает ее с плеч, давая ей упасть на пол, пока я провожу руками по мышцам его пресса, его плоской груди, целуя всюду, куда могу дотянуться. Мне удастся расстегнуть его ремень и отбросить его в сторону. Он убирает мои волосы со лба, и я ложусь на кровать, сцепив руки у него на затылке, так что у него не остается выбора, кроме как последовать за мной вниз. Он наклоняет голову, и своими горячими губами пробует на вкус мой рот, пока проводит рукой вниз по моему телу. Затем опуская голову, поднимает руки выше.

Ущипнув мою грудь, Сент одной рукой расстегивает мой лифчик, его дыхание на моей коже горячее, а язык — влажный и теплый.

— Боже, ты сделал это одной рукой? — спрашиваю я в изумлении.

Я чувствую его улыбку на своей коже, пока он протягивает руку между нами и потирает сосок подушечкой пальца. После этого он перестает улыбаться, как и я, наше дыхание меняется и воздух между нами накаляется.

Я мотаю головой по постели, когда он лижет один сосок, а затем другой, волны удовольствия проходят сквозь меня.

— Клейм, — говорит он, пробегая языком вниз по моему пупку. Он такой мягкий и влажный, ласкает и щекочет. Я хихикаю, а затем стону, когда он возвращает внимание вверх к моему соску. Затем Сент спускает мои трусики вниз. Его глаза становятся еще темнее, когда он раздвигает мои ноги в стороны, глазами впиваясь в мои влажные складки. Я замираю, запоминая дикое желание на его лице, пока он рассматривает меня. Моя грудь вздымается, внизу все набухло, а волосы растрепались по постели.

— Расслабься, — говорит Сент, и проводит рукой вверх по моему бедру, когда я пытаюсь свести ноги. — Расслабься, — повторяет он, толкая средний палец в меня. Ощущения настолько приятные, что я чуть не спрыгиваю с постели, вместо этого выгибаясь, и издавая крик от экстаза.

— Не будь стеснительной со мной, я хочу посмотреть на тебя. Хочу услышать тебя, — бормочет он хриплым голосом мне на ухо, пока водит пальцем внутри меня и всасывает мой сосок в рот. Наслаждение проносится сквозь меня.

Сент улыбается, бормоча что-то, продолжая ласкать меня средним пальцем. Звук скольжения смешивается с моим громким дыханием, когда он вводит палец внутрь.

— Так красиво, не могу дождаться, чтобы оказаться внутри.

Подушечкой большого пальца он выводит маленькие круги на моем клиторе, и я начинаю поднимать бедра ему на встречу.

Впившись в нижнюю губу зубами, я смотрю на выпуклость на его

брюках. Я так сильно хочу его, в руках, внутри себя, он такой красивый. Я хочу встать на колени и достать его, увидеть и прикоснуться, наклониться и поцеловать в кончик, затем открыть рот, вбирая все, что смогу, все целиком. Хочу, чтобы он стонал, хочу, чтобы он никогда меня не забыл.

Но я так сильно возбуждена от его движений во мне, что почти парализована и только дрожу.

С цветом его зеленых глаз сейчас не может сравниться ни одно растение на земле. Сент целует мою грудь, посасывает меня. Он гладит и ласкает мой клитор, доставляя мне неземное удовольствие. Я быстро кончаю от его пальцев. Он удерживает меня в своих руках.

— Боже, ты только посмотри, как ты кончаешь для меня, — говорит он хрипло. — Ты прекрасна, ты знаешь это?

— Прямо сейчас я прекрасно себя чувствую.

Когда Сент тянется к своим брюкам, я шепчу что-то, поощряя, кажется, «пожалуйста». Боже, я банальна. Но я не в состоянии мыслить, я пульсирую от возбуждения, отчаянно нуждаюсь в том, чтобы он заполнил меня.

Неудовлетворение все эти дни и ночи, осознание, что это единственная возможность, что все временно, заставляет меня хотеть этого еще сильнее.

Он расстегивает молнию на брюках, и я замираю, соблюдая почти музейную тишину. Сент выглядит так, будто проводит в спортзале каждый день, у него накаченная грудь, загорелая, идеально выраженные мускулы, напрягающиеся с каждым движением. Из меня вырывается стон, когда он снимает брюки, и я, наконец, вижу его. Возбуждение захлестывает меня, когда он приближается. Его член больше, чем я могла себе представить. В нетерпении я облизываю губы, глазами пробегая по всей длине, вверх к набухшей головке и блестящей капельке на кончике.

Я не могу... не могу дождаться. Я хочу каждый его сантиметр внутри себя. Всего его.

Сент улыбается, замечая, что я покраснела и наклоняется надо мной, лаская меня внизу. Движение его пальцев становится быстрее, затем он сменяет пальцы большим пальцем, подушечкой проводя круги по клитору, пока целует меня. Я снова на грани.

— Рейчел, ты такая отзывчивая, становишься мокрой от одного только взгляда, влажная еще до моего прикосновения, — он медленно опускается между моих ног.

Я вцепляюсь в его плечи.

— Сент, — стону я, задыхаясь, и вода бедрами, пока он открывается презерватив, раскатывает его по члену.

Сент кладет пальцы мне на талию, придерживая мои бедра на месте, и проталкивая первые сантиметры своего члена внутрь. Я кричу, а он удерживает меня, наблюдая за мной, пока погружается еще немного. Экстаз проносится сквозь меня. Я приподнимаю бедра, жадно желая получить больше его внутри себя, пульсируя. Он двигает бедрами, входя глубже. Я сцепляю лодыжки у него на спине, прижимая его к себе. Сжатие. Наполнение. Он пульсирует внутри меня. Я хватаюсь пальцами за волосы Сента, желая большего, боясь большего, а он издает звук, гулом отдающийся у него в груди, а затем и в моей.

— Теперь ты можешь дышать? — говорит он мне на ухо.

Мы оба стонем, когда он резко выходит, продлевая момент, смотря на меня своими горячими зелеными глазами, затем погружается полностью внутрь. Наши животы издают хлопок, встречаясь, наши тела выгибаются. Звук вырывается из его груди, низкий и глубокий. Вот этот голод. Это желание ощутить его, быть связанной с ним. Больше ничего не существует. Только наши движения. Звуки шуршащих простыней под нами. Наши дыхания. Наши рта, когда мы целуем, пробуем на вкус — губы, соски, кожу.

— *Еще немного. О, боже, Сент.*

С каждым толчком я чувствую себя такой заполненной, выгибаю спину, и вонзаясь ногтями в его упругую кожу и мускулы на плечах.

Я на грани между криками и стонами, смехом и плачем. Я не знаю, что думать, говорить или делать. Это словно сон, или кошмар. Мощный... его влечение ко мне неоспоримо. Я до чертиков напугана и в то же время не могу устоять. Я хочу большего. Я кусаю его шею. Провожу ногтями по его спине. «Сент, Сент, Сент», — кричу я, бессвязно думая, что никогда не смогу остановиться, никогда, пока не узнаю все его секреты, имена всех его любовниц, его страхи, его мечты, его сердце, пока он не кончит со мной, во мне.

Я чувствую, как моя грудь подпрыгивает между нашими телами, Сент такой мощный, а его толчки замедляются, в желании продлить наше удовольствие.

— А сейчас?

Я киваю, оказываясь все ближе и ближе. Его мускулы напряжены. Сент наклоняется к моей груди, покусывая ее и лаская языком.

Краткий этап заигрываний, которым мы наслаждались, легкий флирт и прелюдия — все это были осторожные шаги навстречу друг другу, которые мы делали, подталкиваемые любопытством. А теперь нас накрывает лавина сокрушительной страсти. Он снова движется, его рот на моем, его тело не

знает усталости, ни один из нас не позволяет другому отдышаться, или подумать, или остановиться. Я не продержусь больше ни минуты. *Как я только жила все эти годы без этого?*

— А сейчас, Рейчел? — рычит он, тяжело дыша.

Выгнувшись вверх, я вонзаю ногти в его затылок.

— Прошу, Сент, — хнычу я.

Он потирает мой клитор подушечкой большого пальца и я зажимаюсь в блаженстве от оргазма. Мое тело тает, и я улетаю на крыльях экстаза. Я цепляюсь за Сента и слышу, как он стонет мне в волосы, пока кончает, а его мощное тело напрягается и расслабляется рядом со мной.

Спустя пару минут, что мы лежим рядом, мной овладевает страх. Я зависима. Я сбита с толку. Я хочу знать, со сколькими девушками он был. Я хочу быть одной из лучших. Я хочу все повторить. Я хочу прикоснуться к его телу. Я хочу позволить ему сделать с собой все, что он захочет. Я хочу навсегда перестать дышать.

— Что тебе нравится? Минет? Ласки? — шепчу я, прижавшись к его шее. — Научи меня, Сент.

— Знаешь, что мне нравится? — шепчет он хрипло мне на ухо. — Я покажу тебе, что я бы хотел сделать прямо сейчас.

Сент — красивый мужчина, с прекрасной, накачанной задницей, от вида которой у меня текут слюнки, когда он исчезает в просторной ванной. Я сажусь в постели, изучая его спальню. Раньше я не уделила этому внимания. Здесь все по-минималистически пусто. Почти бесстрастный дизайн. Почти ледяной, как и его глаза.

Никаких фотографий, ни его мамы, ни друзей. Но по всей комнате висят фотографии гоночных машин, старых винтажных Феррари. Полагаю, для парня, который вырос в окружении игрушек, а не людей, каким-то образом игрушки стали важнее.

— Тебе стоит прикупить какое-нибудь стильное покрывало, вроде мехового, — говорю я, надеюсь, достаточно громко, чтобы он услышал меня в ванной, дрожа, прикрывая простыней грудь. — *Вещи, которые окружают тебя любовью.*

Внезапно я замечаю его в дверном проеме, и он выглядит, как мужчина, которому необходимо как можно чаще заниматься любовью. Не потому, что он сексуален, а потому, что сейчас, после того, что у нас было, энергия, которую он излучает, стала спокойнее, более приглушенной.

Мне нравится этот его ленивый взгляд из-под опущенных век, когда он возвращается из ванной обнаженный, с улыбкой смотря на меня, сидящую

в постели с растрепанными волосами, рассыпавшимися по плечам, обнаженную, под простынями.

— Рейчел, с тобой было хорошо, — говорит он, и его глаза, *боже мой*, в его глазах такое желание, которого я никогда-никогда не встречала.

Я заливаюсь румянцем.

— Спорю на что угодно, что ты и на вкус так же хороша, — говорит он.

Вот черт, он ведь не имеет в виду...

Сент смотрит на мои ноги. Я начинаю таять под простынями. Его зрачки темные, в них отражается странная смесь нежности и желания, а его член... ох.

— Я... не знаю, мне еще не делали... ну, ты понимаешь.

Он удивленно поднимает бровь, идя обратно в постель. Ладно, я не хочу, чтобы он выставил меня наружу или что-то вроде того, так что я вылезаю из-под простыней, наклоняюсь, чтобы поднять свои трусики и надеваю их, нервно объясняя: «Не знаю, что в этом такого, но я просто так и не смогла сделать это. Я чувствую себя слишком обнаженной.»

Сент останавливается передо мной, когда я встаю, лишь для того, чтобы провести пальцем по моим трусикам, вверх, вниз, по кругу.

— Это не сильно отличается от того, как я сейчас тебя трогаю. Только ласкать будет мой язык.

— Почему ты хочешь этого? Почему мужчинам это нравится?

Хмыкнув, он отводит меня обратно в постель.

— Ты не будешь задавать такие вопросы, когда я все сделаю.

Он опускает мои трусики вниз по ногам, и я уже настолько сильно нервничаю из-за того, что, как я понимаю, он хочет, что с трудом дышу.

— Пообещай остановиться, если я попрошу.

— Ты не попросишь, — уверяет он, ведя рукой вверх по внутренней стороне моего бедра.

— Обещай.

— Не даю обещаний.

— Почему?

— Потому что я нарушил все обещания, что давал, так что это только заставит меня хотеть нарушить обещание, данное тебе.

— Почему ты нарушаешь обещания?

— Потому что могу. Расставь ноги, — он толкает мои ноги в стороны. Внутри у меня от нетерпения все сжимается в волнении. Сент наклоняется ко мне между ног, нежно положив руки мне на бедра, раздвигает их в стороны. Он облизывает губы, смотря на меня, и не думаю, что он сам



осознает, насколько жаждет меня.

— О, нет! — я смеюсь, когда он опускает голову. Сдвинув ноги, я останавливаю его, сжав в кулаках его черные, как сажа, волосы. — Это слишком интимно! Я не могу.

Он проводит рукой по моим изгибам, и его глаза блестят, но в них не улыбка, а вызов.

— Позволь мне попробовать тебя, — говорит он хриплым и сексуальным голосом.

Я затихаю и расслабляюсь, когда он прижимает губы к моему животу, пупку, ниже.

— Малкольм, — сопротивляюсь я вначале, напрягшись, лежа на постели.

Я все еще напряжена, когда он касается меня языком первый раз, и держа руки в его волосах, я готова остановить его.

— Что, если я неприятна на вкус? — выдыхаю я.

Сент проводит кончиком языка по моему клитору, а затем погружает его внутрь, к моему полнейшему ужасу.

— Ммм. Как вкусно.

Он гладит рукой мой пупок, вылизывая меня медленно, смакуя. Я заглядываю между раздвинутых ног и вижу, что его глаза закрыты, а ресницы, словно две половинки луны. Я начинаю расслабляться, проводя пальцами по напрягшимся мускулам его спины, застонав, когда его язык оказывается там, все настойчивее, будто это мой рот.

— Ты очень хорош в этом, — говорю я, задыхаясь. Теперь я с трудом могу произнести внятно слово, не говоря уже о нескольких.

Лаская, Сент проводит пальцами вверх, по внутренней стороне бедра и гладит мой клитор подушечкой пальца, когда шикает на меня, сказав перестать разговаривать. Потолок теряет очертания, и я облизываю губы, тяжело дыша от нарастающего удовольствия.

Вау.

Я замираю в восхищении.

Я продолжаю тяжело дышать, а он продолжает целовать меня там. Вместо того, чтобы быстро подняться, он продвигается вверх, по моему клитору, по пупку, между грудями. К тому времени, как Сент надевает презерватив и искусно входит в меня (его тело создано для этого, чтобы доводить меня до такого состояния, заставляя дрожать), я превращаюсь в желе. Дрожу, как желе, наслаждаясь тем, что он, пока прижимает меня к себе, говорит эти грязные, сексуальные словечки.

Мне надо уйти.

Сент выглядит так привлекательно, лежа в постели, пока я собираю свои вещи, что я не в состоянии обернуться, когда, одевшись, стою в дверях. Что бы сейчас здесь не произошло, не думаю, что мы хотим признавать это. Особенно он. Однажды он сказал мне, что не остается на ночь с девушкой... но, не смотря на это, я провела с ним ночь, это так отличалось от всего, что я не вынесу, если он пожалеет о произошедшем, потому что... я не жалею.

Я чувствую, как он возвел высокую стену сразу, как кончил. Сент прорычал мое имя, низко и раскатисто, словно боевой клич, отчего я немедленно взорвалась. После этого мы оба молчали. Когда он вернулся из ванной, избавившись от презерватива, он, не касаясь меня, лежал, изучая что-то в телефоне.

Я тихонько начала одеваться, желая поскорее добраться до своей постели, чтобы получше все обдумать. *Или постараться забыть.* Сент лишь скрестил руки под головой, наблюдая за мной, и я слышала, как он звонил своему водителю, чтобы тот встретил меня у входа.

— Пока, Сент.

Я вижу, как он кивает и тихо произносит:

— Дай знать, когда доберешься до дома, Рейчел.

Пока я направляюсь к лифту.

— Хорошо, — так же тихо отвечаю я.

И, зайдя в свою комнату, я пишу ему:

«Я дома».

«Я все еще чувствую твой вкус».

Я улыбаюсь и залезаю в постель, застонав в подушку, думаю об этой его большой, твердой, прекрасной части тела.

«Я тоже хочу ощутить твой вкус».

## Глава 21

# ИНТРИЖКА

### **Стена в Facebook:**

«Сент, видел твои фотки с новой девчонкой на «Игрушке». Делаем ставки, станет ли она новым развлечением на одни выходные?»

### **Twitter:**

«@МалкольмСент эй, ты что, потерял мой номер? Это Дина из «Айсберга», позвони мне»

«Прошу, зафрендь меня @МалкольмСент!»

### **Instagram:**

«Сент, кто та девчонка на «Игрушке»? Мимолетное увлечение?»

Изучив ленту Сента в Twitter, я отбрасываю телефон и ворочаюсь в постели, снова желая его. Утренние солнечные лучи показались на горизонте. Они прокрадываются сквозь ставни и падают на соседнюю подушку. Я представляю Сента, лежащего на ней, представляю, как простыни чуть прикрывают его бедра. И я здесь, рядом, могу уткнуться в изгиб его шеи, как делала вчера.

Ну да, будто он позволит женщине увидеть себя таким.

Не важно, скорее всего, это больше не повторится. «Помнишь, как он отдалился сразу после близости?» И все равно, прошлая ночь кажется сном. Прекрасным сном. Я, наверное, должна бы испытывать угрызения совести, потому что нам не стоило делать того, что мы сделали. Но не могу. Я таю от одних лишь воспоминаний. Нереальные чувства. Если бы только я могла запечатать их и сохранить, чтобы наслаждаться, когда его нет рядом. Он излучает уверенность. То, как он завел меня. Как заставил кричать. Как контролировал себя. Как ласкал меня языком.

Охх. Мне так хорошо сейчас. Я могла бы весь день так лежать и вспоминать. Но я должна. Побороть. Притяжение кровати!

Мне удастся вылезти из постели, почистить зубы и пойти на кухню. Я оглядываюсь на вошедшую следом Джину. В глубине души я понимаю, что совершаю большую ошибку, сильно рискуя. То, что я так и не рассказала

подругам, что переспала с ним, только доказывает это.

А ведь мы обсуждаем каждую мелочь. Я разговариваю с Джиной и Уинн каждый день, даже когда говорить особо не о чем. Вроде «я съела слишком много мороженого с фруктами и сиропом.»

Все, что я ответила бы — «О, оно такое вкусное».

Или: «Я снова смотрела *«Неспящих в Сиэтле»*, даже не верится, что даже спустя все эти годы, фильм все так же хорош».

«О, я люблю Мэг Райан и Тома Хэнкса. А что с ними сейчас? Где Мэг? Я скучаю по ней...»

Переспать с парнем после трехлетней засухи в личной жизни (и это с послужным списком всего в два парня, ни один из которых ничем особым не отличился), определенно точно подпадает под классификацию «материал, заслуживающий упоминания». Секс с Малкольмом Сентом — это десятка по шкале Рихтера. Ради этого стоит разбудить девчонок, если требуется. Ради этого стоит кричать, истерить и снова кричать, это стоит целого дня мечтаний на тему *«А что, если я ему и правда нравлюсь?»* и *«Что, если это снова произойдет?»* Но из-за того, что речь идет о нем, и обо мне, и потому, насколько все сложно, я не могу говорить об этом. Не могу этим поделиться, мне невыносимо делиться им или выслушивать чьи-то советы или мнение, когда я так запуталась во всем происходящем.

— Что с тобой? — спрашивает Джина.

— Ничего. Пойду писать, — нескладно бормочу я.

Я иду к своему компьютеру и сижу, уставившись на него, не написав ни словечка, просто водя пальцами по кнопкам, пока посматриваю в сторону своего телефона.

О боже, я настоящая шлюшка. Заставляя себя выдохнуть, после того, как задерживала дыхание, читаю то, что ему отправила:

«Сегодня вечером?»

\*\*\*

«Сегодня вечером», — ответил он.

Мы возвращаемся после вечера, проведенного в компании Каллена и Тахо. Мне не верится, что я так завелась, наблюдая за Сентом, восторгающимся победой «Уайт Сокс». Его друзья тоже несказанно обрадовались. Они заполнили криками квартиру Тахо. Он бегал по кругу, словно сумасшедший, и бил себя в грудь. Каллен открыл бутылку шампанского, испував всех нас. А Малкольм заставил меня пускать слюни,

когда снял свою рубашку, скомкал и бросил в телевизор.

— ДА, ЧЕРТ ВОЗЬМИ!

Он продолжал наблюдать за тем, как я хожу туда и назад.

— Эй, мы хорошо проводим время. Почему бы тебе не пригласить девчонок? — говорит Тахо.

— Нет уж, спасибо. Держи свои лапы подальше от моих девочек, — отвечаю я.

— Вообще-то, мы уже уходим, — говорит Малкольм. Подняв на него глаза, я вижу его многозначительный взгляд.

— Эй, Сент, можно мы заглянем к тебе попозже?

— Позже, — отвечает он.

Не знаю, почему, но я уже нереально дрожу.

\*\*\*

Пятнадцать минут спустя мы в его спальне, и я перекатываюсь, чтобы оседлать его, тянусь к его рту, мы продолжаем целоваться. Мы обнажены, он может играть с моей голой грудью, с сосками, проводить ладонями по моим рукам и спине. Мы меняем положение, когда Сент садится, заводя мои ноги себе за спину. Меня так возбуждает ощущение его толстого члена подо мной, что я не могу перестать целовать его челюсть и губы. Он такой твердый, что рычит, когда я легонько вожу бедрами.

*Боже, он правда, хочет меня...*

— Это ничего не значит, так? — спрашиваю я, задыхаясь, готовая, такая влажная, что мне немного неловко, когда его пальцы следуют прямо туда.

— Так, — он проводит языком по моему уху, пальцами скользя между моих половых губ.

Я смотрю на резкие черты его лица, пока медленно двигаюсь верхом на его бедрах, дразня его твердый член своей влажностью, пока он не хрипит мне на ухо «Ради того, чтобы остаться так навсегда, можно убить.»

Сент сжимает мои бедра и опускает вниз на себя, в этой позе он заполняет меня всю. Мы встречаемся взглядами и замираем. Я облизываю губы, а он уделяет свое внимание каждой моей части тела, до которой может дотянуться. Он проводит руками вниз мне по ягодицам, задней поверхности бедер, обхватывает мои лодыжки, гладит мои икры, пока я делаю все остальное.

Моя грудь колышется. Сент откидывается на спину в постели, проводит рукой вниз мне по животу и нежно поглаживает мой клитор.

— Ты невероятная, — говорит он хрипло, приподнимая голову, чтобы пососать мою грудь, отчего у меня закатываются глаза. Я просто теряю контроль.

— Малкольм, — стону я, держась за его плечи, наслаждаясь его мускулами.

Мы слышим, как хлопает дверь.

Я перестаю скакать на нем на мгновение, ощущая, какой он большой и заполняющий внутри меня, и я не хочу останавливаться.

— Шшш, — он садится, его руки на моих бедрах, удерживая меня на себе. — Это всего лишь парни, они не зайдут сюда.

Сент всасывает мой сосок в рот. Я запрокидываю голову, испытывая сильнейшее удовольствие, продолжая двигаться.

Опять шум.

— Ммм, — стону я, наслаждаясь им. Я чувствую каждый его толчок.

— Сент! — кричат парни.

Он поднимает голову.

— ЗАНЯТ!!!!

О боже, я так не могу. Я поднимаюсь, пока он не выходит из меня, слишком сильно нервничая, что меня услышат, чтобы продолжить.

— Нет, иди сюда, — он обнимает меня, нежно притягивая обратно.

— Они увидят, что я здесь с тобой! — шикаю я на него, высвобождаясь, начав собирать свою одежду.

— И что?

Пока я надеваю свои миленькие крошечные трусики и лифчик, он становится все серьезнее.

— А то, что я не хочу быть для всех твоей новой шлюхой. Это только между нами.

Я надеваю топ и юбку, а он, все еще со стояком, натягивает джинсы, и выражение его лица более, чем холодное. Он подходит и обнимает меня за талию.

— Побудь здесь, я избавлюсь от них.

Я закрываю глаза. Его прикосновение, решительное, настойчивое, приглашает меня остаться и насладиться его волосами, губами, им целиком.

— Все в порядке, — шепчу я.

— Ты уверена?

Даже легкое прикосновение его руки к моему подбородку заставляет

меня трепетать, я киваю.

Молча, мы выходим из комнаты. Сент делает мне кофе и приносит бутылку вина из винотеки.

— Привет, чувак!

Парни здороваются, а он молча смотрит на них взглядом, который явственно кричит: «Что вы здесь делаете?»

— Что ж, привет и тебе, Рейчел, — Тахо игриво поднимает брови, пока они с Калленом усаживаются в огромные кожаные кресла в гостиной. — Знаешь, Рейч, люди спрашивают меня о тебе. Особенно старые знакомые Сента, — продолжает он.

— Воображаю. После торжественного вечера в честь Interface у меня резко прибавилось подписчиков в Instagram, FB и Twitter, — отвечаю я.

— Каллена допытывают даже настойчивее меня, — добавляет Тахо.

— Потому что ты животное, многие девчонки тебя боятся, — Каллен кивает в его сторону и переводит взгляд на меня. — Он не просто достиг половой зрелости в свое время, он ворвался в нее на полной скорости.

Я смеюсь.

Они смотря на меня, будто ожидая, что я объясню происходящее, но я не собираюсь. Думаю, эти двое просто боятся доставать Сента. Не получив ответа, ребята начинают болтать о своем.

Я стараюсь мысленно делать заметки, но они в основном говорят о «Уайт Сокс».

Я сворачиваюсь калачиком на диване, отставляю кружку в сторону, устроившись с маленькой подушкой. Сент садится напротив меня, возможно из-за того, что я сказала ему о том, что не хочу, чтобы они считали меня его шлюхой. Я улыбаюсь ему в знак благодарности.

Он улыбается мне в ответ, делая глоток вина.

Я пытаюсь убедить себя, что мне бы лучше уйти домой (несмотря на то, что мое тело протестует от одной только мысли, что я не увижу его кто знает, как долго), когда я слышу, как Тахо буднично сообщает Малкольму: «Ее подруги заедут.»

Я с грохотом ставлю чашку кофе на стол.

— Что?

— Ага. Я пригласил их.

— Ты? Тахо, откуда ты вообще знаешь моих подруг?

— Джина «лакомый кусочек»? — он ухмыляется. — Сент тогда заявил на тебя свои права. И узнал твой номер домашнего телефона.

Я перевожу взгляд на Малкольма, краснея, но он смотрит в ответ прямо и решительно.

И правда, как и сказал Тахо, спустя пятнадцать минут Уинн и Джина появляются в квартире Сента при полном параде. Они замирают с раскрытыми ртами, оглядываясь по сторонам, и мне становится неловко от того, сколько времени им требуется, чтобы прийти в себя. Парни ведут их в гостиную с огромным телевизором, размером с экран кинотеатра.

— Что вы, девчонки, задумали? — игриво спрашивает Тахо, смотря прямо на Джину. — Что вы с таким жаром обсуждали, выходя из лифта?

— Э... — колеблется с ответом Уинн. — Мы обсуждали личную жизнь Рейчел, — выпаливает она. — Как она прекрасно обходилась без мужчин всю свою жизнь. Ни одного бойфренда, никогда-никогда.

— Правда? — спрашивает Тахо. — Так она что, девственница?

Малкольм напряженно молчит, после чего огрызается: «Чувак, мы с Рейчел...»

Он замолкает под моим взглядом, и наступает полнейшая тишина.

— Вы с ней что? — спрашивает Тахо.

Он удивленно вскидывает бровь, вопросительно смотря на меня.

— Вы с ней что?! — эхом повторяет Джина.

Малкольм продолжает смотреть на меня, словно только сейчас поняв, что я и от друзей скрывала все происходящее. Я лихорадочно думаю, как бы он мог теперь закончить это предложение о нас. Ну же. Что мы с ним делаем?

— Вы двое спите друг с другом, твою ж мать, понадобится кляп, чтобы я не сказала вслух все, что сейчас думаю! — говорит Уинн.

— Я готов помочь, если тебе такое нравится, — предлагает Тахо.

— Ничего серьезного, правда, — встречаю я, успокаивая моих шокированных подруг. — Мы всего пару раз встретились. И все.

Подруги смотрят на меня в замешательстве, а Малкольм — молчаливо оценивая.

— Чувак, всего пару раз? И, похоже, третьего раза не будет! — смеется Тахо.

— Заткнись, идиот. У меня все под контролем, — Малкольм подходит к дивану и шлепается рядом со мной, тянется и целует меня в висок, низко и хрипло шепча так, чтобы только я могла услышать «Эта конфетка принадлежит мне.»

— Малкольм, — клянусь, я покраснела от корней волос до кончиков пальцев.

— Ты только посмотри, какой румянец, — тихонько смеется он, явно забавляясь происходящим, на его лице улыбка, а темные глаза поблескивают.



— Пару раз? — запоздало взрывается Джина, отойдя от шока. — И ты не подумала рассказать об этом своим лучшим подругам?

Сент уходит в винотеку (специальный холодильник со стеклянными стенами позади бара), приносит бутылку вина и бокалы, все это время с любопытством поглядывая на меня.

— Мне не показалось это стоящим внимания, — неловко выкручиваюсь я.

— Учитывая... — Джина хмурится, — Учитывая, — она указывает на Сента. — Это стоило внимания.

Джина смотрит на него.

Затем на меня.

— Это не важно, — говорю я.

— Ооооо, мужик, это плохо, — подкалывает Сента Каллен.

— Ах ты, хитрец, — говорит Тахо. — Вы трахались все это время. Спорю, вы, блин, трахались прямо сейчас, когда мы пришли.

Малкольм бросает на меня взгляд в молчаливом вопросе, после чего отвечает шепотом, низким голосом: «Рейчел — настоящая леди».

Я становлюсь красной, как помидор.

Малкольм взглядом явно спрашивает меня: «В чем дело?»

— Черт, спорю, вы с этой леди продолжите трахаться сразу, как мы уйдем!

— Достаточно, Ти, — бормочет Сент, наливая вино, продолжая смотреть на меня с беспокойством во взгляде. Он пытается понять, что делать, видно, что он ждет подсказки от меня, но прямо сейчас я не могу включить голову, чтобы придумать, что ему подсказать. О боже.

— Давай поспорим, — неожиданно говорит Тахо Каллену, после чего поворачивается к Малкольму. — Если тебе удастся обольстить эту леди, я отдам тебе свои колеса. Если нет, ты отдашь мне одного из своих «бугатти-жучков».

Сент опускает свой бокал, а я смотрю на него, ожидая его реакции.

Как и мои подруги.

Похоже, ответ на вопрос, который так их интересует — «Сплю ли я с Сентом» — прозвучит прямо сейчас.

А Сент смотрит на меня, в его взгляде вызов и власть, когда он говорит: «По рукам. Я заполучу ваши машины, когда закончу».

Парни одобрительно кричат.

Кровь проносится по телу, меня бросает в жар от возбуждения, но также и от унижения.

— Сент! Ты же говорил, что она слишком хороша для тебя! — кричит

Тахо, тыкая в Сента пальцем. — Стоит ей узнать тебя настоящего, и она сбежит.

Я не свожу взгляда с Малкольма, а он смотрит в ответ, слегка улыбаясь победной улыбочкой, когда наливает себе новый бокал вина и делает глоток. Словно все отлично в мироустройстве, потому что он снова на вершине.

И я взрываюсь.

— Скажи мне, что ты только что не поставил свои машины на то, что сможешь меня... — я замираю, и, когда он кивает, ухожу за своей сумкой. — Ладно, достаточно. Мы уходим. Спасибо за чудесно проведенное время, Сент, — тихо произношу я, спеша к лифту.

Он подходит следом.

— Вернись обратно, Ливингстон. Уходят все, кроме тебя...

Я продолжаю идти, и он сдвигается, чтобы своим большим телом преградить мне дорогу.

— Ты не слышала, что я только что сказал парням? — спрашивает он нежно. В его взгляде любопытство, кажется, он полностью озадачен моим поведением, будто я должна была быть в экстазе от того, как он заявил на меня свои права.

— Слышала, и именно поэтому ухожу.

Я проношусь мимо, оборачиваюсь в лифте и смотрю на него в последний раз, но его взгляд такой же закрытый и нечитаемый, как и выражение лица.

\*\*\*

Девчонки заходят в лифт следом за мной.

— Рейчел, ты увязла по уши. Ведь ты уже пообещала статью Хелен.

— Уинн, я знаю, — я качаю головой, потому что обе мои подруги выглядят обеспокоенными моей ситуацией. Я только сейчас понимаю, насколько безответственной стала.

Я расхаживаю туда-сюда по кабине лифта. Мучаясь от того, как ушла.

Даже не верится, какие эти влиятельные бизнесмены на самом деле, мальчишки. Но мне все равно нравится один из этих мальчишек — безжалостный и амбициозный. Тот, которому не нравится проигрывать. Мне нравится этот мальчишка, мне все еще хотелось сегодня остаться с ним и, прежде, чем заявили его болваны-друзья, я знаю, он тоже хотел быть только со мной.

— Он повел себя с тобой как мудака, правда ведь? — говорит Джина, словно читая мои мысли, оборачиваясь к Уинн за поддержкой. — Все это плохая идея, Уинн. Ты согласна?

Я не даю ей ответить.

— Вы двое, вечно давили на меня, чтобы я начала с кем-нибудь встречаться. Что ж, я выбрала Сента.

— Который так же твой объект исследования, — добавляет моя соседка.

— Спасибо за напоминание, Джина. Ладно, что ж, у меня был момент слабости. Или... несколько. С ним так легко. Он отличается от того, что я себе представляла, и я потеряла голову, — я хмурюсь. — Послушайте, все по-честному. Он ведь ни с кем не встречается, так?

Они обе молчат.

— Ты переспала с ним и не сказала мне? Мне так обидно, Рейчел, — шепчет Джина.

— Что я могла сказать? Влияние Сента подчинило и меня?

— Вы тут ночь напролет разбирали фасоль от гороха, а ты, Золушка, даже не подумала нам рассказать!

Я вздыхаю, когда мы доезжаем до холла, понимая, что не хочу уходить. Я останавливаюсь и говорю: «Я возвращаюсь обратно».

Мои подружки становятся кружком возле меня.

— Рейчел, я всеми руками за интрижку, но есть причина, по которой он не встречается ни с кем больше трех раз... — говорит Уинн.

— На самом деле, четырех. Он помешан на цифре «четыре».

— Я все это делаю не потому, что стерва, — говорит мне Джина. — Я делаю это, потому что ты моя лучшая подруга, и я тебя люблю. У тебя было не так уж много свиданий, ты никогда этого не хотела, так что я предупреждаю тебя сейчас — я ни за что на свете не хочу, чтобы ты чувствовала то же самое, что чувствовала я, когда Пол меня бросил. Я бы и злейшему врагу не пожелала почувствовать себя такой использованной, никчемной, ничтожной, непривлекательной и полнейшей дурой, какой я себя чувствовала из-за того, что любила его.

Мы смотрим друг на друга.

— Ты знаешь, если ты решишь идти до конца с Сентом, я буду там, чтобы передавать тебе платочки, как в свое время делала ты. Но надеюсь, ты в курсе, что я так сильно волнуюсь за тебя, что, если ты пойдешь туда и тебе разобьют сердце, мое тоже будет разбито.

У меня начинает щипать глаза. Есть поддержка, о которой просишь, а есть та, которую тебе просто оказывают без вопросов. Мы обнимаемся, и я

обещаю, что у меня все под контролем, когда захожу в лифт и еду обратно в пентхаус.

Я вхожу внутрь. Все мое тело покалывает, когда один его взгляд сексуальных зеленых глаз отрывается от того, что кажется началом игры в покер, и находит меня. Сент бросает карты и встает, а в его глазах вспыхивает настоящее хищное желание. Я ощущаю его *всем телом*.

Мой голос становится хриплым, когда я шепчу:

— Джентльмены, — обращаюсь я к двум шокированным парням, — если вас не затруднит, оставьте ключи от своих автомобилей у консьержа.

Дьявольская ухмылка Сента — я никогда ее не забуду.

Я становлюсь влажной, когда Малкольм говорит своим друзьям уйти.

— Сейчас.

\*\*\*

Я становлюсь влажной из-за него. Из-за того, как он указывает мне на спальню, пока смотрит, как лифт опускается вниз и вводит код, чтобы никто не мешал нам, пока мы здесь. Все мои чувства обостряются, когда он идет следом за мной в спальню, и, когда я разворачиваюсь спиной к кровати, Сент подходит прямо ко мне.

Он ничего не говорит, только смотрит на меня, а потом обхватывает руками мою талию, и я заливаюсь ярким румянцем. Я чувствую нежные, словно перышко, прикосновения его губ, теплые, легкие, затем давление усиливается, когда он снова прижимается губами к моим, идеально сочетаясь, настолько, что заглушает мое «боже»... Это поцелуй, который превращается из сухого во влажный, из медленного в быстрый, из легкого в глубокий...

Я начинаю задыхаться, скользя пальцами между пуговиц его рубашки.

А Сент продолжает целовать меня, медленно и влажно. Обжигающий поцелуй. Поцелуй, который (я знаю точно) многое для него значит. Он обхватывает ладонью мою грудь, и ласкает ее, легонько потирает пальцем сосок, а его искушенное прикосновение обещает, что никто и никогда не сможет насытить, взять и удовлетворить меня так, как это сделает он.

— Сколько женщин ты целовал? — спрашиваю я у его великолепного рта. Я ревную ко всем тем женщинам, что расспрашивают его друзей о нем. Стоит Сенту просто опустить взгляд на мои влажные, покрасневшие, им зацелованные губы, как я отстраняюсь и пачусь к кровати.

*Сколько женщин расспрашивают о Сенте...?*

Я кусаю нижнюю губу, чувствуя, как желание внизу живота поднимается вверх. Я задаюсь вопросом, делали ли эти женщины то, что я, будучи шокирована своими желаниями, тайно хотела сделать, когда встретила его — сорвать с него рубашку. Он источает сильнейшие сексуальные феромоны, сводя меня с ума от желания понюхать его, прикоснуться, попробовать на вкус эту широкую плоскую грудь и накачанные руки, и полные губы. Спорю, эти женщины пробовали больше, чем я смогу *решиться*. Спорю...

— Иди сюда.

Он берет меня за руку, останавливая, не давая отдаляться от себя. Я не могу дышать. Он смотрит на меня вниз своими блестящими зелеными глазами из-под полузакрытых ресниц... Смотрит на мои волосы, в глаза, на мои губы и на наши сплетенные руки.

— Кого целовал? — наконец-то спрашивает он. Большим пальцем он медленно поглаживает тыльную сторону моей ладони, притягивая меня обратно к себе, касаясь губами моего лба.

— Кого целовал, где? Вот сюда? — дразнит Сент меня огрубевшим, хриплым голосом.

— Нет, — стону я и смеюсь, уткнувшись лицом ему в грудь. Он пахнет чистотой, мятой и... просто мужчиной. Все еще удерживая меня, он переплетает наши пальцы. Другую руку он поднимает, кладя ладонь мне на щеку, целуя меня в кончик носа. — Может сюда? — он опускает голову и начинает целовать мне шею, легонько поддразнивая меня поцелуями, начиная с ключицы до уголка челюсти.

— Нет, — выдыхаю я. Моя грудь быстро поднимается и опускается, я вся дрожу. Я просто хочу, чтобы он продолжал касаться меня, обнимать меня, целовать меня.

— Сколько мужчин целовали тебя сюда? — его улыбка гаснет, а глаза загораются огнем, когда он проводит серебряным кольцом на большом пальце по моим губам.

Я поднимаю голову, подставляя рот для поцелуя.

— Двое... и ты.

— Но ни один не был здесь? — одним движением он погружает палец внутрь. — Никто не был в этом рту.

— Нет... — я вытаскиваю его рубашку из пояса брюк. — Я хочу, чтобы *ты* был.

Я поднимаю ткань его рубашки вверх по груди, и он снимает ее через голову резким рывком. От этого его роскошные волосы взъерошиваются, он словно только что из постели, отчего в моих глазах Сент становится еще

более притягательным, потому что выглядит доступным. Властным, но человеческим. Настолько, что я могу чувствовать жар его тела. Пытаясь отдышаться, я тянусь и глажу его твердые мышцы груди, посасываю его сосок. Провожу руками вверх по его бицепсам.

Он ладонями обхватывает и слегка приподнимает мое лицо для поцелуя. Я подчиняюсь без возражений, позволяя ему действовать по своему желанию.

От его поцелуя моя кровь словно становится горячим, бегущим по венам. А губы Сента — огонь, разжигающий во мне пламя.

Я позволяю ему ласкать себя, его язык легонько касается моего, затем он жарко целует мое горло, вершинки моей груди. Она становится тяжелой, а между ногами начинает нереально ныть.

Он оставляет поцелуй прямо между грудей, после чего дразнит вершинку соска через топ. Прикосновение его языка возбуждает меня. Дрожа, я не шевелю ни одним мускулом, и он не останавливается.

Он прокладывает себе путь обратно к моим губам. Я тут же открываю рот и обхватываю руками его шею. С остервенением я отвечаю на его поцелуй, не сдерживаясь, пока обеими руками он прокрадывается мне под мой топ.

Удерживая меня рядом, Сент поворачивается спиной к постели и падает на нее, увлекая меня следом. Быстро перевернувшись, он оказывается сверху. Приподнявшись на одном локте, он смотрит вниз на меня. Такой красивый. Я смотрю на него снизу вверх, его ресницы опущены, а глаза темные от возбуждения. Подняв голову, я сплетаю наши языки, кружа, надавливая, пробуя. Толкнувшись вперед, он старается не раздавить меня, но придвинуться ближе так соблазнительно. Так приятно ощущать его, на вкус он - чистое блаженство. Я опускаю руку и провожу по его прессу, желая коснуться его.

Его член был создан для оральных ласк и секса, я чувствую его твердую длину под своими пальцами. Затем он опускает руку мне между ног, и дразнит меня пальцем, спрашивая:

— Хочешь этого?

Покачивая бедрами в ответ на его прикосновения, я выдыхаю:

— Да.

Сент медленно покусывает мои губы, не спеша.

— Ты так хорошо пахнешь, — шепчет он мне на ухо. Он хочет меня, физическое влечение между нами звенит в воздухе. Я пахну, как женщина, готовая к сексу, запах моих духов смешался с запахом шампуня и мыла, и ароматом Сента, сводящего меня с ума.

Я ловлю ртом воздух, каждый вдох наполнен его ароматом, каждая часть моего тела помнит, каково это — ощущать его внутри. Под влиянием момента, я погружаю руки в его волосы и расставляю ноги, чтобы почувствовать его именно там, где он нужен сильнее всего. Обхватив мою попу, он приподнимает меня, все так же медленно уделяя внимание моему рту, и я понимаю, что Сент не намерен спешить, он проведет со мной всю ночь, пока не насытится. Поняв, что меня подвергнут сексуальным пыткам, я стону, мучаясь от отчаяния.

Он наклоняет мою голову назад, чтобы встретиться со мной взглядом. Он бережно придерживает мою голову, пока другой рукой обхватывает мою шею, глядя пульсирующую вену большим пальцем.

— Чего ты хочешь, Рейчел? — шепчет он тихо. — Скажи, как ты хочешь, чтобы все было. Хочешь, чтобы это произошло сейчас?

Наблюдая за мной, Сент ведет рукой по моей шее, по ключице, расстегивает лифчик и легко отбрасывает его в сторону.

— Ты такая отзывчивая, когда я касаюсь тебя, что я с трудом удерживаюсь на грани, наблюдая за тем, как ты кончаешь.

Он тянется к моему поясу и расстегивает юбку, спуская ее по моим ногам. Он не торопится, чего не сказать обо мне. Я так спешу увидеть его обнаженным, что сбрасываю юбку и тянусь к нему, как безумная нимфоманка, мои пальцы дрожат, пока я расстегиваю молнию на его брюках.

— Раздевайся, раздевайся, Сент, — умоляю я, едва дыша.

Когда его обжигающе-теплая кожа соприкасается с моей, я одновременно в раю и в чистилище. Пробегаю руками вниз по его спине, хватая его за упругую задницу, чтобы притянуть ближе к себе. Он ласкает горячим и влажным языком мой сосок. Я стону. Его аромат очаровывает меня, а намек на его вкус остается на моих губах. Если это не самая искусная форма пытки, то я не знаю, что.

Сент наклоняет голову и проводит языком по второму соску, я дрожу и расставляю ноги, а он дразняще проводит двумя пальцами по моим складкам.

— Прошу, — говорю я.

Он вводит в меня кончик среднего пальца, но тут же вынимает. Яростное желание бурлит у меня между ног, когда я поднимаю бедра и, мучаясь от желания, пытаюсь следовать за его пальцем. Он удерживает меня на месте, там, где хочет. Под собой, беспомощную и дрожащую. Прикусив мою нижнюю губу, он оттягивает ее вниз. Мучительно нежно.

Я тихонько стону, а он сдвигается надо мной и теперь его мускулистое

тело прямо на мне. Боже помоги мне, он полностью мной владеет. «Сент... Сент...» Мои мысли расплываются, когда он погружает язык мне в ухо. Этот мужчина весь мир превратит в грешников.

Сент смотрит на мои покрасневшие соски. Я рычу, когда он опускается, чтобы лизать и пробовать их, пока ласкает мой клитор гладкими умелыми пальцами. Подушечкой большого пальца он выводит круги, затем потирает меня, а средний палец погружает внутрь, и я уже на грани.

Я притягиваю к себе его лицо, дрожа от возбуждения, пока целую его, наклоняю голову и жестко сосу его язык. Он рычит, когда я позволяю ему скользить вверх и вниз между моих ног. Я настолько изголодалась, что, если он войдет в меня, я кончу раньше него. Но он наслаждается своим влиянием на меня, и, кажется, хочет его продлить. Головка его члена массирует вход в мою вагину.

Сент прекрасный, дикий и могущественный, и я хочу, чтобы он кончил внутри меня. Но я знаю, что это безрассудно, поэтому, тяжело дыша, наблюдаю, как он раскатывает презерватив и смотрит на меня, его грудь вздымается от глубоко дыхания.

Мы смотрим друг на друга, пока я расставляю ноги, а он снова трется об меня. Он снова растягивается надо мной. Одним движением Сент заводит мою ногу себе на бедро, и прижимается ко мне. Застонав, я вцепляюсь ногтями в его мускулы. Он смотрит на выражение моего лица, когда начинает проникать внутрь. Его тело вибрирует, я перестаю дышать, когда он вынимает член, затем вновь входит в меня, весь мокрый от моих соков, и такой твердый. Я не могу думать или говорить, я лишь вбираю его, его рот, трепет, с которым он смотрит на меня. Он следит за каждым моим движением, каждым вздохом, каждым страстным неудержимым стоном.

Сент протягивает руку между нами и легонько трет подушечкой пальца мой клитор, наблюдая, тяжело дыша, едва ощутимо кружа пальцем, пока вбивается членом настолько глубоко, насколько хочет, готовясь насладиться то сжимающейся, то ослабляющейся пульсацией моего тела.

Оргазм. Яростный и неудержимый. Он проносится сквозь меня, как ураган, затрагивая каждый уголок моего тела. Сент прижимает меня за бедра к матрасу, продолжая двигаться, продлевая мой оргазм невыразимо приятными толчками, пока я изгибаюсь, ища его рот. Он одаривает меня сокрушительным поцелуем, и я чувствую, когда он доходит до точки, этой магической точки, потому что энергия сжимается, как пружина в его теле, становясь все плотнее и плотнее с каждым толчком.

Я все еще наслаждаюсь пульсацией после оргазма, когда его тело



напрягается, и я чувствую толчки его члена, когда он кончает внутри меня. Сент обхватывает мое лицо, удерживая меня, пока замедляет ритм. Мы медленно, но страстно целуемся, пока наши тела разделяются.

— Вау, — говорю я, задыхаясь.

— Да уж, — говорит он. За этим следует тихий смех, и его глаза мерцают от удовольствия. Он выглядит довольным моей открытостью. А может просто... сексом со мной.

Сент переворачивается на спину, я прижата к его боку, он обнимает меня одной рукой, согнув другую под головой, и его грудь вздымается от дыхания. Он опускает глаза и убирает с моего лба локон мокрых волос.

— Я почти готов повторить. А ты?

Я не могу дышать, но кому нужен воздух?

— Я тоже.

Что я делаю? Что я делаю? ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ, РЕЙЧЕЛ?

— Еще раз, прежде, чем я уйду, — говорю я, перекатываясь и садясь на него сверху. И, боже, он так хорош, что я бы осталась с ним, если бы могла.

\*\*\*

Спустя один секс-марафон с многочисленными оргазмами...

— Почему ты не рассказала обо мне подругам? — спрашивает Малкольм.

Я медлю с ответом, пока одеваюсь.

Выражение его лица не раздраженное, но не скажу, что он выглядит счастливым. Он выглядит немного отстраненным, веки прикрыты после последнего оргазма, взгляд затуманен.

— По тем же причинам, почему не хотела, чтобы знали твои друзья.

— По каким причинам? — спрашивает он.

— Мы просто дурачились. Ничего серьезного, — я застегиваю молнию на юбке и стою там, смотря на него. — Ты злишься?

— Мне любопытно.

Я продолжаю смотреть на него.

— Ты привык выставлять напоказ своих любовниц, а они обожали распространяться о том, что спали с тобой, я так не делаю.

— Не слишком ли мы стары для игр в прятки, Рейчел?

— Не слишком ли мы стары, чтобы делать ставки на то, что ты сможешь меня заполнить?

На губах Сента появляется улыбка, но до глаз она не доходит.

— Тебе было невыносимо от того, что они решат, будто ты хочешь меня, но не можешь получить.

— Все верно.

— Почему?

— Потому что я заявил на тебя свои права.

— Я не понимаю тебя, Малкольм. Видишь, поэтому я и не хочу ни с кем встречаться. Меня бы убили попытки понять своего мужчину.

— *Его* тоже убивают попытки понять *тебя*.

Я удивленно моргаю.

Он продолжает, будто то, что он сказал, не было чем-то важным. Будто мое сердце не замерло в груди в странной надежде и страхе.

— Видишь ли, — продолжает он, — обычно девушкам нравится, что все знают, что они оказались в моей постели. Некоторые утверждают, что побывали здесь, хотя я их ни разу не встречал. Ты первая, кто была, но не хочет быть.

Я опускаю голову, когда чудовищное чувство предательства и обмана накрывает меня.

— Если бы я не хотела тут быть, то не была бы, — тихо говорю я. — Я здесь, несмотря на... несмотря на тот факт, что мне вовсе не стоило быть здесь, — объясняю я, поднимая на него глаза.

«Мне не стоило быть здесь, Сент», — думаю я печально.

Но он только смотрит на меня с тем же озадаченным видом, который у него бывает, когда он пытается разгадать меня. Я поднимаю топ и чувствую, как он наблюдает за мной, пока я одеваюсь. Именно такого разговора не ожидаешь от того, с кем провел одну ночь. Но он не увлечение на одну ночь. *Кто же он?*

— Я не хочу быть номером в этом списке. От одной только мысли обо всех тех женщинах, что у тебя были, мне хочется пойти записаться на курсы танцев у шеста.

— Почему? — смеется он.

— Потому что я вся такая скучная. Я просто обычная... девчонка. А ты - это ты.

*А я одержима.*

Уже перевалило за три часа ночи. Мы помятые и должны быть расслаблены после всего сумасшедшего секса, что у нас был. Но челюсть Сента напряжена, отчего напрягаются мои мускулы. Я хочу снова запрыгнуть на него и стереть это напряжение тем способом, которым мы это делали раньше, но меня начинает пугать эта одержимость. Пугает он.

Стоя в дверях, я оборачиваюсь, чтобы попрощаться, но он уже надевает свои сексуальные черные боксеры, а затем и брюки.

— В это время там не безопасно, — шепчет он.

— Там никогда не безопасно, — бормочу я.

Обнаженный по пояс и босиком (отчего у меня все еще бабочки в животе, даже после того, как его руки побывали на каждом сантиметре моего голого тела) он сопровождает меня к лифту и ждет рядом со мной, пока тот приедет. Когда он издает звук «динь», Сент поворачивает меня лицом к себе. Я позволяю ему поцеловать себя в губы и целую в ответ, обнимая его всего на секунду. На две. А затем отдаляюсь и захожу в лифт.

— Пока.

Я вижу что-то глубоко интимное в его взгляде, когда он наблюдает за мной, удерживая мой взгляд до тех пор, пока двери лифта не закрываются между нами.

Боже, я и подумать не могла, что мужчина может так на меня смотреть.

Я выхожу из здания, когда вижу выходящего из «роллса» водителя.

— Мисс Рейчел, — здороваются он, открывая дверь автомобиля.

«Ох, Сент, *серьезно?*»

Я смотрю вверх на здание, но верхних этажей даже не видно. Я собираюсь поспорить с Отисом, но сейчас три часа ночи.

Пока я сажусь на заднее сидение машины, я слышу, как кто-то говорит: «Мистер Сент, добрый вече... доброе *утро*» позади меня. Я только успеваю сесть, когда вижу его лицо, и это *происходит* — мое сердце подпрыгивает в груди, как делает каждый раз, когда я его вижу.

— Рейчел, — говорит Сент, берет меня за руку и вытягивает из машины.

— Что... что ты делаешь?

— То, что должен был сделать раньше.

Я отказываюсь идти дальше, когда он берет меня за руку и прижимает к себе. Я смотрю на него широко раскрытыми глазами от удивления.

— Ты с ума сошел.

— Так и есть, — соглашается он, приподняв бровь. — Ты сама поднимешься вверх или мне отнести тебя?

— Прощу, не надо меня нести, — отвечаю я, замечая *шокированное* выражение лица Отиса.

— Тогда пошли со мной.

Я делаю шаг вперед, его сильные пальцы сплетаются с моими, и вот мы снова в лифте. Когда дверь открывается, и никто уже не может нас видеть, он подхватывает меня на руки и перекидывает через плечо.

— Сент! Малкольм СЕНТ! Опустим меня, что ты творишь?

— Скоро опущу.

Я замираю, тая внутри, мое сердце сходит с ума.

— Не верю, что ты делаешь это, — говорю я в неверии, когда он бросает меня на кровать.

— Да, делаю. Ты спишь здесь. Ты остаешься здесь на всю ночь.

Будучи, кажется, серьезно настроенным, он стаскивает топ через мою голову, помогая мне удобнее устроиться. И хоть я знаю, что мне не стоит оставаться, знаю, что мне не должно так сильно нравиться то, что мы вместе, знаю, что не могу сейчас мыслить здраво (да я вообще не могу думать), это не останавливает меня от расстегивания его рубашки на бешеной скорости, пока я не стаскиваю ее с его груди, вздыхая, когда он ложится на меня сверху.

\*\*\*

@МалкольмСент правда, что у тебя появилась подружка? #явпечали #прошускажинет

Я опускаю телефон и поворачиваюсь в постели спустя два часа, чтобы посмотреть на мужчину, лежащего рядом.

Я протягиваю руку, чтобы коснуться его подбородка. Я смотрю на его сексуальный рот, не двигающийся во сне. Я осталась ночевать у парня после дикого, безудержного секса. Я. Всю свою жизнь страх быть отвергнутой, или что мужчина причинит мне боль, заставлял меня фокусироваться исключительно на вещах, которые я могу контролировать. Моя учеба, моя карьера. Мое тело и его нужды были подавлены моим мозгом долгие годы, это правда. Но не сейчас, не этой ночью, не с этим мужчиной.

То, как он хочет меня... от этого у меня перехватывает дыхание.

Прежде, чем я понимаю, что делаю, я провожу пальцами по его лицу, сначала обводя контуры его подбородка, восхищаясь колючим ощущением от отросшей за ночь щетины.

У Сента пухлые, плотные и такие розовые губы, что мой пульс ускоряется, а губы сжимаются, завидуя моим же пальцам.

Не раздумывая, я задерживаю дыхание и, стараясь не шуметь, наклоняю голову. «Ты заставляешь мой мир крутиться так сильно и так быстро». Слова отдаются вибрацией у меня в сердце, пока я обхватываю

ладонями его подбородок и осторожно прижимаюсь губами, чтобы не разбудить его.

Что-то тягучее и теплое проносится во мне. О, боже, Малкольм...

Я прижимаюсь к нему ближе, ощущая его, смотря на него. Никогда бы не подумала, что увижу его таким, спящим со мной после секса. Я восхищалась его улыбкой, задорным блеском его глаз, когда он дразнил меня или посмеивался, и тем, как он защищал меня, когда его друзья становились излишне навязчивыми по отношению ко мне. Никогда не думала, что у меня будет связь с таким мужчиной.

Я люблю, что Сент такой сфокусированный и рациональный, но с друзьями он становится обычным подростком — очень большим, очень красивым мальчиком-подростком с очень дорогими и очень мощными игрушками. Я люблю работать над материалом о нем, брать у него интервью, потому что с жадностью ловлю каждую деталь, о которой он рассказывает. Я люблю быть маленькой частью его жизни, а прямо сейчас видеть его таким, которым не думала, что увижу, обнаженным, в постели, спящим. Я привязалась к нему намного сильнее, чем предполагала возможным.

Так что, когда он одной рукой обнимает меня, открывая рот под моими губами, проникая своим теплым влажным языком внутрь, и тысячи всплеск удовольствия проносятся по моим нервным окончаниям, единственное, что я могу сделать (единственное, что я хочу сделать) — это позволить этому чувству и ему самому завладеть мной.

## Глава 22

# ВОЗБУЖДЕНИЕ, ЭКСТАЗ И РАЗОБЛАЧЕНИЕ

Воскресенье мы провели с мальчишками, смотря очередную игру «White Sox».

Я твердо намерена делать заметки на телефоне, чтобы позже добавить к остальным материалам, но я так расслаблена, что позволяю себе немного побездельничать.

Я начинаю чувствовать себя комфортно в их компании, они будто шумные старшие братья, которых у меня никогда не было. Они оба, похоже, были на каком-то приеме, потому что на них костюмы, галстуки отброшены в сторону, пиджак одного свисает со стула, второго — на диване.

Комментатор что-то говорит о голе, или может, это был тачдаун или что-то вроде того, и парни прильнули к экрану телевизора. Я сижу рядом с Малкольмом, одетым в светло-синюю хлопковую футболку, обтягивающую его плечи, и светло-голубые джинсы. Он выглядит расслабленным, но властным, развалившись на диване. Каллен с Тахо обсуждают какого-то игрока, а Малкольм смотрит на экран, периодически делая глоток вина. Все верно, никакого пива. Они смотрят игры, попивая «Пино Нуар».

*День из жизни Малкольма Сента.* Я смеюсь про себя и стараюсь сосредоточиться на игре, но все, о чем могу думать — рука Малкольма на моей спине. Он выглядит так притягательно в этой футболке, что мне хочется только свернуться калачиком поближе к нему, уткнувшись лицом ему в грудь, и чтобы он прижимал меня к себе своими сильными руками. Вместо этого, между нами на диване почти 10 сантиметров, которые я умышленно оставила по той же причине, почему хочу забраться к нему на колени. Мне нужно успокоиться.

И в этот самый момент Малкольм опускает руку мне на бедро и одним движением подтягивает меня к себе. В результате я касаюсь его бедром, а он обнимает меня.

— Так-то лучше, — говорит он, довольный собой, откидывается на спинку дивана и продолжает смотреть игру. Еще один глоток «Пино Нуар».

Тахо, кажется, заметил небольшой маневр Малкольма, потому что

начинает смеяться. Малкольм бросает взгляд в его сторону и прижимает меня ближе.

*Мужчины.* Я закатываю глаза и прикусываю внутреннюю сторону щеки, чтобы не рассмеяться. Повернув голову, я обнаруживаю, что Малкольм смотрит на мои губы, как я едва заметно улыбаюсь.

— Этот рот, — говорит он, тянется и подушечкой пальца раскрывает мои губы. Он все еще смотрит на них, когда опускает руку. Он наклоняется, чтобы поцеловать меня, а я, испугавшись, отворачиваюсь. Он только хихикает, оставляя поцелуй на моей щеке.

— Черт, ни разу такого не видел, — говорит Каллен.

— Чего? — спрашиваю я.

— Чтобы короля отвергала женщина, — говорит он, указывая на Малкольма.

— Я не отвергала его! — выпаливаю я. Вполне уверена, что покраснела. Я поворачиваюсь, чтобы взглянуть на Малкольма, он слегка хмурится. Уверена, он сделал пометку у себя в голове «позже надрать Каллену задницу».

— Так и было, — настаивает Каллен. — Тебе придется загладить свою вину позже, — он подмигивает мне, и я чувствую, как напрягается Малкольм рядом со мной.

— Что? Что я пропустил? — говорит Тахо, не отводя взгляда от телевизора.

— Да так, ничего особенного, просто нашего парня тут...

— ДАА! ЧЕРТ, ДА! ВОТ ТАК! — Тахо вскакивает со стула и хлопает в ладоши. — Вперед, вперед, вперед!!!

Думаю, случилось что-то хорошее. Каллен с Малкольмом возвращают свое внимание к телевизору и присоединяются к небольшому торжеству Тахо. Я чувствую, как грудь Малкольма вибрирует от его низкого голоса, и неосознанно наклоняю голову чуть ближе к нему.

Он придвигается к моему уху и объясняет, что произошло. Я киваю, но все, о чем могу думать — как звучит его голос. Глубоко и мужественно. И я снова хочу забраться к нему на колени.

Он целует меня в висок и смотрит обратно на экран.

Это уже слишком. Я пытаюсь отодвинуться от него, но он только усиливает хватку вокруг меня. Черт.

До этих пор бейсбол меня особо не интересовал, и хоть я настолько расслаблена, что в любой момент могу отключиться, Малкольм всеми этими дурацкими легкими прикосновениями показывает мне, что он обо мне не забыл. Иногда это поцелуй в макушку или его рука у меня на бедре,

или поглаживания пальцем моего запястья. От каждого такого прикосновения я растворяюсь и рассыпаюсь, все сильнее и сильнее. Это легкие, пустяковые касания, но от них у меня кружится голова и внутри все переворачивается.

Я обещаю себе, что не стану, но к концу игры прижимаю голову к его груди, а он притягивает меня всё ближе. Каллен и Тахо продолжают глазеть на нас: А) будто мы какие-то динозавры/вымершие животные и они глазам своим не верят; Б) будто мы какое-то волшебное чудо, которое может исчезнуть в мгновение ока. Насколько я понимаю, они не привыкли видеть Малкольма таким. И я чувствую, будто играю с огнем. Я чувствую, что чем ближе я к нему прижимаюсь, чем больше расслабляюсь рядом, чем уютнее устраиваюсь у него на плече, тем сильнее меня обожжет потом.

В какой-то момент игры, я встаю, чтобы проветриться, потому что чувствую, что делаю то, что не следовало бы. Требуется вся моя выдержка, чтобы отодвинуться от его широкой груди и уйти на кухню. Как вылезти из постели в воскресенье утром, при этом Малкольм — мой личный королевский матрас. Стоит мне только уйти, как в то же мгновение я начинаю скучать по его теплу, рукам, звуку его голоса у моего уха, когда он что-то говорит. Я помню, что могла даже чувствовать, как движется его пресс под моей головой. Его живот твердый, как камень. Я вздрагиваю и сосредотачиваюсь на том, чтобы вернуть свое самообладание.

Когда я возвращаюсь, то сажусь, оставляя между нами сантиметров тридцать, надеясь, что посылаю ему четкое послание. В этот раз он даже не раздумывает, только смотрит на меня, будто я сделала что-то забавное, после чего обхватывает меня за бедро и снова притягивает обратно на мое место. Которое, по его мнению, находится у него под рукой, прямо на груди. Так мы и сидим до конца игры. В какой-то момент Тахо даже встает и легонько подталкивает меня в ногу, по-видимому потому, что я уснула.

Они шутят, что пришло время моего послеобеденного сна, а Малкольм говорит им на хрен заткнуться и следить за игрой. Но я *и правда* уснула. У Малкольма невероятно удобная грудь, вот ведь гад. Мне ненавистно, что он заставляет меня испытывать все это. Ненавистно, что я чувствую себя беззащитной, когда его нет рядом. Ненавистно, что я чувствую, словно от меня оторвали кусок, когда не лежу на его груди, а он не обнимает меня. И ненавистно, что чувство вины все растет и поедает меня.

— А твои родители знают, что ты здесь? Бармен, возможно, вы захотите снова проверить удостоверение этой девушки, — говорит Тахо.

Я бросаю на него свирепый взгляд.

— Почему ты так настойчиво шутишь по поводу моего возраста?



— Ти.

Тахо ухмыляется.

— Да, Сент?

— Оставь ее в покое.

Я убираю волосы, закручивая их в пучок, неожиданно чувствуя себя такой женственной под защитой Сента. Сексуальная химия, скачущая между нами, неоспорима. Чем сильнее я стараюсь ее подавить, тем явственнее она проявляется.

Тахо смеется и наклоняется, чтобы похлопать меня по плечу, видимо, желая что-то мне сказать.

— Не прикасайся к ней, Рот, — говорит Сент.

Тахо отстраняется.

— Чувак, тебе обязательно обладать ими всеми?

— Можешь выбрать кого угодно.

— Что ж, тогда...

— Кроме нее, — говорит он, даже не взглянув удостовериться, что я с этим согласна. — Я не буду повторять.

Сент встает принести еще вина, а Тахо ухмыляется, пока Каллен наклоняется ко мне через кофейный столик.

— Он сегодня раздражен.

— Почему?

— Старик сегодня проводит мемориальный вечер в память о матери Сента. Если и есть что-то, способное повлиять на него, то это оно.

— Его мать? Или его отец?

— Это сочетание, — отвечает Каллен.

Я больше не могу его расспрашивать, потому что возвращается Сент, и он смотрит на меня с целеустремленностью торпеды. Он садится, обнимает меня и проводит пальцем по моей шее, от чего я ярко краснею, а тело горит огнем.

— Мне нравится, когда твои волосы собраны вверху, — говорит он мне.

— Спасибо.

Он улыбается и привычным жестом проводит пальцем вниз по моему подбородку.

Из моих губ вырывается вздох, не верится, как легко ему удастся возбудить меня. Всю меня. Все мои чувства: слух, зрение, обоняние, осязание.

— Хватит уже ласкать ее слух своими сладкими речами, Сент, а то у нее уши отпадут, — поддразнивает Сента Тахо.

Я внимательно наблюдаю за мрачным задумчивым выражением лица Малкольма, молчаливо сидящего рядом со мной.

— Согласна! Ему лишь бы болтать, заманивая и соблазняя, — отвечаю я Тахо, стараясь привлечь внимание Сента. — Но зря старается. Он и представить не может, насколько я сейчас эмоционально недоступна, — говорю я наигранно-драматично.

— Уж поверь мне! Сент знает, как найти подход, чтобы девчонка вроде тебя открылась ему.

— Я не обычная его добыча.

Малкольм молчит. Я смотрю на него, наклоняюсь и шепчу, проводя пальцами вверх по его груди: «Малкольм, мне хочется тебя подбодрить.»

Мои слова лишь заставляют его хмуриться.

— Кто сказал, что меня нужно подбадривать?

— Не злись. Я вижу разницу между твоим расслабленным молчанием и взвинченным молчанием.

Он касается моего подбородка.

— На тебя я не злюсь.

Ну да, наверное. И все же, мне хочется увидеть, как улыбка коснется его глаз, хочу поцелуем залечить его раны, но знаю, что не от всякой боли есть лекарство. Какая боль сделала его таким жестким и замкнутым мужчиной?

Над этим я и раздумываю, когда он везет меня домой тем вечером.

— У меня на завтра кое-что запланировано. Встретимся в другой раз? — говорит он, провожая меня до двери моего дома.

Я переживаю за него. Мне хочется, чтобы он поделился со мной происходящим, но ведь он мужчина, и между нами... что? Затянувшийся секс на одну ночь?

— Конечно, доброй ночи, — шепчу я.

Но прежде, чем зайти, я прислоняюсь к двери, желая, чтобы он поцеловал меня.

И, стоит ему обнять меня за шею, как я мгновенно встаю на цыпочки, встречая его на полпути, и обнимаю его за плечи. У меня выработалась настоящая зависимость от его поцелуев. Одна минута превращается в две, перетекая в три, пока он не отстраняется, не отрывая от меня взгляд.

— Мне надо идти.

Он беспокойно проводит по своим сексуально взъерошенным волосам, и уходит.

Мне хочется окликнуть его. Кажется, он на грани, будто не уверен, что может со мной остаться, не уверен, что контролирует все, как привык.

— Сент, — зову я, когда он уже садится в машину. Я решаю предложить ему остаться на ночь, но он меня не слышит.

Нахмурившись я захожу в дом, проводя рукой по груди. «Ливингстон, ты хотела, чтобы он остался на ночь? Ни один мужчина еще не оставался здесь, Джина бы *с ума сошла*. Даже к лучшему, что он уехал, правда же?

Так почему же ты чувствуешь досаду? Рейчел, ты серьезно ждала, что он пригласит тебя на завтрашнее мероприятие? Вечер, посвященный памяти его *матери?*»

Может и ждала. И я ненавижу себя за то, что на следующий день веду себя, как извращенец, наблюдая за болью, что он испытывает, по фотографиям, всплывающим в интернете. Сент, его отец, их лица, напряжение. Вечер в память о его маме, которая умерла от лейкемии, каждый год проводит его отец, собирая деньги в фонд, названный в ее честь.

«*Ноэль и Малкольм Сент, как мы видим, все еще не разговаривают друг с другом...*»

Я захопываю свой ноутбук, решая вместо этого пойти сделать что-нибудь полезное. Начинаю с пролистывания всех модных журналов Джины.

— Не расправляй загнутые уголки, — предупреждает она с дивана в гостиной, где, сидя за своим ноутбуком, слушает музыку. Открыв страничку с загнутым уголком, я рассматриваю, что привлекло ее внимание. Может, милая сумочка в бохо стиле? Или желтые ботинки, как на модели? Я продолжаю отвлеченно листать журнал, когда приходит его сообщение.

«Занята?»

Сердце так сильно подпрыгивает в груди, что я забываю о принципиальных правилах переписки с парнем, гласящих, что нельзя отвечать слишком быстро. Я мгновенно пишу ему «Нет».

Я жду, пульс зашкаливает, а перед глазами всплывает Сент, напряженно стоящий рядом со своим мерзавцем отцом.

«Я заеду за тобой?»

«Куда мы собираемся?»

«Куда угодно»

«Дай мне 5 минут»

Я вскакиваю и бегу переодеваться.

— О нет, — ворчит Джина из гостиной.

Я надеваю самое сексуальное белье - белое кружево. Белое кружево для Малкольма. Потом выбираю хорошенькую короткую юбку и топ. Я

знаю, что Сент скрытный. Ничего из того, что я прочла в сети, не раскрывает, что творится у него в душе, там пишут только о его буйном характере. Тот факт, что он написал мне в столь сложный для него вечер, заставляет меня желать защитить его, как я не защищала еще никого, кроме мамы, Джинны и Уинн. Я едва ли из кожи не выпрыгиваю, когда вижу «роллс», стоящий под окнами.

— Увидимся завтра! — кричу я Джине.

— Рейчел! — взволнованно зовет она, но я стараюсь сделать вид, что не слышу. Не сейчас. Не могу. Во всем Чикаго нет места, где я бы предпочла оказаться сильнее, чем рядом с ним, вот и все.

Я забираюсь в машину, и мне больно от одного лишь взгляда на него, сидящего рядом на сидении. Он скрыт тенью, но огни с улицы падают из окна на его шею, на подбородок. Его губы. По мере того, так глаза привыкают к темноте, я медленно рассматриваю резкие черты его лица. Сент такой красивый, эти изумрудно-зеленые глаза с тайной в них, и то, как лед в его взгляде тает, когда он смотрит на меня.

— Ты выглядишь аппетитно.

Его голос эхом отзывается в моем теле. Тихий, но не холодный, как обычно, а теплый. Весьма неожиданно теплый, словно я смогла согреть его.

— Да? Что ж, у меня для тебя новость, — говорю я, заигрываяще усмехаясь. Я ценю слова, но Сент ценит действия, и сегодня вечером мне хочется сделать первый шаг. Я слегка спускаю рукав, обнажая плечо. — Я к тому же и съедобна.

— Тогда я хочу откусить кусочек.

Подстегиваемая собственным отчаянно растущим неудержимым голодом, я стягиваю рукав ниже, и лицо Сента меняется от желания.

— Где? Здесь? — спрашиваю я чувственным шепотом, проводя пальцами по его плечу. Словами не описать, насколько мне нравится, когда его голос становится хриплым от страсти.

— Прямо там. Я проведу губами вверх к твоей шее, а потом вниз к плечу и руке.

Я перестаю дышать.

Словно живое, дышащее существо, готовое поглотить нас обоих, желание пульсирует между нами, от него ко мне, от меня к нему.

— Что еще ты сделаешь? — в моем голосе слышно это желание, возбуждение. Я не могу скрыть его, не от Сента.

— Я займусь с тобой любовью, сначала жестко, а потом я возьму тебя нежно. Покажи мне свое второе плечо, Рейчел.

Я показываю.

Машина едет по улице, но, если вы спросите меня, то вся вселенная сейчас находится внутри этой машины, смотря на меня.

Мой пульс учащается под его взглядом, когда я опускаю рукав топа насколько это вообще возможно, максимально обнажая плечо. С каждым днем моя страсть к нему становится все сильнее и интенсивнее, доводя притяжение к нему до уровня, о котором я подумать не могла. Я наизусть выучила его, то, как меняются его улыбки, приподнимаются уголки его рта...

— Я собираюсь провести языком по изгибам твоего плеча, углубляясь там, где сейчас так быстро бьется твой пульс, — говорит Вселенная. — Покажи мне больше, — просит он.

— Ммм. Ты такой жадина. Малкольм Сент, хоть чего-то в твоей жизни будет тебе достаточно?

Он очень медленно качает головой, будто предупреждая, по голосу слышно, что его это веселит.

— Ничего не бывает достаточно, особенно, когда дело доходит до тебя. Покажи мне больше, малышка.

Я опускаю топ еще ниже на пару сантиметров, достаточно для того, чтобы он увидел мою грудь над кружевным лифчиком. Из его горла вырывается рычание, я краснею, меня бросает в жар и я поправляю топ.

— Я рада, что ты написал, здоровяк.

Он смеется. И снова его хриплый голос проходит сквозь мою кожу.

— Я был рад, что ты смогла сегодня со мной увидеться...

Слегка наклонив голову, я наблюдаю за ним, его взвинченность видна невооруженным взглядом. Его желание, его страсть, его беспокойство выдают ладони, сжатые в кулаки.

Мое сердце скачет в груди, желая заполучить его.

— Тяжелый вечер? — тихонько спрашиваю я.

— Уже лучше.

Ставший привычным лед в его глазах полностью тает, когда он тянется за моей рукой, притягивает меня по сидению максимально близко к себе, и начинает целовать меня в губы, опускаясь к плечу, которое я обнажала, проводя пальцами по его изгибам. Жар, влага, мягкость его губ и сильные движения его рта.

— Определенно становится лучше, — говорит он хрипло. — Что насчет тебя? — он покусывает мою шею, поднимаясь от плеча к губам. — Чем ты занималась, пока я не позвонил?

— Хмм. Дай-ка подумать, — говорю я, делая вид, будто напряженно

вспоминаю. — Настоящий ответ? Или тот, который тебе точно понравится?

Поворачиваясь, чтобы видеть мои пальцы, скользящие у него по горлу, я провожу рукой по его резкой челюсти, такой же дерзкой, как и он сам, и мне безумно нравится, что он позволяет мне так касаться себя.

— Оба ответа.

Поглаживая мое плечо, он опускает большой палец под мой топ, медленно проводя им по ключице.

— Я работала, — я поглаживаю щетину у него на лице. — Но в процессе, я с нетерпением ждала, что ты напишешь и пригласишь меня куда-нибудь.

— Куда угодно, — поправляет он меня хриплым голосом.

— Точно, — я прижимаюсь губами к уголку его рта, даже не задумываясь о том, что делаю, действуя исключительно инстинктивно. — Мы уже приехали, чтобы я тоже могла отведать тебя на вкус?

Он усиливает хватку вокруг меня, одной рукой проскальзывая под мой топ, изучая мою спину.

— Рейчел... я не хотел, чтобы ты видела меня, когда я не в лучшей форме.

— Наоборот, я хочу видеть тебя таким. Я хочу быть с тобой, хочу тебя, в том числе, успокоить и дать тебе то, чего ты хочешь.

Горячие губы покусывают мое плечо.

— В таком случае, я хочу тебя.

\*\*\*

«Куда угодно» оказывается его яхтой «Игрушка». Подальше от любопытствующих глаз и общественности (к моим огромным облегчению и радости). Такое чувство, словно мы в другом мире. Яхта стоит в доке и команда не на борту, так что мы с Малкольмом лишь вдвоем сидим в тишине на верхней палубе, оба еще слегка потные после жесткого, а затем медленного секса, которым занимались все это время.

На нем лишь черные брюки, ничего не прикрывает его грудь, а на мне рубашка, которая еще совсем недавно была его. Он задумчив и молчалив, а я еще никогда не чувствовала желание защитить кого-то столь большого и сильного.

— «М4», — шепчу я, прижимаясь щекой к его груди, лежа у него под боком. — Я заметила, что у тебя часто встречается число четыре. Почему именно четыре?

*Мы были вместе уже почти четыре раза. Значит ли это, что потом мы расстанемся?*

Он вздыхает и допивает остатки вина, отставляет свой бокал в сторону, и мы наблюдаем за горизонтом над Чикаго.

— Я вспыльчивый.

Он смотрит вдаль, его лицо напряжено.

Я тянусь к его руке, лежащей на колене, и переплетаю наши пальцы.

Сент выглядит отстраненным, голос глухой, хриплый, я почти слышу сожаление.

— Когда я был моложе, все было еще хуже. Контроль всегда давался мне с трудом. Обслуга увольнялась, потому что никто не мог сдерживать меня; чем сильнее они старались, тем злее я становился. Но моя мать была воплощением терпения. Думаю, поэтому она могла выносить отца. Она была терпеливой и намного более понимающей, чем кто-либо. Когда я срывался, мама говорила мне досчитать до трех, а я спорил, что уже пробовал и это не помогало. Так что однажды она отвела меня в сторону, беспокоясь о том, что мой отец тоже очень вспыльчивый, она предвидела, что это плохо для меня кончится, т.е. мои попытки довести его. И она сказала, что мне нужно считать до четырех. Это я и сделал. Помимо всего прочего, с этим приходится мириться, когда ты — Сент. Если попросили на три минуты, рассчитывай, что будет четыре. Если тебе нужно считать до трех, считай до четырех. Поэтому у меня везде четверки.

— Даже когда дело касается секса с четырьмя девушками одновременно.

Он приподнимает бровь.

— Это не касается тебя. Мне нравится проводить с тобой время, — он проводит рукой вверх по моей спине под рубашкой. Я вздрагиваю.

*Дрожу, возбуждаюсь и таю.*

Но сильнее всего чувство, что я распадаюсь на куски внутри и с ума схожу от вины за то, что знаю теперь настолько личные детали о нем.

Задыхаясь под весом чувств, с которыми не могу справиться, я перекатываюсь на спину, немного отдаляясь от него. Сент приподнимается на локте и расстегивает одну пуговку на рубашке, и, боже помоги мне, но я определенно точно все сильнее таю, таю, *таю*. Я не сопротивляюсь, не двигаюсь, только беспомощно наблюдаю, как он расстегивает вторую пуговку. А затем третью. Четвертую. Пока тело под этой рубашкой, которую он расстегивает, не начинает дрожать с головы до пят.

Я хочу подразнить его, а заодно снизить градус растущего во мне дикого отчаяния. Я шепчу, с трудом справляясь с голосом, на одном

дыхании: «Не торопись. Мне не надоедает за этим наблюдать.»

Четыре пуговицы. Пять. А затем шесть. Пока он не расстегивает мою рубашку нараспашку и наклоняется вперед, чтобы поцеловать меня в ямочку на шее. Между грудей. В середину живота. И прямо по центру моих разведенных ног. Четыре поцелуя, после чего он проводит носом у меня между ног.

— Мне тоже не надоедает быть с тобой, Рейчел.

Я вспоминаю, как смущалась раньше. В этот раз, когда он проводит языком по моему клитору, я стою и расставляю ноги шире, приподнимая бедра вверх, пока шепчу «Малкольм, Малкольм, Малкольм...»

\*\*\*

— Хмм, — бормочу я час спустя, когда он покусывает мое ухо, пока я возвращаюсь к реальности после недолгого сна в каюте.

— Твое ушко, — говорит он хрипло прямо в объект своего гастрономического внимания. — Я пристрастился к нему, а еще оно идеально подходит ко второму твоему ушку.

Я потягиваюсь, улыбаясь, а он отстраняется, смотря вниз, наблюдая за мной.

— Мне очень нравится здесь, на твоей яхте, тут так тихо, — говорю я, проводя пальцами по его загорелой груди.

— Я никогда не бываю здесь один. Слишком тихо. Слишком хорошо слышу свои мысли. — он хмурится, пока встает с кровати и идет к одежде. Все еще сонная, я перекатываюсь на свою половину кровати, уставившись на его невероятно завораживающую физическую форму, пока он натягивает брюки. — Ты счастлива, работая в «Эдже»?

Окончательно проснувшись, я сажусь, с одной только простынью вокруг груди, и шарю по кровати в поисках своего белья.

— Почему ты спрашиваешь?

— Ходят слухи, что его дни сочтены.

Сент просовывает руки в рукава, оценивая мою реакцию, пока застегивает пуговицы.

— Надеюсь, что нет. Мне очень нравится «Эдж».

Каким-то чудом мне удается найти свои трусики и лифчик, и приходится сбросить простынь, чтобы одеться.

— А что? Ты рискнул замахнуться на издательское дело...? — спрашиваю я в страхе.



Молча он заправляет рубашку в брюки, застегивает ремень и становится Малкольмом Сентом прямо на моих глазах.

— Нет, я не покупаю журнал, не вижу в этом финансового смысла. Бизнес требует времени и дальновидности. Меня не увлекает восстановление действующего предприятия, — мгновение он смотрит на меня. — Ты мечтаешь о владении собственным делом?

— Нет, я хочу писать. Хочу зарабатывать достаточно, чтобы много писать. Больше, чем много.

Он улыбается.

— Ты такая малышка. Меня возбуждает мысль о том, как эти маленькие ручки печатают твои большие идеи.

Мне льстит сам факт того, что он думает обо мне.

Он наблюдает за тем, как я одеваюсь.

— Значит ты видишь свое будущее в этом журнале, даже если у тебя есть огромный выбор возможностей? — спрашивает он.

Я захвачена врасплох. Зерно сомнения посеяно, словно крошечная, приносящая дискомфорт булавка в животе. Я тщательно обдумываю свой ответ.

— Думаю... *в целом*, мое идеальное будущее - это чувствовать себя в безопасности в плане карьеры, да и вообще в жизни. Хочу, чтобы моя мама была и чувствовала себя в безопасности, а если я еще и в городе смогу повлиять на безопасность, это вообще будет мечта. Вот о такого рода вещах я хочу писать. Но такая журналистика требует времени, а в «Эдж» я получила больше возможностей, чем где-либо еще. Я чувствую себя каким-то образом привязанной к этому месту. Если оно продолжит развиваться, и я смогу развиваться вместе с ним в правильном направлении, это тоже было бы мечтой, правда, — признаю я.

Сент подходит, садится на кровать и наклоняется вперед, его лицо напряжено.

— Что, например, ты бы хотела сделать для города? В чем заключается твоя идея? — Своей большой рукой он убирает волосы у меня со лба, всматриваясь в лицо.

— Не знаю. Перемены не наступят, без существенных коллективных усилий, если только ты не очень влиятелен.

Уголки его губ вздрагивают, а в глазах вспыхивает хищный огонек, который не перестает меня восхищать.

— Ты спишь с очень влиятельным мужчиной.

Я кусаю губу.

— Да, да, так и есть, — я смеюсь, чувствуя, как щеки заливаются

румянцем. Он кладет ладони по обе стороны моего лица, и снова я подаюсь ему навстречу, желая его прикосновений. — Ты не такой, каким я тебя представляла, а у меня ведь очень хорошее живое воображение, — шепчу я.

— Это от того, что ты вся создана только из хорошего. А я — результат влияния плохих вещей.

— Ну уж нет, — я смеюсь, а он нет. Он молчит. — Мы все - результат как хорошего, так и плохого.

— Так ли это? — он снова изучающе смотрит на меня. — Что ты видишь во мне?

Я хмурюсь.

— В каком смысле?

— Я не простой человек, со мной нелегко справиться, кто-то даже скажет, что я отказываюсь подчиняться. У меня никогда не было серьезных отношений, не было раньше и я не думаю, что будет. Тебе не нужны мои деньги, ты не хочешь быть со мной... не так, как остальные. Ты и спать со мной не хотела. А потом пришла ко мне, словно ища у меня защиты, и мне захотелось быть мужчиной, который сможет это тебе дать.

Я молча смотрю на него.

Он всегда говорил, что я привожу его в замешательство, и прямо сейчас он выглядит настолько сбитым с толку, что это и меня приводит в смятение.

— Малкольм, — начинаю я, но что я могу сказать? Так много правды, но, расскажи я все, он бы решил, что все было ложью. Внезапно одна только мысль об этом ломает меня.

— Когда моей маме поставили диагноз... — он замолкает на мгновение. — Я пообещал, что всегда поддержу ее. Всегда буду рядом. Ей давали два года. У нее все еще оставалось полтора года... — он снова замолкает, но так и не отводит от меня взгляд. — Она не хотела, чтобы я знал, что лейкемия вернулась. И когда оставались часы, мой отец запретил кому-либо говорить мне. Он считал, что я должен быть наказан за то, что уехал из страны на день рождения Тахо.

Я чувствую, как кровь отхлынула у меня от лица.

— Так что, видишь? Я не особо хорошо исполняю обещания. Но к твоим намерениям я отнесусь серьезно, как к своим собственным.

— Мне так жаль. Я... когда моего отца не стало, я была слишком юна. И все равно мне порой снятся кошмары о том, как он умер в одиночестве.

Мы смотрим друг на друга.

— Умирая, она звала меня.

Он отводит взгляд, потом встает, направляясь к телефону и другим

вещам, его челюсть сжата.

— Она знала, что ты любишь ее, — шепчу я.

— Думаешь?

— Женщины такое знают. Моя мама говорила... она знала задолго до того, как отец и сам понял, что он ее любит. Женщины такое знают. Мужчины не созданы для таких нюансов и тонкостей, вас надо по башке стукнуть, чтобы дошло, а любовь иногда прокрадывается внутрь, даже если все окна и двери плотно захлопнуты, — он смотрит на меня, не отводя глаз, и я продолжаю, — все рождаются с любовью к своим родителям.

— С возрастом ты перерастаешь эту любовь. В любви нет смысла. Искренность и преданность — вот, что остается с тобой.

Утратив дар речи, я не уверена, что удивило меня сильнее - его слова или будничным тон, которым он их произнес, что лишь наглядно продемонстрировало, насколько он на самом деле сентиментален.

Но особенно меня поражает тот факт, что он не верит в любовь, *ни в какую* из ее проявлений.

Я опускаю голову, чтобы скрыть, насколько уязвленной я себя чувствую, что, я уверена, он смог бы увидеть в моих глазах. От эмоций у меня перехватывает дыхание.

А ведь у нас с Сентом столько общего. Мы любим работать. Мы тяжело трудимся, лишь иногда позволяя себе отвлечься. Мы амбициозны, возможно, слегка замкнуты. Я тоже считала, что не верю в любовь, во всю ту романтику, которую так любит Уинн. Так почему же я резко поменяла свое мнение по этому поводу?

Я одеваюсь, не в состоянии снова взглянуть на него.

\*\*\*

После его фразы об «искренности и преданности» я замолчала, обдумывая все происходящее, потому что, естественно, задаюсь вопросом, какого черта я сейчас делаю. Во что, я считаю, выльется эта интрижка?

Наверное, я действовала не подумав. Влекомая только своими желаниями. Я желала, хотела, должна была заполучить его, совсем, как юная безрассудная девчонка. Из-за него я становлюсь такой девчонкой, какой не была никогда. Пока он везет меня домой, я и правда переживаю, как он влияет на меня.

Сейчас я должна была бы чувствовать удовлетворение, даже счастье. Вместо этого, я не хочу прощаться, и, когда он говорит Отису подождать,

пока он проведет меня, я чувствую отчаяние от того, что он не останется. От того, что я не искренна и не честна, и скоро он меня покинет.

— У меня завтра дела, — говорю я, просто, чтобы ему самому не нужно было придумывать причину, чтобы уйти.

— У меня тоже, — говорит он, но продолжает следовать за мной до двери квартиры, ожидая позади, пока я открываю.

Я вздрагиваю, когда он покусывает мое ухо, проводя рукой все выше по моей, глядя обнаженное плечо, которым я дразнила его несколько часов назад, когда он меня забирал.

— Хочешь войти?

— Да, — он целует меня в ухо.

Словами не описать, какое облегчение я чувствую в груди, когда тепло разливается по всему телу.

Боясь вот так наткнуться на Джину, я прижимаю палец ко рту, прося его не шуметь, цепляю мизинчиком за его палец и веду в свою спальню. Мы закрываем дверь. Он выглядит таким большим и красивым.

— Садись, — я указываю ему на постель, и мои гормоны уже готовы к вечеринке.

Пока я иду переодеться в свою футболку с логотипом студенческой команды “Wildcat”, он начинает расстегивать пуговицы на рубашке. Я возвращаюсь к своей постели. Сент смотрит на меня, на губах игривая улыбочка, и по выражению его лица можно подумать, что я самая сексуальная штучка из всех выпускников моего университета. Хотя я выгляжу так буднично, в то время как он выглядит превосходно в своей рубашке, обтягивающей его во всех правильных местах.

Молча я сажусь на него сверху и расстегиваю оставшиеся пуговицы, а он запускает руки мне под футболку, сжимая мою попку.

— Малкольм, у меня нет презервативов...

Он медленно и глубоко целует меня, наслаждаясь вкусом.

— Не переживай, у меня все схвачено.

Меньше, чем минуту спустя мы уже готовы, полностью обнажены, и я толкаю его на свою кровать, наслаждаясь тем, что он позволил мне быть сверху. Проводить руками по его широкой груди. Смотреть, как он наблюдает за моими движениями. Я впускаю его в себя и мои груди становятся тяжелыми от желания, чувствительными под его руками, когда он гладит меня, а потом приподнимает голову и посасывает мою грудь, захватывая губами нежные вершинки. Он садится со мной на руках и так, смотря друг другу в глаза, мы вместе движемся. Он приподнимает бедра, резко притягивая меня вниз, на встречу себе. Он яростно кончает в тот

самый момент, когда мой собственный оргазм разрывает меня на части.

Дыхание у нас обоих учащается. Сент выглядит смущенным, испытывающим благоговение и благодарность. Он хотел сломить мою оборону, но после того, как мы занимались любовью, я почти вижу трещину в его огромнейших стенах. Потому что вот, каково это. Незнакомцы, которые только трахались, каким-то образом в результате отдают намного больше планируемого, открываются намного сильнее. Довольная, я долго лежу, расслабляясь, прижавшись к упругим, жарким изгибам его тела, а он лениво поглаживает мою спину вдоль позвоночника.

Приподнявшись на локте, я шепчу: «Мне нравится вот так быть с тобой.»

— Правда? — спрашивает он, такой расслабленный, заманчивый, нежный.

Я киваю.

Он похлопывает себя по груди.

— Тогда возвращайся сюда.

Я обнимаю его за шею и устраиваюсь на его груди. Он пахнет безопасностью. Силой. Как та рубашка, что теперь висит в глубине моего шкафа. Для меня он пахнет контролем и властью, а еще сексом, связью и счастьем. Я испытываю эти чувства и обдумываю их, но не собираюсь вносить в свои заметки. Эти чувства исключительно мои, и пускай мысли забудутся, ощущения останутся, я в этом уверена.

Он говорит «Погоди», хватает телефон и отправляет сообщение.

— Ты не против, если я останусь на ночь?

Улыбнувшись, я киваю.

— Ты написал об этом Отису?

— Да. Ты точно не против? — в его глазах игривые огоньки. — Если я останусь, то выспаться нам не удастся.

— Кому вообще нужен сон, когда ты в постели? — я расплываюсь в улыбке. Кровать скрипит, когда он перекачивается на свою сторону, чтобы наблюдать за своей рукой на моем животе, как он его гладит и скользит вверх. Я наблюдаю за тем, как провожу пальцами вверх к его горлу, подбородку, а затем шепчу ему на ушко: «Помоги мне не шуметь. Не хочу, чтобы мы всех разбудили.»

Сент перекачивает меня на спину и ложится между моих ног, касаясь ладонью моей щеки. Он прижимает большой палец к моим губам, касаясь языка, чтобы я могла посасывать его и не шуметь. В его глазах такой жадный голод. Внезапно я испытываю ревность, думая о том, что он занимался этим с другими. Я так сильно ревную, что мне недостаточно его

близости. Не сдерживая стоны, я приподнимаюсь навстречу к Сенту.

— Ближе. Будь еще ближе и скажи мне, чего ты хочешь, скажи это пошло, — шепчу я ему на ухо.

— Сказать? — говорит он тихо. — Я собираюсь показать тебе.

Наблюдая за мной, он скользит сжатой в кулак ладонью по своей эрекции, потом взявшись за основание медленно упирается головкой в меня.

— Насколько пошло? — спрашивает он вкрадчиво, и в его глазах отражается свет ночника. — Рейчел? — желание, которое слышится в его голосе, распыляет меня еще сильнее. — Насколько пошло ты хочешь, чтобы это было? Насколько жестко?

Сент проникает внутрь между моих ног, сантиметр за сантиметром, останавливаясь на полпути. Горячими ладонями подхватывает меня под колени, после чего он поднимает мои ноги себе на широкие плечи. От этого движения я раскрываюсь, словно цветок, и моя киска полностью открыта. Бедра Сента оказываются у меня между ног, в этот раз он намного глубже, входит до конца, и я впускаю его с долгим чувственным стоном, а от давления его члена у меня перехватывает дыхание.

Распыленное сильными ощущениями, мое тело пульсирует. Мы движемся в унисон, сталкиваясь, чтобы быть ближе, глубже.

Ногтями я впираюсь в его затылок, и раздвигаю ноги, чтобы он мог согнуть меня сильнее и войти максимально глубоко. Его мощное тело движется надо мной, мускулы перекачиваются под кожей. Боже, эти движения. Этими толчками Сент погружается в меня по яйца. С каждым толчком он стимулирует мой клитор. Не спешно, контролируя все, он мощными толчками движется надо мной. Внутри меня.

Удовольствие становится изысканной мукой — все мои чувства обострены и настроены на его дыхание, тепло, вес, я не хочу, чтобы это заканчивалось.

Сент жестко трахает меня, каждый его толчок наполнен мощью, он рычит, звук отдается низкой вибрацией в его груди, пока у него не остается выбора и он наклоняет голову, заглушая свои стоны в моих волосах, пока я стону ему в шею. Мы движемся синхронно, оставаясь близко друг к другу, и ощущения такие приятные, такие правильные, что, вместо того, чтобы замедлиться, я позволяю своей девственной кровати кричать о милосердии.

\*\*\*

Есть что-то невероятно приятное, чувство особой связи (невидимой, интимной) в том, чтобы проснувшись, увидеть, как твой мужчина наблюдает за тобой. Уже не в первый раз я ловлю Малкольма за тем, что он наблюдает за мной, но теперь меня это не смущает. Это впервые, когда, открыв глаза и встретив его взгляд, я чувствую, как тепло разливается у меня внутри, и я улыбаюсь.

— Привет, — говорю я.

— Привет, — Сент касается ладонями моего лица, и прикосновение его большого пальца к моим губам заставляет меня повернуть голову в его сторону, впитывая его тепло. — Хмм, — бормочу я, восхищаясь тем, насколько чудесно он выглядит, едва проснувшись.

Мы официально достигли отметки в четыре раза, в том, что касается секса, и часть меня задается вопросом, означает ли это конец.

Он смотрит на меня с благоговением, будто ему понравилась та моя сторона, которую я показала ему вчера. От меня также не укрылся блеск в его глазах, который как бы говорит *«теперь я знаю, что тебе нравится»*. Все еще расслабленный, Сент спрашивает меня о работе, особенно о том, над чем я сейчас работаю. Это уже второй раз, когда он спрашивает об этом, впервые он задал этот вопрос в клубе «Туннель». Мое сердце пропускает удар, но он, кажется, этого не замечает, отдыхая после всего вчерашнего секса.

Я меняю тему, одновременно нахмурившись и ухмыляясь.

— А тебе работать не нужно? Что ты все еще делаешь тут со мной в постели?

— Становлюсь все тверже.

Я смеюсь.

С насмешливой улыбочкой Сент касается моего подбородка, наклоняя голову.

— Мне понравилась прошлая ночь.

Он нежно целует меня, без языка, но ощущения настолько сильные, словно это глубокий поцелуй.

Я считаю до десяти. Затем ворчу и выворачиваюсь из его объятий.

— Будь хорошим мальчиком, и подожди здесь, — говорю я. — Не хочу, чтобы у Джинны случился сердечный приступ.

Отбросив простыни, я заворачиваюсь в махровый халат и выхожу на кухню, чтобы поставить вариться кофе. Вернувшись в комнату, я чищу зубы и умываюсь, раздумывая, стоит ли наносить макияж. Я смотрю на свое отражение в зеркале. Я выгляжу обнаженной... бледная кожа, глаза, как у панды из-за вчерашнего недосыпа. Но при этом сами глаза светятся, и

я не могу перестать улыбаться. Я хватаю помаду и расческу, но останавливаю себя. Не то, чтобы это к чему-то шло, не так ли? Я ведь не пытаюсь влюбить его в себя, это лишь интрижка. Так что я заставляю себя опустить расческу и положить помаду на место. Качая головой, я решаю не прихорашиваться, когда возвращаюсь на кухню, чтобы проверить кофе, а затем иду в комнату с чашками кофе в каждой руке.

Во всей своей мужской красе, Сент развалился на моей постели, полностью вымотанный и выжатый, как лимон после того, как всю ночь имел эту леди прямо здесь. Покрывало смято у его лодыжек, он весь обнажен, одна мускулистая рука за головой, вторая вытянута под подушкой, на которой я спала. Чертово божество, он восхитителен. Я хочу запомнить каждую его черту. Знаю, что Джина потом захочет узнать все подробности... как и Уинн... но он в моей постели, и я не хочу делиться подробностями о том, как он выглядит даже с профессиональным журналистом, живущим внутри меня.

— Что у тебя там?

Посмотрев, что я принесла, Сент садится, мускулы на его руках напрягаются от движения, и он улыбается мне. Когда я автоматически улыбаюсь ему в ответ, я чувствую себя такой уязвимой, настоящей... простым человеком. Почему я решила открыться именно парню вроде него, выше моего понимания. Но я чувствую, что так и не подняла защитные стены. Пока не хочу.

— Ты о кофе или обо мне? — я одновременно поднимаю чашку и бровь.

Он смеется, тихонько и хрипло, проводя рукой по взъерошенным волосам, выглядя при этом еще привлекательнее, когда цокает языком и качает головой.

— Ты все еще не знаешь, каким будет ответ?

— Насколько же ты ненасытный? Ты прав, я знаю ответ. Спорю, ты хочешь и то, и другое.

На лице Сента появляется озорная улыбка, когда он хлопает по матрасу, подзывая меня обратно в постель.

Подойдя к нему с чашками, я жду, пока он заберет свой кофе, затем забираюсь к нему в кровать. Мы молча пьем кофе.

Не успеваю я допить свой, как он забирает мою чашку и ставит ее на прикроватную тумбочку с его стороны. Одним ловким, мощным движением он прижимает меня к кровати, и я падаю на спину, не дыша, когда Сент нависает надо мной, а его руки такие длинные и напряженные. Он снимает с меня пушистые носки и проводит пальцами по подъему



ступни, от чего я начинаю хихикать, не в силах сдержаться.

— Боишься щекотки, Рейчел? — он довольно улыбается. Люблю, как он произносит «Рей-чел».

Я киваю, все сильнее задыхаясь от смеха.

Он прижимается своими губами к моим, жестко, не раскрывая мой рот, лишь прижимая свои мягкие, теплые, требовательные губы. Я уступаю под давлением, люблю, как он смягчает поцелуй, когда чувствует, что сопротивление пало. И люблю то, что он сейчас делает, занимаясь любовью с моим ушком, облизывая, покусывая и целуя мою мочку, я чувствую его теплое дыхание.

— Рейчел, ты настоящая совратительница. Я даже разочарован, что мы так и не сломали твою постель.

Сент встает, такой красивый, мужественный и привлекательный, пока одевается.

— Что насчет субботы? — спрашивает он.

— Прошу прощения?

— Тебе подходит суббота?

— Мне... Для того, чтобы сломать мою постель? Я могу найти время в субботу.

Он улыбается. Этим утром Сент полностью расслаблен, все напряжение от вчерашнего вечера с отцом исчезло. Занятие сексом явно помогло.

— Я заеду за тобой в обед? Надень что-нибудь удобное.

— Погоди, что? Куда мы поедем?

— Увидишь.

Бабочки порхают у меня в животе. А следом за ними все внутри завязывается узлом, как бы напоминая мне, что я не могу этого чувствовать. Я больше не подросток, я не могу вот так легко запасть на парня. Не на этого парня. Даже постарайся, я бы не смогла выбрать более неудобное время для этого, худшие обстоятельства или более недостижимого мужчину.

— Сент, прости, я только что вспомнила, я не смогу. Просто не получится.

Он наблюдает за мной, затем молча кивает. — Тогда я позвоню тебе.

— Я буду занята всю неделю, — вру я.

Мне нужно отдалиться от него, нужно вернуться к рабочей рутине. Он останавливается в дверях, и я уже скучаю по нему. Неожиданно даже это расстояние между нашими телами становится невыносимо далеким. Боже, что со мной не так?

Минуту спустя он уезжает, должно быть, к себе на работу, а когда у меня работа не идет, я снимаю с зарядки телефон, включаю его, словно зависимая, жаждущая следующей дозы...

«С другой стороны, я смогла кое-что перенести. Так что суббота подойдет.»

Я иду в душ и проверяю его сообщение, едва выйдя оттуда, пока заворачиваюсь в полотенце.

«Хорошо»

О, как это на него похоже. Так скуп на слова! Я быстро оборачиваю полотенце вокруг мокрой головы и пишу ответ:

«Знаешь, а мне ведь нравятся слова. Ты бы запросто мог использовать их активнее»

«Хорошая девочка»

«Хаха ОК»

«Мне было хорошо»

«Мне тоже. Уже по тебе скучаю»

Вот, блин. Это я сейчас написала? Я нервничаю из-за этого. Так что, прежде, чем он успевает ответить или почувствовать себя обязанным сказать что-то подобное, я быстро пишу:

«Ок, пора возвращаться к работе. ХО»

Я убираю телефон в сторону и достаю блокнот, пытаюсь записать что-то, но в результате лишь вывожу по кругу его имя.

«Малкольм Сент»

## Глава 23

# СТАТУС

Он *изменил* свой статус.

В Interface, Facebook и всех основных соцсетях.

Мне кажется, для такого нужно оповещение сиреной, как при землетрясении. Если регулярное изучение его соцсетей и научило меня чему, так это тому, что он никогда прежде не менял свой статус. Сейчас он гласит «*Состою в отношениях*». При этом, учитывая, что в моем все еще написано «*Не замужем*», я задумываюсь, меня ли Малкольм вообще имеет ввиду.

Это первые выходные с тех пор, как он остался у меня на ночь (точнее говоря, суббота), и я пишу Джине: «ТЫ ВИДЕЛА?»

Она не отвечает. Тогда я звоню ей на мобильный.

— Ты видела?

— Эээ.

— Где ты? — спрашиваю я требовательно.

— Рейчел, я сплю в соседней комнате.

— Ты одна?

— Ну конечно, я одна, — говорит Джина.

— Я иду к тебе.

Я открываю свой ноутбук и иду в ее комнату, заставляю ее подвинуться, запрыгиваю к ней в постель и показываю ей экран. Она читает и хмурится, будто не понимает, в чем срочность, а потом удивленно открывает рот.

— Вау.

— Да ладно, все круче, чем «вау».

— Вау вау.

Джина бросает на меня холодный сердитый взгляд.

— Вау! — взрывается Джина. — Это совершенно новый уровень игры с чувствами другого, очень в стиле... Пола.

Она хмурится, раздраженная и злая. В обычных обстоятельствах я бы с ней согласилась. Больше похоже на поступок мудака. Но ведь она не знает нюансов, что он, все-таки, живой человек. Что, как бы неправдоподобно это ни звучало, его родители не были с ним близки.

Она не видит ситуацию моими глазами, не видит его настоящую, искреннюю улыбку или ту, особенную улыбку, что появляется на его лице, стоит мне развеселить его.

— Ты возмущена? — негодует Джина.

— Я... ну, я...

— Рейчел. Рейч, не надо мне тут строить из себя Уинн.

— Уинн прелесть. Она всегда на одной волне со своим парнем. А знаешь, почему? Потому что считает, что заслуживает его и что все возможно, — я достаю телефон, и мое сердце выделяет что-то невероятное. Восхитительное, но странное. — Я хочу написать ему.

— Написать что? Он может сейчас в постели с той самой девчонкой, с которой состоит в отношениях.

— Тогда я позвоню.

Я набираю его номер и жду, пока он ответит своим обычным кратким «привет».

— Тут такое дело, я хотела пригласить тебя сходить куда-нибудь сегодня вечером. Но, насколько я вижу, ты состоишь в отношениях с кем-то, так что я решила уточнить, будет ли у тебя свободное время.

Он смеется.

Боже, его смех.

Бабочки.

— Где ты?

— Играю в гольф с ребятами.

— Когда ты поменял статус?

— Что?

— Статус на Facebook.

— Я не менял. Должно быть, кто-то из моих помощников.

— О.

Он смеется, а я чувствую себя полнейшей дурой.

— Рейчел, ты разочарована?

— Нет, я и не ждала от тебя моногамии.

Наверное, я проверяю его этой фразой. Я иду на эти типично женские уловки, желая, чтобы он меня успокоил, желая, чтобы он дал определение тому, что сейчас происходит между нами.

Он не ведется на это, но говорит «А я ожидаю моногамию. От тебя.»

— Что? Ты думаешь, я могу параллельно с тобой обрабатывать какого-то парня? — спрашиваю я.

Ох, мое бедное сердечко.

— Тахо играет с гольфкармом... я тебе перезвоню.

- Чертов Тахо, — бормочу я себе под нос, вешая трубку.
- Тахо. Клянусь, ему надо чем-то *заняться*, — говорит Джина
- Ага, например, тобой. Просто говорю.
- Никогда.
- Он воплощение всех твоих фантазий.
- Он животное.
- Он считает тебя лакомым кусочком.
- Что?

— Да, он спрашивал, как тебя зовут. «Та твоя подружка, лакомый кусочек.»

— Он не посмел! Вот ублюдок!

Я продолжаю сидеть, угрюмо глядя на свой собственный «одинокий» статус.

Джина сидит, сбитая с толку тем, что Тахо считает ее лакомым кусочком.

Она первой приходит в себя.

— Рейчел, мне очень жаль, что ты все это переживаешь, но ты сама решила на это, широко раскрыв сердце и, очевидно, ноги.

Я перекатываюсь на бок, лицом к ней.

— Джина, из-за того, что я к нему испытываю, я чувствую себя так, словно предаю нас с тобой. Мы же договаривались, что не допустим такого.

— А теперь, Рейчел, тебе предстоит выбрать — карьера или мужчина.

— Не из чего выбирать! Если я выберу его, он улетит, словно дикий сокол, не успею я и глазом моргнуть.

Джина качает головой.

— Тогда молись, чтобы он поскорее порвал с тобой.

— Больно молиться о чем-то, чего на самом деле не желаешь.

— Тогда сама положи этому конец. Покончи со всем раз и навсегда.

Я вздыхаю.

— Рейч, он и правда сказал это?

— Тахо?

— Нет, его член. Конечно, Тахо! Ну, Тахо *и* его член.

— Да, но я не желаю, чтобы он крутился возле тебя.

Она хмурится.

— Надеюсь, он будет держаться от меня подальше следующий месяц. Будет годовщина, как Пол бросил меня, а я всегда такая уязвимая в это время.

Простонав, я плюхаюсь на спину, потирая лицо.

— Джина! Да что с нами происходит?

— Мужчины. Весь мужской род. Сердцееды.

Вздых.

— Вы с Сентом, — она осторожно на меня поглядывает. — Ты когда-нибудь задумывалась, могут ли у вас быть отношения, что-нибудь грандиозное?

— Ты имеешь ввиду грандиозную катастрофу?

— Нет, я имею ввиду, — она пожимает плечами, — он витает в облаках, ты могла бы дать ему чувство приземленности. Это могли бы быть грандиозные отношения, если бы он все не испоганил... или ты.

— Это, вообще, ты говоришь? Джина, ты меня сейчас с ума сведешь.

— Я просто спрашиваю. Ты наверняка задумывалась. Ну, знаешь. Как сексуальная фантазия, только без секса.

— Задумывалась, — признаю я. — Я думала, каково было бы разделить с ним жизнь, а не только постель. Я знаю, что сама установила такие рамки наших отношений... не желая попадать под внимание общественности. Но также, в глубине души, я знаю, что это бы не сработало. Его невозможно удержать, Джи, — я качаю головой. — Сента никому не удержать. — А если бы вышло, в моей голове сразу возникают другие мысли. — Плюс, я бы жила в страхе обо всех тех одиноких женщинах и Малкольме с его привычкой трахать все подряд просто потому, что он может.

— Тогда, Рейчел, просто наслаждайся тем, что есть сейчас, — она вздыхает и гладит меня по макушке, говоря преувеличенно значимо «Дитя, я даю тебе свое благословение.»

— Джина, ты это серьезно?

Она улыбается.

— Мне бы хотелось, чтобы ты не ввязывалась, но ты уже слишком глубоко в этом. К тому же, если я запрещу, ты продолжишь за моей спиной. Прошу, не делай этого. Я твой друг, я здесь, чтобы поддержать тебя.

— Спасибо.

Боже, с моих плеч словно упал огромный груз. Быть на американских горках и не иметь возможности кричать, это настоящая пытка, а именно так я себя и чувствовала, скрывая происходящее.

Я безучастно смотрю в потолок, а потом начинаю улыбаться, потому что...

Что ж. Его помощница сменила его статус на Facebook. Возможно, Кэти? Ох, хотела бы посидеть как-нибудь с Кэти за чашечкой кофе и узнать все.

Все.

Я достаю телефон и пишу ему:

«Будь ты сейчас рядом, мои руки были бы очень заняты.»

Моя мама отвечает:

«Привет, милая. Что ты имеешь ввиду?»

Я пишу ему:

«Боже мой, я только что ошибочно отправила сексемеску своей маме!»

А затем пишу маме:

«Да, мамуль, я о том, что хотела бы сделать тебе массаж спины. Научилась тут новой технике.»

Сент отвечает:

«Перешли мне»

Я:

«СЕНТ! Это напрочь убилло все настроение. Теперь тебе придется гадать, что же там было ;)»

\*\*\*

На следующий день я абсолютно измотана нашим с ним походом на природу. А еще я остаюсь у него на ночь. Приподнявшись в кровати, я мысленно запоминаю каждую его черту.

- каждая выразительная черта его загорелого лица. ЕСТЬ.

- его шаловливый рот. ЕСТЬ.

- его шикарные, темно-коричневые соски. ЕСТЬ.

О, боже. Я хочу СЪЕСТЬ его целиком.

Вздохнув, я ложусь обратно в его объятия. Это тоже ЕСТЬ в списке того, что мне очень нравится.

\*\*\*

Спустя два дня он забирает меня на своем «роллсе». Отис открывает мне дверь, и я вижу сидящего внутри Сента, вернувшегося с какой-то

срочной конференции в Нью-Йорке. Настоящее воплощение сексуального, загорелого, темноволосого божества в костюме.

### *ГРЕХ, УПАКОВАННЫЙ В КОСТЮМ.*

Соскользнув с сидения, я медленно опускаюсь на пол машины, двигаясь между его мускулистых ног, с улыбкой смотря на него снизу вверх, когда он замолкает, говоря по телефону. Потому как да, он говорит по телефону. Занимается делами. Удивительно, да? Ха-ха.

Я трюсь подбородком о его бедро, проводя руками по упругим мускулам.

— Да, Чарльз, — продолжает он.

Его загадочный взгляд манит меня. Игриво ухмыляясь, я трюсь щекой о другое бедро, затем провожу губами, пробираясь вверх, пока мои рот и подбородок не оказываются прижаты к его эрекции. Под моими губами он твердый, как камень. Я легонько обхватываю его губами через ткань брюк, возбуждаясь от того, каким низким становится его голос.

— ...играйте на понижение... — я слышу, как он говорит, и, подняв глаза, чтобы посмотреть, нравится ли ему то, что я делаю, я вижу, что его взгляд пылает, словно стеклянная вулканическая порода.

Звук моего дыхания эхом отдается в тишине, когда Сент позволяет тому парню по имени Чарльз вести беседу, за чем следует отчетливый звук расстегивающейся молнии. Расстегивая его ширинку, а затем пояс, я ни разу не отвела взгляд с его лица. Его прекрасного лица. Его веки, кажется, тяжелеют, пока он наблюдает за каждым моим движением, его глаза вспыхивают и наполняются страстью, пока он смотрит, как я достаю его член. Гладкая бархатистая плоть, такой твердый и толстый. Такой мощный. *В боевой готовности.*

Я облизываю его, от основания до кончика. Я обхватываю член Сента своим ртом, скользя по нему языком, надавливая, пробуя, водю губами по его головке. У него потрясающий вкус. Его член был создан для сосания и для секса, и прямо сейчас ничто не переубедит меня, что он был создан именно для меня.

Он перебирает пальцами мои волосы, пока его член в моем рту, разбухая, становится еще толще и длиннее.

Я сосу сильнее, головка упирается мне в горло.

— Да, все верно, — говорит он в трубку тихим голосом. Говоря, он убирает мои волосы мне за спину. Я понимаю, что *он хочет видеть мое лицо.*

Он хочет видеть мое, а я очень хочу видеть его.

Не разрывая зрительный контакт, я продолжаю смаковать его, теряя



ощущение времени, его хватка в моих волосах усиливается. Я отдаюсь этому полностью. Хочу, чтобы это был самый запоминающийся минет, чтобы он вспоминал его так же, как я мысленно воспроизвожу все те разы, когда он опускался вниз для меня.

Он огромный, розовая плоть напрягается внутри моего рта, желая получать удовольствие. И сейчас у меня только одна цель — заставить Сента кончить в меня. Он такой красивый, держит все под контролем, такой могущественный, и я хочу, чтобы он кончил мне в рот.

Моя вагина сжимается, я слышу его голос, когда он говорит Чарльзу держать его в курсе событий, затем заканчивает разговор и отбрасывает телефон в сторону.

— Рейчел, — говорит он низким голосом с одобрительным тоном, обхватывая мое лицо ладонями, улыбаясь мне с выражением явного возбуждения. Он гладит большими пальцами мои ключицы, приподнимает мое лицо, наклоняется и целует меня.

— Тебе это нравится? — спрашивает он.

Я киваю. Глядя его бедра, его пресс, я шепчу "Я хочу попробовать тебя на вкус..." И я более, чем рада, когда он опускает руки по бокам, позволяя мне вернуться к тому, что я делала.

Я провожу пальцами по всей длине его члена и целую капельку на кончике. Все мое тело становится одним пульсирующим нервом, когда я слышу, как меняется его дыхание, когда он протягивает руку, держа меня за волосы, когда слышу слова, что он шепчет мне, начав толкаться навстречу, теряя контроль. *"Вот так, Рейчел... Боже, вот так... Тебе это нравится..?"*

Я даже не замечаю, каким безумством заняты мои собственные руки, потирающие его грудь, впивающиеся в него ногтями, вверх по его шее, по его затылку, пока я стараюсь подобраться ближе, углубляя минет, чтобы подарить ему такое наслаждение, как он дарит мне.

Когда я начинаю сосать с еще большим рвением, он произносит низким хриплым голосом "я кончу вместе с тобой, Рейчел" и, положив ладони мне на лицо, подтягивает меня вверх, после чего укладывает на кресло автомобиля, пока я на рекордной скорости стаскиваю джинсы. Он снимает их с моих ног, его голодные губы прокладывают дорожку от моего живота вверх, к моей груди, пока он поднимает мой топ и опускает вниз лифчик, обнажая соски. Не в силах сдержаться, из меня вырывается тихий стон, когда я прогибаюсь, предлагая ему все и даже больше.

— О, да, — стону я, впиваясь ногтями в его спину, желая ощутить прикосновение его кожи.

Он набрасывается, заявляя свои права на мои губы. Я не уверена, что мы справимся с этим, с этими чувствами. Нет. Может только я испытываю это, но он определенно тоже что-то ко мне чувствует, я вижу это в его прикосновениях, в его взглядах. И вот так мы с этим справляемся. Он покусывает мои губы, разводит ладонями мои ноги. Я перестаю дышать, когда он опускает голову вниз. Проверяет меня. Уверено проводит напряженным языком.

Он доводит меня до состояния бурлящей субстанции, дразня меня, толкая к краю оргазма, и тогда... заставляет меня ждать, пока он разрывает пакетик с презервативом и раскатывает его по своему величественному члену.

Он ложится на меня сверху и в следующую секунду мы уже соединены, рычим и стонем от высвобождения. Но его изысканные попытки на этом не заканчиваются. Он движется глубоко и медленно, заставляя меня распробовать каждый толчок, каждый восхитительный сантиметр проникновения, идеального погружения. Я не могу перестать толкаться ему навстречу. Не могу выдержать неистовое ощущение чего-то нарастающего внутри меня, угрожающего вот-вот взорваться. Я сосу его прекрасные полные губы, его ухо, его шею, его колючий подбородок.

Я так боюсь признать происходящее между нами. Я боюсь, что он причинит мне боль. Я боюсь, что причиню боль ему. Я сдерживаю молчаливый всхлип, когда начинаю кончать, вздрагивая и дрожа, как от мучительного удовольствия, так и от тихой внутренней боли.

Глаза наполняются слезами. Я слышу, как он рычит, кончая, чувствую мощную глубокую пульсацию его тела, кончающего в меня, и, улучая момент, вытираю слезы, после чего целую его везде, где могу дотянуться.

\*\*\*

Сент приглашает меня на ужин в какое-то пафосное место (высший класс, попасть просто невозможно), но я говорю ему, что не хочу быть в окружении толпы народа. Так что он делает то, чего я уж никак не ожидала — ведет меня на пирс Нэви Пиер после закрытия. Мы гуляем вдоль длинной тихой улицы, которая обычно заполнена торопящимися толпами, но сегодня здесь никого, кроме нас. С одной стороны — магазины, игровые автоматы, небольшие лавки, а с другой — пирс.

— Как тебе удалось это повернуть?

— Отис знает одного из ночных охранников, — смеется Малкольм.

— Пошли покатаемся на одном из них, — я показываю на колесо обозрения, и мы садимся в пустую кабинку, укрывшись от ветра, когда Сент спрашивает, приходила ли я сюда в детстве.

— Иногда, с мамой, — отвечаю я. — А ты?

— Моя мама ни за что бы не пошла в подобное место.

— Но вот ты здесь. И выглядишь в этих джинсах так же привлекательно, как и в своем костюме, — я прикасаюсь к воротнику его белоснежной рубашки. — Мне нравятся твои рубашки. Порой мне хочется увидеть свою помаду на одной из них.

Он смеется, громко и искренне. Я игриво наклоняюсь и прижимаю губы к воротничку. Его улыбка исчезает.

— А ты бунтарка, Рейчел, — от обожания в его глазах меня бросает в жар.

— Это ты пробуждаешь такое во мне... — обвиняю я его, смеясь отхожу назад и, клянусь, с отпечатком моей помады на рубашке он выглядит еще более могущественным, недостижимым и привлекательным. И совсем немного моим.

\*\*\*

Сент приглашает меня к себе в офис, дразня меня по телефону тем, что у него есть свободное время в расписании. «Не желаешь поговорить об Interface?» спрашивает он.

«Почему бы и нет», — отвечаю я.

Я подхожу к назначенному времени, и вот он стоит, обращаясь ко мне, рубашка закатана до локтей, будто он по колено в работе, волосы взъерошены. Голосом, который мне показался уставшим, он говорит Кэти, чтобы она оставила нас, а затем спрашивает меня «Как ты, Рейчел?»

— Теперь хорошо, — шепчу я и мы начинаем целоваться. Одной рукой он сдвигает все бумаги в сторону, а другой поднимает меня на стол, словно я — самое важное дело, с которым он непременно должен разобраться.

\*\*\*

Я пишу ему в обед, спрашивая, чем он намерен заняться вечером. И в этот момент, к всеобщему шоку, он появляется на пороге «Эджа». Мои глаза расширяются, а желудок, я абсолютно уверена, только что вылетел

через горло, и я оборачиваюсь, чтобы понять, заметила ли его Хелен. Она одновременно бледная и румяная. Я спешу к ней, чтобы спросить «Хелен, можно я...?»

— Вперед!

Я хватаю сумку и выхожу из своей кабинки.

— Привет! — говорю я.

Сент улыбается, особенно, увидев мою сумку.

— Надеюсь, это означает, что ты идешь со мной, — говорит он. В его глазах огонек, от которого вместе со мной тает весь офис. Включая Валентайна.

— Пока, Рейчел! — кричит он взволновано.

— Пока, Валентайн, — говорю я, подхватив Малкольма под руку.

— Друг? — спрашивает Малкольм о Валентайне, внимательно изучая его. Девчонка внутри меня дрожит от волнения, когда я думаю, не ревнует ли он.

Я киваю.

— Один из твоих фанатов, — шепчу я.

Он поднимает бровь.

— Не гетеросексуал?

— Не полностью. Скорее, би.

Он заливается смехом, от одного звука которого у меня подкашиваются коленки, я притягиваю его лицо и быстро целую, пока мы едем в лифте, ощущая, как этот смех отдается внутри меня.

— Мне нравится слышать, как ты смеешься, — шепчу я.

Сент ничего не говорит, но я точно чувствую его расположение, когда он смотрит на меня сверху вниз, он улыбается, но в глазах возбуждение и восхищение.

\*\*\*

Я сижу, уставившись на экран компьютера.

По каждой ссылке о нем, на которую я кликнула, говорят о его возможных отношениях со МНОЙ.

Предположения просто безумные.

Почему-то новость о том, состоит ли Сент в отношениях или нет, волнует людей больше, чем любые похождения из его холостяцкой жизни.

Его лента в Twitter полна вопросами о его девушке.

Я жутко переживаю из-за этого, думая, во что же я ввязалась, пока не

замечаю, что новый твитт от Тахо всплыл в моей ленте.

Парень, и правда, отметил меня.

«Зависаю сегодня с моими ребятами, если только подружка @MalcolmSaint @RachelLiv не запретит ему»

Блиииин.

Дюжина ответов последовала всего-то спустя несколько секунд:

«Даю им неделю»

«Сент не смог бы придерживаться моногамии, даже если бы захотел, ему нужно разнообразие»

«Она недостаточно красива»

«Так все взаправду? Я думала, это какая-то газетная утка. У Сента, правда, есть девушка?»

Спустя несколько часов Тахо удалил твит, голову даю на отсечение, что Малкольм заставил его это сделать.

\*\*\*

Позже, на следующей неделе, Сент приглашает меня сходить куда-нибудь.

— Не могу, твои соцсети и так уже раскалены от слухов о нас.

В результате, он отвозит меня на «Игрушку», и весь полдень мы проводим на озере.

Хотя сначала он целый час занимается делами.

— Сколько можно висеть на телефоне, с кем ты вообще говоришь? — я пытаюсь дотянуться с лежака, чтобы выхватить у него телефон, но он держит его высоко над головой, вне моей досягаемости. — Видел блондинку на той яхте? — указываю я в сторону, отвлекая его.

На нем солнечные очки, так что мне не видно, куда он смотрит, но он продолжает держать телефон высоко над головой и расслабленно откидывается назад на согнутую руку. Солнце, и правда, любит этого мужчину. Его кожа золотистая, волосы блестят, а я в голубом бикини отражаюсь в зеркальных стеклах его очков. Сент не обращает внимание и даже не поворачивается, чтобы оценить девчонок на другой яхте.

— Я вижу ту, что передо мной, — хрипло бормочет он.

— Блондинки — это твой типаж, не так ли? — я снова указываю на нее, она на верхней палубе другой яхты, в полосатом сине-белом бикини, и определенно смотрит в нашу сторону. — Взгляни на нее. Симпатичная. Точно, твой типаж.

Он прячет телефон под лежак.

— На самом деле, у меня нет типажа, как такового.

— А я в твоём вкусе?

— Ты единственная мне по вкусу.

Я смеюсь.

— Это ты такой единственный у меня. К сожалению, не думаю, что есть кто-то, похожий на тебя, — я снова смотрю на девчонок. — А вторая тоже ничего так. Малкольм! Посмотри на них!

Теперь он садится, упираясь локтями в колени, наклоняясь ближе ко мне, и начинает улыбаться.

— То, что раньше мне нравилось в женщинах, теперь утратило свою привлекательность.

— Почему?

Я снимаю с него очки. Его глаза блестят под солнцем, искрятся от тайн, и внутри у меня всё сжимается, а дыхание перехватывает, когда наши взгляды встречаются.

— Когда смотрю на них, вижу один огромный изъян, во всех них, — говорит он серьёзным голосом, цокая и качая головой, а его золотистая кожа блестит на солнце. — Правда, такая жалость.

— Что? Какой изъян?

— Они все — не та единственная блондинка, которую я хочу.

Я смотрю, не мигая.

Внутри меня все сплелось в тугой узел.

— Они не ты, Рейчел, — уточняет он.

Сент наклоняется вперед, приподнимая меня за подбородок, и заставляя взглянуть ему в глаза.

— Поэтому, зачем ты хочешь, чтобы я посмотрел на них? Тебе нравятся девчонки?

Засмеявшись, я отталкиваю его руку.

— Малкольм, — ворчу я.

— Нравятся? — смеется он, опять беря меня за подбородок, дразня.

— Нет, я бы ни за что не стала делить своего мужчину с кем-то!

Тихонько посмеиваясь, он опускается на свой лежак, забирая свои очки из моей руки, примеряя их на меня. Я хихикаю, принимая различные позы, как в журналах, отчего он смеется, вызывая мурашки у меня по всему телу. Сент снимает с меня очки и складывает их в своей большой ладони.

— Должно быть, это звучит ужасно скучно для мужчины вроде тебя, — говорю я. — Что я не стала бы делить своего мужчину.

— Я это не отрицаю.

— То, что это скучно?

— Нет, другую часть тезиса.

— Ты бы стал моногамным ради девушки?

— Стал бы, ради *своей* девушки, — он снова наклоняется ближе. — Видишь ли, у меня никогда не было девушки, которую я бы считал своей. Они все были общественной собственностью, — ухмыляясь, он кладет очки под лежак, рядом с телефоном, после чего смотрит на меня этими прекрасными глубоко посаженными глазами с густыми ресницами, которые безостановочно являются мне во снах. — Но есть одна девушка. Она моя частная собственность.

— Я уж не знаю, о ком ты говоришь, но если у нее мой склад ума, то она сбежит от тебя так быстро, насколько возможно. Считаться чьей-то собственностью вовсе не сексуально, Малкольм.

— Иди сюда. Ты знаешь, что я говорю о тебе, — он протягивает руку, обхватывая меня за талию.

— Нет уж, ведь мы решили, что между нами только секс, только...

Я вскрикиваю, когда он перетаскивает меня к себе на колени.

— Почему ты споришь со мной? — Сент одновременно улыбается и хмурится, усаживает меня и смотрит прямо в глаза, чертовски серьезный. — Я хорош в отношениях на одну ночь, — говорит он.

Я прекрасно подхожу для того, чтобы просто дурачиться. Я был создан для отношений, включающих только секс. Если кто и знает разницу между просто сексом и чем-то настоящим, так это я.

О, боже. Я таю.

Я обхватываю ладонями его челюсть.

— Ты был создан для великих дел. Все это видят.

— Ты хочешь быть со мной, — бормочет он. — Я вижу, как ты краснеешь, слышу, как задерживаешь дыхание, и мне нравится быть причиной такой реакции с твоей стороны, — он смотрит на меня серьезным взглядом, и я напугана. Я так напугана, что дрожу в его руках, сидя у него на коленях.

— Я не твоя девушка, Сент. Я возможно, единственная из тех, кого ты знаешь, которая не хочет быть твоей девушкой. Думаю, у тебя синдром «хочу то, чего не могу получить».

Он смотрит на меня сверху вниз, с нежностью в глазах, будто понимает, какая борьба идет внутри меня. Будто он уже прошел через это и инстинктивно знает, что я проиграю в этой борьбе, но он не намерен проявлять жалость в данном вопросе.

— Я так не думаю, Рейчел. Ты именно там, где я хочу.

— На твоей большой яхте, — я закатываю глаза.

— Не-а. Рядом со мной.

От этих слов у меня внутри все опадает, и даже кончики ушей заливаются румянцем.

— Ты дразнишь меня.

— Ты краснеешь.

— Это загар. Я ведь тут загораю. Ну, знаешь. На твоей большой яхте. Ты утратил способность заставляя меня краснеть. Больше никакого румянца.

Он расстегивает верх от моего бикини, и я вскрикиваю.

— Малкольм!

— Не загар, — говорит он, его сексуальный взгляд задерживается на моей груди, пока я пытаюсь заново завязать купальник. — Ты вся покраснела, каждый сантиметр, — говорит он одобрительно.

Прежде, чем я могу опомниться, мы уже целуемся, страстно и не спеша, так долго, что могла пройти минута или час. Мы так распалены к тому моменту, как отрываемся друг от друга, что я уверена, он бы хотел продолжить это в спальне, но у него запланирован ужин, и нам приходится возвращаться в гавань.

— Так ты уверена, что не хочешь пойти? — он взъерошивает мне волосы, проходя мимо.

— И стать добычей для всех тех репортеров? Нет, спасибо, — бормочу я, незаметно поглядывая на него, пока он надевает на свое божественное тело сексуальный деловой костюм.

Он застегивает ширинку и переходит к застегиванию пуговиц своими быстрыми ловкими пальцами.

— Тебя беспокоит, что они следят за тобой?

Я пожимаю плечами, пока пытаюсь втиснуться в свои узкие джинсы.

— Как ты справляешься с этим?

— У меня нет особого выбора. — Сент наблюдает за моей борьбой с джинсами. — Для них это в новинку, потому что ты и для меня в новинку. Тебе неловко, Рейчел?

— Немного. Не из-за джинсов, а из-за этих придурков, которые ходят по пятам за тобой, а теперь и за мной.

Он посмеивается (ах, какой приятный звук), потом качает головой и проводит пальцами по волосам.

— Тогда я разберусь с этим.

— Не стоит, я исчезну вместе с твоим интересом ко мне, — говорю я ему вслед.



— В ближайшее время не предвидится, — говорит он решительным тоном, выходя из комнаты.

\*\*\*

Тем вечером мне приходит несколько сообщений от Хелен.

«Рейчел, на этой неделе мне нужно хоть что-то»

«Позвони, когда сможешь»

«Надеюсь, все идет гладко»

У меня крайняя степень писательского застоя. В голове вместо мозгов кирпичи, и полная тишина. Я смотрю на свой экран, не в состоянии написать и одного предложения. Ничего. Я открываю коробку с записками и записками, затем закрываю, возвращаясь к ссылкам в интернете.

Все еще ничего.

Я не могу усидеть на месте, не могу писать, а дедлайн маячит в конце, как знак «ТУПИК». Я думала, к этому времени с Сентом все поутихнет, но вместо этого... к чему все идет?

Дабы отвлечься, я просматриваю новые ссылки, когда вижу новую статью.

«Тигр не может поменять окрас — Сент возвращается к старым добрым привычкам после слухов о возможном расставании с предполагаемой подружкой»

И я вижу фотографию, на которой он в шикарном костюме, а за его спиной баннер мероприятия. Сегодняшнего мероприятия, если быть точным. И рядом стоит прекрасная блондинка, чем-то похожая на меня, смотря на него с любовью.

Кровь отхлынывает от лица, а живот сводит. Я тянусь пальцем к его лицу на фотографии. Он выглядит таким отдаленным и замкнутым. Не верится, что это тот же мужчина, который дразнил меня всего пару часов назад.

Я так и сижу, смотря на ее руку в его руке, на то, как прекрасно он выглядит. Его рука, должно быть, самое желанное место во всем Чикаго. Кто бы не был счастлив и горд стоять с Сентом рука об руку?

Ты, потому что тебе там не место. Твое место в «Эдж», в твоей безопасной жизни, а не в его безумном урагане. Захлопывая ноутбук, я иду в гостиную, у меня нет времени на ревность, мне нужно сосредоточиться на писательском застое. Страдать от ревности из-за мужчины, который годами доказывал свою недостижимость, это явно не то, что мне сейчас

нужно.

Что мне нужно, так это дать мозгам отдохнуть, чтобы муза могла вернуться.

Что *еще* мне нужно, так это сосредоточиться на своем задании, а не на сексе или Сенте.

— Что смотришь? — я сажусь рядом с Джиной.

— «Мулен Руж», — говорит она, всхлипывая.

— О, нет, я сейчас не в настроении для «Мулен Ружа»! — я бью кулаком по сидению рядом с собой, вкладывая в это всю кипящую во мне злость, и направляюсь в свою комнату под песню “Come What May”.

Я сворачиваюсь калачиком на своей постели, уставившись на его имя на экране телефона. *Не пиши ему, Рейчел.* Он сейчас с другой, и все складывается идеально для тебя, так что ты можешь перестать с ним видеться и вернуться к работе.

Я так и лежу в постели, когда, чуть позже полуночи, на экране высвечивается:

СЕНТ

«Я могу приехать к тебе?»

Я хмурюсь. Не отвечаю, но держу телефон в руке, не в состоянии отложить его в сторону.

Телефон начинает вибрировать.

«СЕНТ», высвечивается на экране.

Мое сердце колотится, пока я сажусь, делаю глубокий вдох, а затем отвечаю максимально обыденным тоном.

— Привет, я думала, у тебя на сегодня большие планы.

— Касательно тебя — да, — от тихонько рычит, голос хриплый от желания. — Я могу приехать?

ХООООООООЧУ.

Я хочу его, хочу его. ХОООЧУ ЕГО. От одного звука его голоса по моим венам разливается возбуждение.

— Я сплю.

— Везет тебе.

— Хорошо сегодня провел время? — спрашиваю я.

*Теперь она станет твоей любимицей?*

— Нормально.

— О.

— Я положил конец всем слухам о нас. На некоторое время пресса теперь отстанет от тебя.

— О, — радостное изумление наполняет меня. Он поэтому был с ней?

— Что ж, спасибо, наверное.

— Может теперь, Рейчел, ты сходишь со мной на один из таких вечеров.

— Не могу, — говорю я, кровать поскрипывает, когда я переворачиваюсь на другой бок, устраиваясь поудобнее. — А чем ты сегодня занимался? Расскажи мне, что я пропустила? — я накрываюсь одеялом, и жду, когда его голос окажет свое привычное влияние и успокоит меня.

— Все тем же. Интереснее всего этим вечером было встретить одного из моих сотрудников. Мужчина, который был в коме, очнулся и обрел способность говорить на нескольких языках.

Я смеюсь.

— Невероятно! Обожаю такие необъяснимые, но увлекательные истории.

— Я подумал, тебе будет интересно узнать, — говорит он, посмеиваясь. Я слышу, как хлопает дверь автомобиля. Он сейчас приехал домой?

— А какие? В смысле, какие языки?

— Немецкий, французский и русский. — Тишина. Затем... звонок лифта? — Видишь ли, Рейчел, — по голосу слышно, что он дразнится, — тебе бы понравилось. Я бы позаботился о тебе этим вечером.

— О, я не сомневаюсь. К тому же, у меня слабость к иностранным языкам. Мужчина, говорящий на немецком, ммм.

— Я могу этой ночью шептать тебе на ушко по-немецки.

Я смеюсь, затем становлюсь серьезной. Я слышу шаги, затем звук захлопывающейся двери. Я представляю его в его комнате, всеми фибрами желая оказаться там.

— Нет, мы правда не можем, — выдыхаю я.

Я слышу глухой стук.

Он что — запрыгнул на кровать?

— Мы можем, просто ты боишься, — шепчет он.

— А ты нет? Не боишься? Не обеспокоен?

— Я не обеспокоен, я заморожен всем этим. Нами.

Я чувствую, как моя стеснительность возвращается. Сент такой пронизательный.

Ощущает ли он это притяжение в той же мере, что и я?

Когда я снова слышу его голос в динамике, он поражает меня своей глубиной и густотой, словно сироп.

— Учитывая, что я не ожидал когда-либо испытать привязанность, что

испытываю к тебе, не говоря уже о том, чтобы это длилось дольше недели, я не намерен это отпустить, Рейчел, — шепчет он.

С головы до кончиков пальцев охваченная огнем, я смотрю на потолок, возбужденная и напуганная, не уверенная, что говорить и куда нас приведет, если я признаю, насколько сильно я к нему привязалась. Я все еще чувствую его в своем теле. Чувствую внутри себя. В местах, где не сделать татуировку. В местах, до которых еще никто не рискнул дойти.

— Значит, вызов, — отвечаю. — Я для тебя вызов.

— Возможно, — говорит он, всё еще хриплым голосом. — Вызов всей моей жизни.

Я смеюсь.

— А теперь ты дразнишься.

Но он не смеется в ответ.

Некоторое время мы молчим, тишина такая, что я почти слышу в динамике, как бьется его сердце. Слышу его тихое дыхание.

— Спокойной ночи, Сент.

— Малкольм, — тихо поправляет он.

— Малкольм.

Наконец, он смеется.

— Спокойной ночи, Рейчел. Думай обо мне.

Вот блин. Я стону.

*Чего он хочет от меня? Чего я хочу от НЕГО?*

Мне нужно поговорить с кем-то, кто не станет напоминать мне, какую кашу я тут заварила.

## Глава 24

# МАМАМ ВИДНЕЕ

Мне нужно увидеться с мамой. Во-первых, хочу убедиться, что у нее здоровый цвет лица, что она не набрала и не потеряла вес из-за нестабильного уровня сахара в крови. Во-вторых, я уверена, она даст мне умный совет, скажет что-то, что поможет найти положительные стороны в этом бардаке, что я развела. Я прошу девочек пойти вместе со мной. Мне нужен этот девичник, обычно время, проведенное в компании моих девочек, помогает мне почувствовать себя лучше. Чай, вкусняшки, разговоры о магазине ароматерапии, в котором работает Уинн, и об Эммете, рассказы Джины о забавных случаях на работе, мама, рассказывающая, как ей удалось улучшить момент и порисовать в комнате, которая раньше была моей, обсуждение тем из моей колонки.

Мама на вид ничуть не поменялась и это отлично. Она клянется, что ее инъекции инсулина работают, как часы, что скачков уровня сахара не было, как и случаев гипогликемии.

На все новости в жизни девчонок мама реагирует с широкой улыбкой на лице, и с каждой секундой ее глаза становятся все удивленнее.

— И вот теперь она собирается с ним покончить, — Уинн заканчивает вводить маму в курс происходящего.

Мама смотрит на меня в удивлении, после чего начинает смеяться.

— О, эти мальчишки, они и ведут себя, как маленькие. Просто они такие, но это не делает их исчадиями зла. Малкольм Сент был таким себе героическим холостяком с самого рождения, чего не сказать о его папаше-дьяволе!

— Я не говорю, что он зло, — вспыхиваю я, вставая на защиту. — Просто эта статья... это работа, будто распахивание занавеса, открывающего что-то новое о теме, которая до ужаса интересует людей. Я, конечно же, не собираюсь писать, что он - исчадие ада! — звучит, будто я оправдываюсь, что заставляет меня хмуриться. — Мам, я не подлый человек, я просто стараюсь выполнять свою работу.

— Так что ты напишешь? Что он бабник? Не похоже, чтобы все эти девушки были против, чтобы ими так воспользовались. Я, в свое время, была не прочь. Вот твой отец...

— Хватит!

Она пораженно смотрит на мой взрыв эмоций.

— Мне нужно написать эту разоблачающую статью, и знаешь, почему? Потому что, если я этого не сделаю, меня уволят, и я не представляю, как справлюсь с этим. А если и не уволят, «Эдж» на грани закрытия, значит десятки людей окажутся без работы. К тому же это, мам, это мой шанс купить тебе дом! Твой собственный дом, где ты могла бы рисовать, и, возможно, дала бы мне позаботиться о тебе. Так что я *напишу* эту статью, потому что я профессионал, для журнала это станет новым витком, мне не придется волноваться из-за работы, а может даже станет толчком к новому уровню, и я смогу купить тебе крутую машину, супер крутой дом, не будет никаких проблем с деньгами, а Сент с десятком любовниц будет кататься на своей яхте и ему будет плевать на все.

Мой голос срывается, а в глазах стоят слезы, Джина и Уинн, которые отвлеклись, рассматривая журналы, внезапно смотрят на меня.

Выражение лица мамы смягчается.

— Рейчел, мне не нужен дом, — говорит она, медленно опуская коробку с чаем, которую достала из шкафа.

Одинокая слеза скатывается из уголка глаза, но я тут же вытираю ее.

— Ну, что ж, а ты все равно получишь его. Мамуль, ты заслужила собственный дом.

— Рейчел, это на тебя так сильно сказалось отсутствие отца? Его потеря так ранила тебя? — она подходит, садится рядом, и берет мою руку в свою теплую ладонь.

— Это не имело значения. У меня была ты, — заверяю я ее, часто моргая, ведь у нас никогда не было подобного разговора.

— Тогда зачем тебе совершать что-то такое, что явно не клеится с твоей натурой? — спрашивает мама, всегда такая понимающая.

По щеке сбегает еще одна слеза. Я вытираю ее, насторожившись, что Уинн и Джина притихли, все молчат, кроме меня, хватаящей ртом воздух в попытке не разрыдаться еще сильнее.

— Что ж, разве не в этом смысл жизни? — спрашиваю я маму. — В том, чтобы делать трудный выбор? Разве то, что ты отказалась от рисования в пользу работы - не то же самое? Это решение разбило тебе сердце, но тебе пришлось его принять, потому что выбора не было. Ведь так?

— Этот молодой человек, что он чувствует по отношению к тебе?

— Мам, он не любит меня. Он не мой отец. Это не была любовь с первого взгляда, не было соединения душ. Он не хочет быть со мной так, как отец хотел быть с тобой. Он не думает, смотря на меня «Вот моя

половинка, с этой женщиной я хочу провести остаток своих дней, не важно, сколько отведено!»

Я не могу продолжать. Горло сжимается, а в груди болит.

— Я для него вызов, — добавляю я тихо. — Я для него просто своего рода вызов. Он не влюбляется, не создан для этого. Мы с ним... — что-то в моей груди продолжает сжиматься, словно удавка затягивается, а глаза горят огнем. — Мы с ним не продержались бы и пару месяцев. И, как и мой отец, в какой-то момент он бы, пфф, и исчез, и снова останемся мы с тобой. Ты и я, мам. Как и всегда.

Не думаю, что я выдержу ее ответ, любой ответ, успокаивающий или уверяющий в обратном, или согласный с моим мнением, отчего станет только больнее. Из-за того, что на меня направлены три пары удивленных глаз, словно у меня из головы полезли змеи (потому что я *плохой* человек, а это и происходит с *плохими* людьми), я встаю и ухожу дальше по коридору в свою старую комнату, и закрываю дверь. Тяжело дыша, я сажусь на табурет перед маминой неоконченной картиной, а по щекам текут слезы. Даже не знаю, почему я плачу. Все не должно быть настолько невыносимо тяжелым. Я не ждала, что будет так тяжело. Но мои друзья и мама начинают думать, что я совершила ошибку.

Вздохнув, я ложусь на пол там, где раньше стояла моя кровать, и смотрю на потолок. Точно так же я смотрела в потолок, будучи маленькой девочкой, которая хотела, чтобы отец был рядом, которая мечтала, которая хотела что-то изменить, которая хотела писать, потому что журналистика сознает что-то... создает что-то из ничего.

Будучи подростком, я лежала тут и, до встречи с Джинной, до того, как она встретила Пола, я думала, полюблю ли я когда-нибудь мужчину так, как моя мама полюбила отца. Моя мама любила его задолго до того, как ему даже представился шанс разочаровать ее или разбить ей сердце. У моей мамы особое представление обо всех мужчинах, она считает, что они по сути своей хорошие, ян всей вселенной, идеальное дополнение к нашему инь. И в юности я загадала, каким же будет мой ян. Чем он будет заниматься. Как будет выглядеть. Как сильно будет меня любить.

Я и подумать не могла об игривых зеленых глазах и дюжине особых улыбок, о мужчине, который бросит мне вызов, будет дразнить, будет в равной степени испорченным и идеальным, и заставит меня желать узнать его всего, вплоть до самой затаенной мысли.

*Бедная девочка...*

Боже. Я совершила такую большую ошибку.

Сопrotивляясь ему, я лишь заинтересовала его еще больше.

Уступив ему, я лишь обрекла себя на страдания.

Ошибка не в том, что я согласилась написать это разоблачение, а в том, что я ослабила защиту и сблизилась с ним настолько, что теперь он будто часть моей души. Ошибкой было брать в руки его рубашку, и идти к нему в клуб, и на его яхту, и отвечать на его поцелуй, и идти к нему в квартиру, чтобы умолять заняться о мной любовью, даже после того, как обещала самой себе, что этого никогда не произойдет.

Я должна покончить с этим, но прямо сейчас не могу привести логические доводы. От одной мысли, что надо порвать с ним, мне только сильнее хочется его увидеть.

Поддавшись импульсу, я достаю телефон и набираю номер. В ответ слышу его голосовую почту. Должно быть, он как раз трахает другую девчонку, настраиваю я себя. Я оставляю сообщение:

«Эй, это я. Просто... да нет, ничего. Позвони мне. Или нет. Пока.»

Я вешаю трубку. Затем вытираю слезу и беру себя в руки. У меня была цель, шанс написать разоблачение, добиться популярности, продвинуть свою карьеру, показать настоящего Сента, а не легенду. Возможно, я смогу раскрыть глаза девушкам и помочь кому-то избежать разбитого сердца. Возможно, они поймут, что Сент не полюбит их. Никто не полюбит, кроме них самих, если они приложат к этому усилия. А еще их друзья, если они сделают правильный выбор. И их семьи, если им повезло. Вот моя точка зрения, точка зрения юной девушки, которая росла, думая, каково это жить с любовью мужчины, а выросла с намерением доказать, что эта любовь ей и не нужна вовсе. Я знаю, что там полно девушек вроде меня. Тех, кто не встретил парня ни в семь, ни в тринадцать, ни в пятнадцать, у них даже при рождении не было мужского плеча поблизости. Зачем же нам ждать мужчину сейчас, когда мы выросли? *Он нам ни к чему.*

Он перезванивает.

— Привет. Ты в порядке? — спрашивает он.

— Я... — давление внутри ослабевает от звука его голоса. Я никогда не чувствовала такой связи с мужчиной. Когда слышишь беспокойство в его голосе, и уверена, что он слышит грусть и разочарование в твоём. Как такое возможно? Я вытираю глаза. Ненавижу, ненавижу плакать. — Да, я в порядке. Просто хотела поговорить с тобой.

Я стараюсь говорить ровным голосом, злясь, что он все равно срывается. На проводе напряженное молчание. Вперед, Рейчел. Попрощайся с Сентом прямо сейчас. Думаешь, ему сейчас хочется возиться с плаксой?

— Где ты? — спрашивает он.



— Я у мамы. Собираюсь обратно к себе.

— Отис будет ждать тебя там. Пообедай со мной.

Мой голос становится застенчивым, когда я соглашаюсь: «С удовольствием, Малкольм.»

Он молчалив, будто в растерянности от того, какой ранимой я сейчас кажусь. А затем он удивляет меня, отвечая низким, отчаянно хриплым и нежным голосом: «Я правда рад. До скорого.»

Я вешаю трубку и смотрю на телефон, сердце в груди буквально пылает от боли. Я влюблена в него? Почему я настолько поглощена, так запуталась? Кажется, будто мой разум указывает мне в направлении логики и карьеры моей мечты, но остальная часть меня не желает ему следовать, если это означает, что мне придется расстаться с Сентом.

Я бросаю взгляд на картину моей мамы и поражаюсь ее невероятной красоте. Ничего подобного она еще не рисовала, будто все эти годы, что она не могла заниматься любимым делом, оно скапливалось в ней, создавая мощный поток, который, будучи выпущенным на волю, воплотился во всей своей красе на холсте. На всей комнате.

Прямо как роман с Сентом, который так же поглощает меня.

## Глава 25

# НУЖДАЯСЬ В СЕНТЕ

Спустя два часа мы подъезжаем к пирсу. Увидев его на палубе «Игрушки», я стараюсь замедлить дыхание. На мне простое желтое платье, ведь я не планировала сегодня встречаться с Сентом, и мне приходится удерживать разлетающуюся юбку, чтобы не обнажиться раньше запланированного.

Ветер, развивающий мне волосы, когда я поднимаюсь на палубу, прижимает ткань его рубашки-поло к накаченным плоским мышцам груди. Помимо рубашки, на нем белые мешковатые шорты карго, обнажающие мускулистые крепкие ноги.

Он подхватывает меня на руки и кружит по палубе, потом берет за руку и ведет на верхнюю палубу. Мы даже не здороваемся друг с другом. В этом нет необходимости. Я даже не осознавала, что мы уже дошли до той точки телепатического общения, которая у меня была только с мамой и подругами, когда, будучи рядом, ты без слов знаешь, чего хочет другой. Он явно может чувствовать меня на таком уровне, потому что удерживая мою руку в своей сильной руке, он ведет меня к дивану. Кажется, я настолько хрупкая, что от одного лишнего движения могу сломаться. Поэтому я высвобождаю руку, сажусь на стул напротив дивана, и молча сижу там, пока яхта направляется в открытые воды, тихо гудя двигателями.

— Хочешь поговорить об этом? — спрашивает Малкольм со своего места напротив меня, и тянется, чтобы убрать волосы с моего лица. Его глаза, словно лезвия, прорезаются сквозь все возведенные мной стены.

Малкольм настоящий бог секса. Он плейбой и игрок, но никто не видит, что скрывается за этим. Что он веселый. Но при этом, по-своему, он очень осторожный. Он добрый... это было первое, что я подметила. Он добр со мной, со своими друзьями, никогда не отказывает в просьбе о помощи от благотворительных организаций. Он всем готов помочь. Если он больше не захочет спать со мной, то для меня будет честью называть его своим другом. Настолько я уважаю его.

А еще я безумно ревную его, и понимание, что мне нужно отступить, что он достанется другой, убивает меня.

— Наступил один из тех моментов, когда моя семья... ну, вернее, моя

мама, мои друзья и я не сошлись во мнении, — бормочу я.

Беспокойство, отразившееся в его взгляде, едва не становится для меня последней каплей, ведь прямо сейчас я ненавижу себя за свою работу. За то, что делала.

— Малкольм, — его имя звучит как тихий стон.

Он притягивает меня к себе, усаживая между своих колен.

— Я со своей семьей никогда не сходилась во мнениях, — произносит он, пересаживая меня к себя на бедро, и я удивлена, что он сам решил заговорить о семье. Тихий голос в моей голове шепчет *«Он делает это ради тебя, Рейчел. Ради вашей связи.»* — Меня это выводило из себя. Думал, что со мной что-то не так. Не важно, во что верят они. Во что веришь ты?

*Что я облажалась!* Мне хочется заплакать. Я опускаю взгляд на его руку на моем бедре, и накрываю ее своей, потому что не хочу, чтобы он переставал прикасаться ко мне. А еще, потому что знаю, когда я опубликую свою статью, то уже больше никогда не испытаю прикосновения этих больших сильных рук. Смогу ли я пойти на это?

— У нас во всем и всегда были разногласия, — продолжает Малкольм. Он убирает мои волосы за ухо, а когда ветер все равно развивает их, собирает в кулак и удерживает на затылке, чтобы мы могли смотреть друг на друга. — Что бы я не делал, все было плохо. Я никак не мог соответствовать своему имени.

— И раз уж ты не мог быть Сентом в их понимании, ты создал собственную репутацию?

По его взгляду было видно, что эта тема дается ему не легко.

— Не-а. Просто делал, что считал нужным, стараясь быть счастливым несмотря ни на что.

Сент наблюдает за мной, словно пытаюсь определить, почему я несчастна.

Даже не так. Он очень внимательно наблюдает за мной, стараясь определить, что *он* может сделать, чтобы я стала счастливой.

— Большую часть времени я счастлива, — признаю. — А иногда такое чувство, словно я жду чего-то. Будто я всю жизнь провела без какого-то важного элемента.

— Мне знакомо это чувство.

Он кивает и я кладу руку ему на подбородок, немного дразня.

— Я уж думала, что все твои игрушки прекрасно дополняют твою жизнь. Ах, да, еще твои блондинки.

— Игрушки — нет, — он смеется, хватая меня за руку, не позволяя

встать, вместо этого сильнее притягивая к себе. Приземляясь у него на коленях... что ж, скажем так, это было не мягкое приземление. — И только одна блондинка.

Он хочет меня.

Его член настолько твердый, что я чувствую его через всю одежду. Меня бросает в жар, когда Малкольм проводит рукой по волосам. Шепчет мне на ухо «Ты выглядишь заведенной и готовой для занятий любовью.»

— Не пропадать же такому стояку, — дразнюсь я.

Он смеется, но улыбки угасают, пока мы смотрим друг на друга.

— Я видела... как ты пресек слухи о нас, — наконец говорю я.

Он смотрит, словно ожидая вопроса.

Я хочу спросить, но не могу. Было бы верхом лицемерия спрашивать, не спит ли он с другой, пока я сама настаиваю на том, что между нами ничего нет.

— Нет, я этого не делал, — отвечает он, наблюдая за мной, наверняка подмечая то смятение чувств, что отражается в моих глазах.

Я влюбляюсь, и от этого головокружительного чувства внутри все замирает. Я играю с огнем, оставляя свое сердце прямо на железнодорожных путях, где его вскоре расплющит. Но ни страх обжечься, ни приближающийся поезд не могут остановить меня.

— Ты бы мог, — говорю я со всей возможной невозмутимостью.

— Ага, я знаю, — он едва сдерживает улыбку, его озорной взгляд переполнен нежностью, словно я умиляю его.

Сердце колотится, и обхватив руками его шею, я шепчу «Я рада, что ты не стал» и медленно страстно целую его мускулистую шею, вытягивая рубашку из-за пояса.

— И не стану, — хрипло шепчет он, и, для человека, который не дает обещаний, эта фраза очень похожа на обещание, теплом окутывающее мое ухо, пока я ласкаю кубики его пресса. Я расслабляюсь, все узлы во мне, от возбуждения я начинаю дрожать, он улыбается, замечая это.

— Малкольм, — шепчу я, неожиданно более влажная, чем когда-либо, чувствуя, что сейчас он принадлежит мне, только мне. Пока я покрываю его поцелуями, он зарывается носом в мои волосы, запутываясь пальцами в их длине.

Скользнув руками под рубашку, я целую его пресс, и каждый открывшийся сантиметр, двигаясь вверх к коричневым соскам. Я провожу языком вверх к соску, пока он поднимает мое платье до талии, берет трусики в руку и стягивает их вниз одним движением. Я встаю и сбрасываю их с ног, пока он, пользуясь моментом, расстегивает шорты, и

высвобождает член.

Я дрожу от желания, пока он натягивает презерватив. Он тянется ко мне, и я сгибаю ноги, расставляя их по обе стороны от его бедер, опускаясь вниз. Подол моего платья прикрывает нас, так что даже случайные зрители с проплывающих мимо яхт не видят, чем именно мы занимаемся.

Он настолько большой, что я стону каждый раз, как он полностью входит, и ему это явно нравится, нравится заставлять меня стонать.

Нравится заниматься со мной любовью.

Медленно наши тела соединяются, губы встречаются, а удовольствие нарастает. Нас разделяет одежда, но его плоть внутри меня, и я с жаром все туже обхватываю его, а каждый толчок бедер погружает его все глубже.

Он бормочет что-то сексуальное и неприличное, уткнувшись мне в макушку, а я киваю, соглашаясь, даже не расслышав, и говорю «да».

\*\*\*

После вкуснейшего обеда мы идем в каюту. Малкольм спит без одежды, что делает наши совместные ночевки моей главной зависимостью. Я скольжу под простыни, прижимаюсь щекой к его груди и слушаю стук его сердца, закинув ногу на его длинное мускулистое бедро.

Словами не передать, насколько защищенной я сейчас себя чувствую.

— Тебе лучше? — спрашивает он.

— Намного, — признаю я.

Расслабляясь, я думаю о том, что сказала Джина. Есть ли у нас с Сентом какое-либо будущее вместе. Может ли между нами быть что-то, хоть отдаленно напоминающее романтические отношения. Я не хочу надеяться, что после публикации моей статьи между нами может что-то быть. Но, пока он в тишине гладит меня, очень сложно убедить себя, что это не продолжится и дальше, что так не будет всегда.

Несмотря на измождённость, я не могу уснуть. Как бы я ни готовилась. Сколько бы эмоциональных бронжилетов не натягивала. Сколько бы с собой не боролась. Сколько бы грязи не накопала на Малкольма Сента, наплевав на реального человека, а не образ. Все равно я не смогу выстоять. Он зацепил меня, как никто раньше. Даже зная обо всех его недостатках, я не избежала привязанности. Даже наоборот, привязалась еще сильнее.

Связавшись с ним, привязалась к нему.

Мое разоблачение... что мне разоблачать? Я пришла с целью узнать и

сбросить маску с легенды, а обнаружила под ней того, кто лежит сейчас потный и сонный в моих руках, плоть и кровь, несовершенный и неотразимый. И здесь, с ним, я впервые в жизни хочу остаться и никуда не сбегать.

\*\*\*

Все ночь у нас был секс-марафон, так что все утро мы проспали, пока «Игрушка» мягко скользила по водной глади. Кожу пощипывает на солнце, втер играет волосами, яхта медленно покачивается на волнах. Мерное гудение двигателей убаюкивает.

Сент кладет трубку, завершив очередной деловой звонок. Он ложится рядом со мной.

Под солнечными лучами, отражающимися в озере, тень яхты переливается серебром на поверхности воды. Потянувшись, я переворачиваюсь на живот, развязываю лямки купальника, чтобы не осталось следов от загара.

Малкольм тут же кладет руку мне на спину, поглаживая обнажившуюся кожу.

— Твоя огромная лапа загорит у меня на спине! — смеюсь я.

Засмеявшись, он поднимает руку выше, обхватывая мою шею, затем еще выше по затылку. Снова звонит телефон, он встает и начинает расхаживать по палубе, пока разговаривает. Я замечаю, как улыбка появляется на его лице.

Он проводит рукой по сексуальному беспорядку, в котором находятся его волосы.

— Да? Хорошо.

Словно охмелев, я ухмыляюсь, мне нравится наблюдать за ним в работе, интересно, чем он занят. Пока я с ним, я не могу думать о чем-либо другом, кроме всего того, что делает Сента тем, кто он есть.

Бросив на меня взгляд, продолжая говорить по телефону, он пальцем подзывает меня к себе. Боже, какой же он властный. Нахмурившись я сажусь, пытаюсь завязать бикини, снедаемая любопытством.

Я подхожу, он вешает трубку. Шепчет «Хочу тебе кое-что показать. Пойдем.» Зацепив бретельку от моих трусиков, он тянет меня за собой. Мы подходим к диванчикам на палубе, где лежат кремы для загара и фрукты, а еще его ноутбук и прочие устройства. Открыв ноутбук, он вводит пароль.

Я сижу на его бедре, немного отодвинувшись, чтобы ему было удобнее

печатать. Он авторизуется на какой-то странице, кликает на кнопку и открывается окно с изображением улицы.

— Что это? — хмурюсь я, приблизившись к экрану.

— Кое-что, — говорит он низким голосом, — что, как мне кажется, понравится леди. Посмотри на экран.

На экране несколько изображений: вход в продуктовый магазин, угол улицы.

— «Конец насилию» добивалось установки камер наблюдения для безопасности граждан, — объясняет он.

Внутри меня все холодеет от шока.

— Я знаю.

— Я спонсировал эту организацию. Правительство уже направило несколько спутников, еще парочка на очереди.

Я настолько поражена, что рукой прикрываю распахнутый рот, а мое очевидное потрясение вызывает у Малкольма веселье.

— Нечего сказать? — посмеивается он.

С трудом закрыв рот, я смотрю на него широко распахнутыми глазами. *На него* — постоянно меняющуюся загадку. Постоянно удивляющего меня. Дразнящего меня. Надоедающего меня. Соблазняющего меня. Очаровывающего меня.

— Это лишь на шаг приближает меня к завоеванию луны, о котором ты когда-то спрашивала, — ласково дразнится он, а у меня все еще нет слов, настолько я *поражена*.

Следя за моей реакцией, он улыбается, проводя костяшками пальцев вдоль моего подбородка.

— Ты открыла во мне стороны, которых, как я считал, у меня не было, - его голос низкий и полон восхищения, а пронизательный взгляд - благодарности. — Мне говорили, что я беспечен, что на меня нельзя положиться, что мне на всех наплевать, на всех, кроме себя. Мой отец винил меня во всех грехах, а мама считала, что я погублю себя. Люди смотрят на меня, будто ожидая, что я достану им луну с неба, но ты смотришь так, будто я уже. Будто все, что требуется, чтобы я просто был, и этого будет достаточно тебе для счастья, — бормочет он, проводя пальцем по моему уху, улыбаясь, с радостным блеском в глазах. — Мне это *нравится*, Рейчел.

— С тобой я живу на полную, — шепчу я, даже не успевая обдумать слова прежде, чем озвучить. — Рядом с тобой я живая, все такое яркое, все отличается.

— Ооо, — он смеется, откинув голову, затем потирает подбородок, его

улыбка одновременно веселая и сексуальная. — Видишь, такие слова особенно приятно слышать.

— Это потому, что ты амбициозен и тебе всего мало, как поклонения или восхищения, так и уважения. Я люблю... это. Я очень люблю это в тебе, Малкольм.

Наклонив голову, я краснею, потому что изначально хотела сказать «тебя». Оно прозвучало в моей голове так четко и неотвратно, что я заливаюсь ярким румянцем, стараясь сдержаться.

— Я правда в восторге, — добавляю я, снова сосредоточившись на экране.

Прикоснувшись к моей голове, и повернув меня, он заставляет посмотреть на себя, смотря на мои губы, и легонько касаясь их.

— Отлично. Моя девушка хочет изменить мир, а я хочу им обладать.

— Почему ты так настаиваешь, чтобы я стала твоей девушкой? — возмущаюсь я, но когда его взгляд перемещается от моих губ выше, встречая мой взгляд, то смущение, которое у меня появляется в его присутствии, вспыхивает с новой силой.

— Почему мы вообще чего-то хотим? — спрашивает Сент, изогнув бровь.

— Потому что это приносит нам удовольствие, удовлетворение, делает нас счастливыми.

— Так, когда я называю тебя своей девушкой?.. — настаивает он.

Какой же он упрямый! Я хихикаю, потому что он говорит в настоящем времени, как о свершившемся факте.

В понимании Сента это возможно. Он знает, что это происходит, он прикладывает все усилия, чтобы это случилось, и ему просто интересно наблюдать, сколько времени потребуется.

Мне хочется сказать «Уже!», но я не могу.

— Давай поговорим об этом позже, — вместо этого предлагаю я.

Он кладет раскрытую ладонь мне на щеку.

— На следующей неделе.

Узлы, узлы всюду, в животе, в груди, в горле.

— Возможно, мне понадобится больше недели, чтобы выйти из своей зоны комфорта, — говорю я, запинаясь, заметив напряжение в его челюсти и смятение во взгляде. Вкупе с моим собственным щемящим сердцем, эта необходимость отказывать ему убивает меня. — Но... будешь ли ты ждать?

— Я жду, Рейчел, — заверяет он меня, его голос уверенный, словно нет никаких сомнений, что он будет ждать столько, сколько потребуется. Он наклоняется вперед и дарит мне сладчайший, сексуальнейший поцелуй в



самый уголок губ.

Внутри себя я горестно вздыхаю, но он не может это слышать и не замечает.

Его внимание возвращается к компьютеру, он проверяет программное обеспечение, пробегая по клавиатуре своими длинными пальцами, печатая, как я сейчас замечаю, так же быстро, как я сама (а я печатаю молниеносно). Я сижу в его объятиях, наблюдая за тем, что он показывает, и чувствуя себя в безопасности. Его аромат доносится до меня, и я делаю глубокий вдох, становясь влажной между ног, и счастливой в душе.

— Я снова хочу тебя, — шепчу ему на ухо.

Сент рукой накрывает меня между ног и пододвигает, начиная ласкать.

— В этом и была задумка всего этого, — шепчет он, касаясь моего уха.

Я поворачиваюсь и наши носы сталкиваются, а мое дыхание касается его губ, когда я говорю.

— Я очень мокрая, — признаюсь я. — Позволь мне привести себя в порядок. Я хочу выглядеть настолько круто, чтобы фраза "мой тип девушки" приобрела новое осмысление.

Но стоит мне встать, как он притягивает меня обратно, смеясь, давая понять, что я веду себя глупо.

— Иди сюда.

— Нет же, серьезно! — смеюсь я, добавляя, — я сейчас вернусь, — и быстро иду в ванную, чтобы навести красоту. Замечаю, что телефон мигает.

Уинн: «Эй, мы тут волнуемся за тебя, перезвони!»

Джина: «Рейчел, ты где? Ты в порядке? Мы волнуемся»

Отвечаю им обеим.

«Физически я в порядке, но в целом, крупно вляпалась в неприятности»

Я убираю телефон в сторону, а когда выхожу, Сент лежит на спине на кровати, голова на скрещенных руках, простыни достают до пояса, обнажая грудь, одежда уже валяется в стороне. Внутри меня затягивается узел от желания, обдавая яростным жаром, моля о разрядке. Моля меня о нем.

Руки дрожат от огня, бегущего по венам, когда я медленно развязываю лямки бикини и раздеваюсь для него. Я продлеваю момент, несмотря на кричащие требования своего тела, каждое мгновение, проведенное вне этой кровати с ним — пытка, каждая клетка во мне дрожит в темноте, в его глазах смятение, в его порочном взгляде я вижу желание обладать, вижу чувственность и сексуальность.

## Глава 26

# ДРУЗЬЯ И ФАНТАЗИИ

Джина и Уинн беспокоятся, что после встречи у мамы дома вчера утром, у меня сорвало крышу.

После того, как Малкольм привез меня домой, я прошу у Джины полчаса на помыться и переодеться. Вскочив в душ, я позволяю себе помечтать, намазываясь и понимая, насколько чувствительна кожа между ног. Когда выхожу, Джина выглядит насупившейся и взволнованной.

— Что происходит? Рассказывай, — спрашивает она, пока мы идем на встречу к Уинн, — Ты все это время была с Сентом?

— Да, — признаю я.

— И? Ты со всем покончила? Или позвонила Хелен? Что вообще происходит? Я все раздумывала над ситуацией, взвешивая все «за» и «против», и не считаю, что разумно бросать карьеру ради мужчины. Особенно мужчины с определенной репутацией. Когда он разобьет тебе сердце, Рейчел, ты даже не сможешь сказать, что не ожидала подобного!

Пользуясь тем, что она продолжает говорить, я ненадолго отключаюсь от разговора, к этому моменту мой пустой желудок уже переполнен желчью из-за необходимости так скоро принять важное решение.

Не встретив отрицания или несогласия со своими словами, Джина резко меняет тактику и начинает расписывать, насколько замечательна жизнь без пары. Она пытается взбодрить меня, потому что наши с Сентом отношения, очевидно, ни к чему не приведут? Или беспокоится, думая, что я, действительно, решусь выйти с Сентом в свет, подвергнув себя тому же всеобщему вниманию, в котором живет Малкольм изо дня в день?

Нет. Она в режиме «защитить любой ценой», поэтому хочет, чтобы я прекратила эти отношения, и сделала это немедленно.

— Я планирую жить, не подвергаясь осуждению за каждый съеденный кусок торта, хочу красить ногти в причудливые цвета, тратить деньги на что вздумается, пускай даже влезая в долги. Я сама выбираю этот путь, а значит, готова пойти на риск, — говорит Джина.

— Ага, огромный риск, Джина, — отвечает Уинн с сарказмом. Похоже, сегодня, пока мы сидим в нашей обычной кабинке в кафе, она настроена поспорить с доводами Джины. — Красить ногти, есть торты и тратить

деньги, да ладно! Настоящий риск — это продолжать жить полноценной жизнью даже после того, как засранец Пол порвал с тобой.

— Ведь уже давно единственный, кто прикасался к тебе, это твоя маникюрша. Да и Рейчел не далеко ушла.

— К твоему сведению, что я, что Рейчел, трахались до потери сознания. Видишь, она до сих пор не пришла в себя, поэтому влюбилась в парня, который переспал со всеми, включая местную официантку. А может, и не одну. Может даже с кем-то из нас!

— Джина! — кричу я.

— И с кем же *ты* там трахалась? — с вызовом спрашивает Уинн.

— Со своим вибратором!

— Да уж.

— Уинн, он разбил мне сердце! Ты-то всегда первой бросаешь своих парней. Стоит страсти поутихнуть, как тебя и след простыл. А я отдаюсь любви всем сердцем! Он это сердце забрал, как и свои рубашки, в которых я так любила спать, как и мое доверие к мужчинам. Даже мою кофеварку вынес.

— Девочки, ну же, все хорошо, — пытаюсь я их успокоить.

Джина поднимается.

— Я думала, мы не осуждаем друг друга. Я собираюсь на массаж, а потом продолжу жить своей идеальной жизнью, нравится тебе это, или нет!

— Уинн, это было жестоко, — говорю я с упреком, когда Джина уходит.

— Рейчел, я не осуждаю! Я отстаивала свою точку зрения, что я единственная из нас троих, кто решается жить дальше.

— *Мы тоже* живем. Что плохого в том, что иногда это настолько страшно, что мы предпочитаем двигаться постепенно, дабы не облажаться? А иногда нам приходится принимать какое-то решение, выходить из зоны комфорта независимо от наших желаний.

— Не припомню, чтобы у тебя случалось подобное. Ты окружила себя своими убеждениями, и шагу не ступаешь из своей зоны комфорта.

— Уинн, я влюбилась.

Я продолжаю сидеть на том же месте, но стоило словам вырваться, и то чувство, что так долго жило внутри, неожиданно обрело название, стало реальным. И от этого стало больно. Все эти разговоры о парнях и кофемашинах, и до меня доходит, что я тоже сплю в его рубашке, но сделала бы все, что угодно, чтобы продолжать спать в его объятиях. Чтобы заполучить больше, чем одну рубашку. У нас может и нет общей кофеварки, но я бы пошла на что угодно, чтобы однажды проснуться с ним

и выпить по чашке кофе, пока его волосы все еще в полном беспорядке.

— Я влюбилась в Сента, — тихо произношу я.

Уинн смотрит на меня, и в её широко распахнутых от шока глазах, смешались беспокойство и замешательство. Она убирает с лица ярко рыжий локон, чтобы продолжать пялиться на меня в упор.

— Я по уши влюблена. Окончательно и бесповоротно. Если желаешь понаблюдать за катастрофой — занимай места в первом ряду, кровичку гарантирую.

Со вздохом, Уинн берет меня за руку.

— Не бывает удачного времени, когда дело касается любви. С первого взгляда или нет, любовь — это всегда падение. Секунда и ты попал. Остается лишь молиться, что, когда ты приземлишься, ты не останешься один.

— Я даже не знала, что хочу этого. Что хочу, чтобы мною так восхищались. Даже когда я без макияжа и полностью обнажена. Я никогда не хотела, чтобы ко мне прикасались при любом возможном случае. Никогда не хотела выдумывать причины, чтобы коснуться в ответ, лишь бы почувствовать его тепло, понять, что он реален, не выдумка. Я, правда, жила очень закрыто, а тут появляется он, такой осязаемый, заставляет меня чувствовать что-то бесконечное... Я думала, что знаю, чего хочу. А потом встретила его, и уже ни в чем не уверена.

— Ты хочешь чего-то нового, и это нормально, — говорит Уинн, будто это так же легко, как сменить цвет лака для ногтей.

— Это *не* нормально. Ты осознаешь, кто он? Я сама подставляюсь. Желая невозможного. Мужчины вроде него не меняются.

— Я не согласна! Люди всегда меняются, это закон эволюции - мы меняемся. К лучшему. Ради выживания.

— Кто знает, что это к лучшему.

— Он. Ведь быть с тобой — многое значит, это значит, что он становится хорошим парнем. Ты можешь дать ему чувство предназначения. Он может дать тебе чувство безопасности. Умные мужчины ценят женщин, бросающих им вызов, подстегивающих стать лучше... даже если не знают об этом, пока не встретят такую. А Сент умен, Рейчел. Думаешь, он не знает, чего от него хочет 99% его окружения? А ты *хорошая* девушка. Не сильна в готовке, но любой парень будет счастлив рядом с тобой, — она замолкает. — Он знает?

Я качаю головой и тихо отвечаю:

— Пока нет, — что-то крупнее и противнее бабочек внутри наполняет меня, когда я думаю о том, чтобы рассказать ему, а самое главное, меня

переполняет страх. — Как ты и сказала, я боюсь сделать даже небольшой шаг из своей зоны комфорта, чтобы потом не остаться в одиночестве.

— Он встречается с другими? — с беспокойством спрашивает Уинн.

Я жду, пока официантка поставит на стол корзинку с итальянской фокаччи и тарелочку с оливковым маслом, прежде, чем продолжить.

— Я никогда не надеялась на то, что наши отношения будут эксклюзивными, но... не думаю, что он встречается с кем-то другим. Он продолжает зависать с тусовщицами, но... у нас с ним полно секса. *Очень много секса, Уинн.*

Её взгляд засветился.

— Для не моногамного животного, вроде него, это круто — спать только с тобой!

Чувствую обжигающий румянец, все эти разговоры о сексе лишь напомнили мне о том, насколько неопишимо приятно *ощущать* Сента внутри себя.

— Не давай правилам сдерживать себя, — поучает Уинн. — Следуй за эмоциями. Все знаменитые великие романы случались не по плану, а по воле случая.

— Да, так и есть, как бы безумно не звучало — я хочу, чтобы меня накрыло и снесло. Правда. Хочу верить, что хоть раз такое может случиться со мной.

— И? — Уинн продолжает давить. — Ты уже пошла по этому пути. Не лучше ли продолжить свой путь, вместо того, чтобы бороться с ветряными мельницами своих страхов?

— Все не так просто, Уинн, — я откидываюсь в кресле, вымучено вздохнув. — Не знаю, как Хелен воспримет то, что я больше не хочу работать над этой историей. «Эдж» на волоске от закрытия. Даже если Сент может измениться и захотеть чего-то настоящего со мной, то получится, что я ставлю свое собственное счастье выше стольких рабочих мест. Это убивает меня.

— «Эджу» конец в любом случае.

— Нет, — скорее по привычке отрицаю я саму идею, качая головой. — Эта история может вдохнуть новую жизнь...

— А как же ты, Рейчел? — во взгляде Уинн видна забота, для нее мое благополучие важнее благополучия пары дюжин человек, работающих в журнале. Словно я — карта, бьющая все остальные. — Как же моя подруга Рейчел, что насчет нее?

## Глава 27

# НА ГРАНИ

Я никак не могу найти ответ на вопрос Уинн... но к следующему утру я знаю точно - есть такие вещи, на которые мы не способны. Скорости, которых нереально достичь. Проблемы, которые невозможно решить. У каждого есть предел, граница, и я нашла свою. Я выросла, восхищаясь историями, порой даже сильнее, чем людьми. Люди мне нравились только из-за самих историй.

Но вот я встретила мужчину, которого люблю больше, чем историю. Его историю.

Так что я вошла в офис Хелен, будучи уверенной, что она меня уволит. В этот раз точно. Но не только из-за этого я сегодня не могла смотреть людям в глаза. Валентайн за своим столом ищет идеальную фото на обложку. Виктории нет на рабочем месте, я даже испытываю облегчение, что не придется терпеть ее взгляд, когда придет время признать, что я не справилась. Я сама допустила этот провал.

Хелен смотрит на меня, сидя за столом, ее уставший взгляд не скрывают даже очки. Волосы в большем беспорядке, чем обычно. Я вижу, в каком напряжении она находится, чувствую его, когда сажусь.

Она даже не здоровается. Думаю, она знает.

— Насчет статьи о Малкольме, — начинаю я.

— Малкольме? — повторяет она, выражение её лица сложно прочесть, кажется, она в замешательстве. Сняв очки для чтения, она зажимает переносицу, после чего вздыхает. — Рейчел, я была весьма терпелива по отношению к тебе. Ты просила дать тебе шанс...

— Он не такой, как мы считали.

— Да? А мне так не кажется, — она смеряет меня укоризненным взглядом. — Видишь ли, мне кажется, он именно такой, как мы считали. А еще думаю, что ты запала на него, как сотни девушек до тебя. Ты решила, что внутри этого богатого испорченного мальчишки живет достойный мужчина, что он изменится, стоит только дать ему шанс.

— Ему не нужно меняться. СМИ использовали его образ, чтобы представить его в таком свете, но он вовсе не такой, как мы думаем, как все думают.

— О, а ты знаешь это, потому что... что? Переспала с ним? Выпила парочку коктейлей? Как давно ты с ним знакома? А, Рейчел? Несколько недель? Неужели этого достаточно, чтобы узнать человека?

— О человеке можно судить уже по одному его деянию. Всего одному. Дело не во времени.

— О, как проникновенно, — говорит она саркастически, затем вздыхает. Мой ответ - нет. Ты должна мне разоблачительную статью. Ты неделями ничего не публиковала, мне нужен материал, и он должен быть на моем столе к завтрашнему дню.

— Я не могу написать это, — признаю я. — Не могу даже начать. Меня буквально начинает тошнить, стоит только сесть у компьютера.

— Просто напиши статью. Он не остановится на одной девушке. Слишком уж много возможностей быть плохим и изменять, все сходит ему с рук. У него может быть пустоголовая блондиночка на стороне, которой будет плевать, хранит ли он верность. Которая только подстегнет его к новым авантюрам..

— Он слишком умен. Он может развлекаться с пустышкой, но он не будет с ней счастлив. Малкольму нужен кто-то настоящий, — шепчу я.

— Его нужды нас не касаются, а тебе нужно сделать свою работу. На этом все.

Меня всю трясет. Уйди. Уволься. *Просто уволься.*

— Хелен, я думала, эта разоблачительная статья даст мне возможность рассказать о том, что люди хотят знать, чтобы потом я могла быть услышана, когда буду рассказывать о других вещах. Кроме того, дело было в моем отце, в том, чтобы доказать самой себе, что у всех бывают проблемы, бывают взлеты и падения, не важно, какой статус вы занимаете в обществе. Я чувствовала себя недооцененной, и хотела доказать, что способна на большее. Так и есть, я способна, но я не стану делать этого.

Я встретила влиятельного мужчину и узнала, что один лишь факт, что у вас *есть* возможность сделать что угодно, не делает ваши действия праведными. Во власти Сента миллион таких вещей, которых он не делает. Он использует своё влияние, чтобы побуждать к действиям других, я сама это видела. Он не злодей. Он делает то, что считает правильным. Он использует других в той же мере, что они используют его. Мне кажется это честной сделкой. Он не святой, но он и не испорченный грешник.

— Хорошо, очень хорошо, вот и напиши все это. Статья должна быть у меня на столе.

— Я увольняюсь, — выдыхаю я.

Хелен, вздыхая, смотрит на меня.

- Рейчел, ты не можешь уйти.
- Хелен, я только что это сделала, мне жаль.
- Я говорю, что ты не можешь уволиться.
- Почему?
- Потому что Виктория только что уволилась.
- Хелен, мне жаль, что...

— Будешь сожалеть еще сильнее, если не сделаешь свою работу. Виктория ушла. Перешла к нашим конкурентам. Они публикуют историю о девушке Сента, тайно работающей, чтобы разоблачить его. Они хотят нас опередить.

— ЧТО? — я замираю.

— Так что, как ты понимаешь, если уволишься сейчас, то все твои коллеги вскоре будут уволены. «Эдж» не выдержит этого последнего удара и закроется навсегда. Хочешь жить потом с таким грузом, Рейчел? В двадцать три года хочешь жить с такой ношей на плечах? Я просила у тебя только одного. Одного. Сделать свою работу.

— Хелен, — умоляю я.

— Если ты думала, что сможешь отступить и все забудется... не выгорит. Уже к следующей неделе твой бойфренд обо всем узнает. Если ты думала, что сможешь оправдать себя в его глазах, принеся в жертву «Эдж»... — она вздыхает и отворачивается. — Ты просчиталась. Виктория опубликует все, что смогла раздобыть у нас в системе, техник поймал ее на копировании материалов с твоего стола, Рейчел. Ты хотела голос, чтобы быть услышанной? Он у тебя есть. Статья должна быть в моей почте к понедельнику, чтобы постараться выпустить материал раньше них. Если хотим попытаться спасти журнал, то нам нужна статья, и нужна *сейчас*.

\*\*\*

Единственное, что я слышу, пока покидаю «Эдж», пока собираю свои заметки, которые Виктория возможно скопировала, забираю свою сумку, выключаю компьютер, спускаюсь на лифте вниз... единственное, что я слышу, это собственный голос, когда я говорю Малкольму, что не Interface был целью моего расследования.

А он.

\*\*\*



Я прихожу в себя на улице. Иду в никуда, лишь бы идти. Как долго я уже смотрю на имя *Грешник* в контактах телефона? Не знаю. Ветер бьет по щекам. Пальцы, держащие телефон, замерзли. Я иду... иду в никуда.

Я смотрю на имя Грешника и понимаю, что этот контакт я набирала последним.

Сейчас начало двенадцатого, у него полно дел в «М4», а еще запланирована поездка в Нью-Йорк, но я нажимаю кнопку вызова, подношу телефон к уху. Даже не знаю, что скажу. Только то, что мне необходимо услышать его голос.

Он отвечает, ощущение, что его губы находятся так близко к динамику, словно он в окружении людей и не хочет, чтобы слышали другие.

— Привет.

Боже помоги, его голос никогда не перестанет оказывать на меня такое влияние.

Глаза закрываются, когда искорки пробегают по всем нервным окончаниям от макушки до кончиков пальцев. Он уникален. Забавно, что все считают его целенаправленным, человеком действий, а не слов.

Окружающих это захватывает, хотя сами они с охотой только и делают, что обсуждают его, не жалея слов.

А теперь и Виктория расскажет о нас.

— Привет, — шепчу я торопливо, помню, что ты занят. Просто хотела услышать твой голос. — Я останавливаюсь, опираюсь на фонарь, чувствуя, как заливаюсь огненно-красным румянцем, опускаю взгляд вниз, на ноги и трещинки в асфальте. — В котором часу ты улетаешь?

— Сразу, как закончу здесь, не позднее, чем через два часа.

Он ждет целый удар сердца, будто ожидая, что я объясню, зачем звоню.

— Что-то случилось на работе? — спрашивает он.

— Просто хотела тебе позвонить. Входит в привычку, не так ли?

— Я не жалею, — слышно, как он улыбается. — Но у меня тут люди ждут.

— Конечно. Вперед, на завоевание мира. Даже круче, за получи Луну!

*Сейчас не время для этого разговора, Рейчел. Просто попрощайся, попрощайся и попроси о скорой встрече.*

— Сообщи, когда вернешься, ладно? Я надеялась, что мы сможем поговорить.

— Конечно.

— Пока, Грешник, — шепчу я.

— Пока.

Мне потребовалась минута, чтобы оглянуться по сторонам и понять, где я нахожусь. И теперь я знаю, где. Я потерялась.

Потерялась и не могу найти дорогу домой.

\*\*\*

Я лежу в постели, сна ни в одном глазу, когда телефон на тумбочке вибрирует, на экране высвечивается, что номер не определен. Уже почти полночь, я не хочу отвечать, но все же беру трубку, и в ту же секунду слышу.

Голос Сента с хрипотцой, густой, низкий, прорывается сквозь гул моторов самолета.

— Что... — я прокашливаюсь, окончательно просыпаясь. — Я думала, ты в самолете.

В его хриплом шепоте слышна улыбка.

— Так и есть.

— Ну конечно, — стону я. — На твоём самолете есть телефон. Что еще? Обнаженные стюардессы?

— Уверяю тебя, они в идеально сидящей форме.

— Ах, значит это *ты* раздет, — я дразню его.

Будучи окруженной темнотой своей спальни, его голос для меня... это все.

Его голос, его тихий смех.

Слыша его, я не могу перестать улыбаться.

— Рада, что забавляю тебя, — говорю я тихонько.

— Да, я тоже рад.

Моя очередь хихикать.

Но в этот раз Сент не подхватывает.

— Мы договорились о неделе? — спрашивает Сент.

— Недели на... — на мгновение я теряюсь, но затем вспоминаю наш разговор на борту «Игрушки», разговор о нем... и обо мне. И я понимаю, о чем он говорит. — Ах, *это*, — жаркая волна накрывает меня, опускаясь все ниже, ниже, ниже, вниз до самых пальцев. — Да, об этом мы договорились, — признаю я.

— Как насчет прямо сейчас? — он удивляет меня этим вопросом.

Дрожь и вспышки молний проносятся по моим венам. Ощущение накрывает меня с головы до ног. Я пытаюсь подавить его, *неправильно* ощущать все это. Но не могу остановиться, не могу уменьшить его влияние

на меня.

— Куда же подевалось твои легендарные терпение и выдержка?

— Как насчет сейчас, Рейчел? — настаивает он.

Внезапно на меня наваливается чувство вины, моя неуверенность и страхи. Слова даются с трудом, когда я в темноте качаю головой.

— Со мной сплошные проблемы, Сент, — слова застревают в горле.

— Тогда будь моей проблемой.

Из меня вырывается печальный смешок, на мгновение я пугаюсь, что он превратится в рыдания.

— Ох, боже, — я делаю глубокий вдох, часто моргая, пытаюсь сфокусировать взгляд сквозь слезы. — Когда мы сможем поговорить об этом лицом к лицу?

— Когда я прилечу в Чикаго. В субботу. Остайся у меня.

Я киваю.

— Боже, мне нужно тебя увидеть, — я вытираю уголки глаз. — Мне нужно тебя увидеть, — говорю я, после чего смеюсь, чтобы скрыть, как сильно дрожит мой голос и как отчаянно сильно мне хочется выплакаться и рассказать ему обо всем. — Мне правда нужно увидеть тебя, Малкольм.

— Я пришлю тебе фото.

Он подшучивает надо мной?

Так и есть, и мне это нравится, и всегда нравилось.

— Сент! — хорошо, что мой голос не сломался в эту секунду, потому что все остальное во мне определенно сломлено.

Я слышу, как он смеется, голос низкий, раскатистый.

Хуже всего то, что я же слышу — ему нравится разговаривать со мной. Дразнить меня. Я сильно зажмуриваюсь, так же смакуя все это.

— Пока не вешай трубку, просто скажи что-нибудь длинное и важное. ... Скажи свое имя! Твое возмутительно длинное имя...

— Малкольм, — он выполняет мою просьбу. Затем, медленно продолжает. — Кайл, — затем, — Престон, — затем, — Логан, — затем, — Сент. — И, наконец, более серьезным тоном, — Я скучаю по тебе, Рейчел.

Я вытираю текущие слезы и прочищаю сжавшееся от эмоций горло, в попытке хоть что-то ответить.

— Окей.

— И это весь ответ? — смеется он, не веря своим ушам, очевидно.

— Я люблю тебя, — говорю я. Меня накрывает эмоциями и я повторяю. — Я люблю тебя, Сент, — и, прежде, чем он может ответить, я вешаю трубку и прячу лицо в ладонях.

О боже. о боже о боже, я только что сказала это. И понятия не имею,

какой эффект произвела! О БОЖЕ.

Дрожа от адреналина, я кладу телефон на тумбочку и смотрю на него пару минут.

Что. Я. Только. Что. Сделала?

\*\*\*

Падая обратно в постель, я чувствую смесь восторга и ужаса, и... неверия. Что ж, я правда сказала «я люблю тебя» мужчине, впервые в своей жизни. Вот так просто — бам! — по телефону. Малкольму Сенту.

Должно быть, ему кажется это глупым.

Я, должно быть, кажусь такой... *aaaa!* Глупой!

Почему ты не могла подождать с этим разговором до встречи, Рейчел? Почему?

Вот бы увидеть его лицо, его выражение. Он, наверное, потерял дар речи. Был потрясен. Не ожидал ли он это услышать? Был ли рад? Или не особо? Да хоть бы узнать, *смеялся ли он?* Или хмурился? Был в замешательстве? Твою ж налево, что я *натворила?*

Так я и лежу некоторое время, в состоянии полнейшего шока, в его рубашке, тело жаждет его прикосновений, околдованная его взглядом, прокручивая в голове нашу последнюю встречу, то время, когда мы были вместе и все, что было между. Парализованная от ужаса при мысли о том, что могу ПОТЕРЯТЬ ЕГО прежде, чем и правда стану его девушкой.

«Клейм...» — я вспоминаю его слова.

«Я единственный ребенок...»

«Ты идешь или мне отнести тебя?»

Мысли о нем переполняют меня.

Воспоминаниями о том дне в «Айсберге», когда я почти могла поклясться, что при виде меня он перестал дышать.

Тем, как он целовал уголок моих губ, прежде чем это переходило в серьезный поцелуй.

Тем, как он спас слона.

Тем, как спас меня.

Тем, как кормил меня виноградом.

Тем, как он открылся мне.

Прошу, вернись в Чикаго и позволь мне все объяснить, рассказать, почему я не заслуживаю тебя... дай мне свой совет. Со всей свойственной тебе мудростью, посоветуй мне, что делать дальше. Прежде всего, мне

стоило прийти к тебе. Мне стоило поверить, что ты поможешь, ведь ты всегда помогаешь, я никогда так не доверяла ни одному мужчине.

Я слышу, как жужжит мой телефон, читаю смс:

От Грешника: «Приму это за согласие»

## Глава 28

# ИСКРЕННОСТЬ И ВЕРНОСТЬ

— Проснись, Ливингстон.

Я зарываюсь лицом в подушку, пока кто-то, очень похожий на Джину, продолжает стучать в мою дверь. Я стону «я надеру тебе задницу, как только выберусь из постели».

— Будешь слишком занята.

— Чем занята?

— Рейчел, чертова дверь заперта.

— И что?

— То! Открой ее!

Хмм. Я так не думаю. Моя жизнь — полнейший бардак, и мне нужно все исправить, но прежде - придумать, как это сделать. Единственная оставшаяся отдушина — мысли и воспоминания, воспоминания о наших с ним разговорах пару ночей назад. Мне снилось, что он что-то сказал, а я *что-то* сказала в ответ... а затем я вспоминаю, что так и было, я правда сказала ему, что люблю его.

Черт.

— Реей-чееел, — ноет Джина. За нитьем следуют сильные удары в дверь. — Открывай, Ливингстон. Ты должна это увидеть!

— Сегодня я ничего не хочу видеть. Я встречаюсь с Сентом, когда он вернется из Нью-Йорка и мне нужен хороший восстановительный сон, ясно? До субботы, — ворчу я, но, когда она продолжает колотить в дверь, я сползаю с кровати и распахиваю дверь, после чего тороплюсь вернуться под теплые покрывала. — Ну что там?

Уинн и Джина забираются ко мне на кровать.

Уинн тоже здесь?

Меня настораживает наступившая тишина, пока Уинн идет распахнуть шторы и возвращается обратно. Их взгляды... не предвещают ничего хорошего.

От страха внутри меня все холодеет.

— Что?

Одно лишь выражение их лиц запускает тревогу в моей голове. Спрыгнув с кровати, я открываю свой ноутбук, начинаю пролистывать

новости, а в голове лишь «нет, нет нет *неееееееееет*»

За пару мгновений появляются десятки новостей со словами «разоблачение», «прикрытие», «ложь» и «предательство», все связаны с Грешником, моим обожаемым Грешником и мной.

— Рейчел, о тебе пишут во всех сайтах со сплетнями, — говорит Уинн. А новости все продолжают появляться. Одна за другой.

— Кликни сюда, — Джина показывает на ссылку.

У меня никогда в жизни так сильно не тряслись руки, я с трудом управляю тачпадом. Я еле-еле направляю курсор на ссылку, ведущую на сайт, и мое сердце уходит в пятки. Я вижу имя Виктории в строке с именем автора статьи и понимаю, что они сыграли на опережение, выпустив ее статью в блоге прежде, чем опубликовать в бумажной прессе.

Я не могу видеть сквозь слезы.

— Вот СУКА! — кричит Джина.

Словно кто-то другой говорит от моего имени, а я лишь безмолвно шевелю губами, я слышу свой голос: «Она сделала, что должна была. Она, так же, как и я, жаждала успеха». И, пока я говорю, слезы продолжают литься из глаз.

— Да пошла она на хрен! — кричит Джина

Я начинаю читать.

**«ОБМАН: Новая девушка Малкольма Сента на самом деле журналист под прикрытием!»**

«Если вы ждали прояснения слухов о самых неожиданных «любовных отношениях», затронувших одного из известнейших холостяков, то будьте готовы к еще большему шоку, потому что я выпущу кота из мешка. Вернее, киску, претворившуюся девушкой Малкольма Сента...»

Я не могу продолжать читать. Каждое слово теперь доступно Малкольму. Каждое язвительное слово, будто киношная Сплетница ожила и теперь рушит весь мой мир.

Потоку моих слез не видно конца.

— К этому моменту он наверняка уже все прочел, божемой.

— Рейчел, успокойся...

— Ты не понимаешь! Искренность и верность для него особенно важны! Ему это так важно... я не могу. — Я закрываю лицо руками, начиная задыхаться. — Меня сейчас вырвет.

— Рейчел, — они пытаются меня успокоить, вдвоем обнимают меня за плечи, но я далека от спокойствия.

Мой телефон разрывается. Я судорожно вдыхаю, но стоит замолчать мобильному, как начинает разрываться городской. Джина поднимает трубку

на кухне и кричит мне «Рейчел, это Хелен».

Не получив ответа, она машет трубкой в воздухе.

— Хелен звонит.

— Не говори с ней, — шепчет Уинн.

Джина прикрывает микрофон рукой.

— Аллё, Уинн! Она же ее НАЧАЛЬНИЦА.

Я знаю, чего она хочет, что она скажет. Я выхватываю трубку дрожащими руками, пока остальное тело деревенеет. Я разочаровала всех своих близких и знакомых.

— Ты уже видела? — спрашивает она.

Я не могу ответить.

Хелен горестно вздыхает.

— Пора возглавить этот похоронный марш в нашу честь. Садись за работу.

Едва я успеваю повесить трубку, как Джина подносит мой мобильный, глаза широко распахнуты, выражение лица сочувственное.

— Это твоя мама.

Со стоном отчаяния, я смотрю на Джину взглядом, говорящим «помоги мне!» Что я ей скажу? Что ж, давай прикинем. Что я потеряла голову (и сердце). Что я потеряла мужчину, которого полюбила прежде, чем набраться смелости и признать наши отношения. Что я почти собственноручно отдала свою статью коллеге. Что я скорее всего, если только не возьму себя в руки, потеряю еще и работу.

Что я утратила свой путь. Понимание того, что хорошо, а что плохо. Утратила себя и не знаю, чего хочу...

— Привееетик, моя приемная мамочка! — Джина наконец отвечает за меня. — Да! ДЖИНА! О... Рейчел? Она слишком занята написанием статьи, которая разотрет ту, другую журналистку в пыль. О, да ладно! Всего-то статья в блоге! Статью Рейчел напечатают НА БУМАГЕ, а это более весомый формат... — она ударяется в лирику, вешая лапшу моей маме, пока я возвращаюсь к компьютеру и захожу на страницы Сента.

Я просматриваю некоторые фотографии.

Вот и он.

На фото он выходит из «роллса», направляясь в «М4». Еще одно фото, где он *показывает палец фотографу*.

Его взгляд прикрыт темными очками-авиаторами.

Он выглядит стильно и властно, когда вот так выходит из машины и дает отпор репортеру. Подпись под фото гласит: «Вот, что ответил Малклом Сент репортеру на вопрос, что он думает о своей девушке».



Сент вернулся в Чикаго. Вернулся из поездки. Чтобы узнать обо всем вот так.

Его отметили на фото. Его буквально ЗАВАЛИЛИ отметками и упоминаниями.

@malcolmsaint Ты заслуживаешь большего, чем эта конченная идиотка!

— Я собираюсь поговорить с ним.

Я забегаю в свою спальню и как можно быстрее переодеваюсь в пару черных брюк и деловую белую блузку на пуговицах. Собрав волосы в хвост и, не смотря на уговоры Джин и Уинн остаться, беру такси и еду в «М4».

Я прохожу по идеальному лобби. Если мне в первый раз казалось сложным поговорить с секретарем за столом, то сейчас это кажется реально болезненным процессом.

Я знаю, что они в курсе произошедшего, видно по их взглядам.

Мой пульс в опасно высокой зоне. Не представляю, что будет, когда я его увижу.

— Пожалуйста, Рейчел Ливингстон пришла к мистеру Сенту.

Спустя несколько ударов сердца, до меня доходит, что ни одна из секретарей не желает мне отвечать.

— Нам очень жаль, — наконец отвечает та, что сидит посредине, с маленьким аккуратным пучком волос. — Но мистер Сент только что приехал, у него полно дел.

— Да, я знаю, — не верится, какой спокойный у меня голос, учитывая, в какой клубок сплелось все у меня внутри. — Я подожду.

— Мисс! — зовет она, когда я направляюсь к лифтам. — Сегодня никого не пускают наверх без предварительного допуска.

В замешательстве я останавливаюсь посреди лобби.

— О, — я в замешательстве, замечаю, что холл перед лифтами и правда сегодня пустой. — Тогда я подожду здесь, — я стараюсь сохранять спокойствие, пока возвращаюсь обратно к секретарям. Сент отменил все встречи, не смотря на «загруженность»? Я чувствую растущее беспокойство из-за этого. — Только прошу вас, передайте, что Рейчел Ливингстон очень хочет с ним увидится. Это безумно важно.

— Как я и сказала, у него безумно много дел.

— Я подожду, — отвечаю я спокойно, но уверенно.

Я направляюсь к одному из диванов у окна. Усевшись, жду, ощущая холод, вспоминая о разверзнувшемся шторме слухов онлайн. Я нервно ерзаю, наблюдая за лифтами и машинами на улице.

На улице пара-тройка человек пытается незаметно делать снимки здания. Им тоже нужен кусочек Сента? Во мне растет раздражение. Раздражение, беспомощность и отвращение к самой себе за то, что стала причиной всего этого. Спустя мгновение ко мне подходит секретарь, позади нее держится угрожающего вида охранник.

Я медленно поднимаюсь на ноги.

— Мне жаль, но мы не можем позволить вам остаться здесь, — говорит секретарь. — Он занят, только вернулся в город. — Я вижу гнев в ее взгляде. Мое внимание переключается на крупного мужчину и... я поверить не могу, что они послали охранника. Не могу поверить, что он приказал им выставить меня отсюда.

— Скажите ему, что я заходила, — бормочу я. После чего, к их обоюдной радости, сама выхожу из здания, волосами прикрывая лицо, чтобы остаться не узнанной. Хорошо, что мои волосы так же способны прикрыть выражение полного отчаяния на моем лице. Я иду прямо домой, где Джина и Уинн ждут меня прямо у двери.

— Как все прошло? — Джина подхватывает меня под руку и усаживает на диван.

Я все еще не могу говорить, не веря в произошедшее. Мне требуется минута, чтобы ответить.

— Он закрылся. Я не смогла увидеть его. Они... меня выпроводили наружу.

— Что? — вскрикивает Уинн в гневе.

— Ты же сама говорила, что его сотрудники полностью верны своему боссу. Конечно они станут горой за своего Сента, — добавляет Джина.

— Но он разве не знал, что Рейчел пришла? — спрашивает Уинн.

Они начинают спорить, был ли Сент в курсе того, что я пришла и он ли заставил сотрудников меня выгнать, но не вступаю в дискуссию. Я чувствую все больше отчаяние, поглядывая на телефон. Мой замолчавший телефон.

Закрывшись в спальне, я звоню ему на мобильный, расхаживая по комнате, когда оставляю сообщение.

— Ээээй. Привет... ты бы не мог, пожалуйста, перезвонить мне? Мне нужно поговорить с тобой. - Я сбиваюсь, не знаю, что еще сказать, мысли путаются.

— Малкольм... — я замираю, но голос срывается, я кладу трубку. Я вытираю слезы и перезваниваю. — Мне жаль, — шепчу я. Никогда еще я так сильно не хотела услышать его голос. — Я хотела сказать, что... не знаю... просто хотела услышать твой голос, — я раздумываю, что еще

сказать, когда время голосового сообщения заканчивается.

Я снова набираю его номер.

— Ты ценишь правду и верность, и я... я должна поговорить с тобой, Малкольм, ты должен позволить мне объяснить. Хотя бы это, позволь мне объяснить.

\*\*\*

Меня это убивает. Я не могу спать. Не могу есть. В груди все сжимается, я буквально не могу дышать. В этот раз не от восторга. Я надеялась, что он свяжется со мной, продолжала ждать, что он ответит.

Я рываюсь в спальню Джини.

— Думаешь, все кончено?

Она садится в кровати.

— Ты меня до чертиков испугала. Я решила, что к нам проникли!

— Думаешь, все кончено? Мы не разговариваем и это дерьмо творится, значит все кончено. Так? Кого я обманываю. Я даже не была его настоящей девушкой. Ни дня. Нечему кончаться, — я грустно смеюсь, сопротивляясь слезам, борясь с муками совести и отчаянным желанием увидеть его.

— Мне очень жаль, что такое случилось с тобой, но Сент сильный мужчина. Когда Пол предал меня, я не могла смотреть на него, даже на его вещи. Он уничтожил меня. А это... это ведь все приобрело публичную огласку, Рейчел. Как бы *ты* себя чувствовала на его месте? Если бы он учудил что-то такое, подставил тебя? Дай ему время осознать все сказанное. Возможно, он просто ищет всему логическое объяснение.

Может ему просто нужно посчитать до четырех, думаю я про себя.

— Мне нужно подождать...

В одно мгновение я стараюсь мыслить позитивно, убеждая саму себя, что мне еще представится шанс объясниться, в другое я уже в горестном отчаянии. Еще мгновение - я становлюсь огромным клубком сожалений. Воспоминания о тех редких моментах, когда он полностью открывался передо мной, заставляют меня с еще большей одержимостью желать быть с ним прямо сейчас, объяснить ему все. Загладить все. Прикоснуться к нему. УМОЛЯТЬ его прикоснуться КО МНЕ.

— Рейчел, что будешь делать со своей статьей? — спрашивает Джина, волнуясь за меня.

В руке, на экране телефона, вот уже в тысячный раз я рассматриваю

фотографию, на которой он только приехал в «М4» из своей деловой поездки. Он выглядит как настоящий первоклассный миллиардер... но он показывает средний палец тому, кто снял это фото. Все это стекло и технологии позади него, а он, в этом убийственном костюме, темноволосая голова наклонена, взгляд спрятан за очками. *«Без комментариев»*, написано под фото. Но жест говорит о многом.

## Глава 29

# СБОР ИНФОРМАЦИИ

Спустя некоторое время я захожу в свою спальню и стою, в носках и его рубашке, уставившись на свой ноутбук.

Вздыхнув, я отношу его и коробку из-под обуви, наполненную своими записками, на маленький коврик перед кроватью. Я сажусь по-турецки и принимаюсь изучать свои заметки, одну за другой. Заметки о нем.

*«Искренность и верность»*, написала я.

Черты, которые он так ценит в своих друзьях. Черты, которые он, возможно, никогда не найдет в женщинах, которые сходят по нему с ума. Искренность и верность...

Только об этом я и могу писать. Все остальное слишком личное, чтобы этим делиться.

*Только искренность и верность.*

Вещи, которые Сент ценит выше любви.

*«То, что он не найдет во мне.»* Фраза, написанная позади этой карточки, мой почерк, я говорила о себе.

**Я ТАААААААК КРУПНО ОБЛАЖАЛАСЬ.**

Он тогда стоял, говоря о правде и верности, пока я сидела, тронутая всем, о чем мы говорили, зная, что влюбляюсь в него, не в состоянии это остановить.

И все равно, я делала заметки. Изучала его, как лабораторную крысу. Словно он не человек. Словно им управляют не те же самые вещи, что и остальными — сердце, разум, тело, гормоны. Словно ему не нужны воздух и вода, а может и любовь. Словно он был роботом, которого нужно было разобрать и изучить, на потеху всему миру.

Ну правда? Какая разница, что он был с тысячей и одной женщинами? Какая разница, что по нему сходит с ума весь город, а теперь еще и я? Он человек. Он имеет право на то небольшое личное пространство, что у него есть. Он *чертовски* закрыт, редко кого подпускает к себе, теперь я понимаю, что виной тому желание окружающих постоянно осуждать и изучать.

Слезы наполняют глаза и внезапно хватаю заметки и начинаю их рвать, одну за другой. Так я потом и лежу в этих обрывках, и плачу. Затем

смотрю на весь этот беспорядок. Что я натворила? *Боже.*

Если я хочу спасти журнал, мне нужно что-то написать.

Я делаю вдох и выдох.

— Рейчел? — слышу, как зовет Джина.

Она заглядывает в комнату и оценивает весь этот бардак, порванную бумагу и меня. Так же разрушенную, как и эти заметки.

— Ох, Рейчел.

Я начинаю плакать.

— Я должна это написать.

— Рейчел, скажи ему правду. Скажи ему правду. Если он вообще знает тебя, то он поймет.

— Что? Что я обманщица?

— Скажи ему, что любишь его, — говорит она.

— Ему не нужна моя любовь. Он ценит... правду и верность, качества, которыми я не обладаю.

— Ты обладаешь ими в достатке. Ты верна и честна со всеми.

— Но не с *ним*.

— Тебе стоит поговорить с ним начистоту. Заставь его увидеть все твоими глазами. Возможно, у тебя получится добиться всего.

— Кто вообще добивается всего желаемого, Джина? Никто. Вот так-то.

— Все же, мы все верим, что это возможно. Разве не это причина всего, что мы делаем? Мы хотим получить все. Так что напиши эту статью. А если ты все еще хочешь его, то добейся его.

Я задумываюсь.

— Я *правда* хочу его, — шепчу я, вытирая лицо тыльной стороной ладони. — По миллиону маленьких причин я понимаю, что никто во всем мире не будет оказывает на меня столь же невероятный эффект, как он. Иногда я полностью теряюсь в его присутствии, не могу думать ни о чем, кроме него, — я вытираю глаза. — Он — единственный мужчина, о котором я мечтаю ночами, единственный, с кем я хочу просыпаться по утрам. Всех интересуют его слава или его деньги, но я люблю его не за то, что ему принадлежит, а за то, что он *завладел* мной...

— Ох, Рейч. Не плачь. Может для вас двоих еще есть шанс.

— Разве такое возможно? Он больше не желает иметь со мной ничего общего.

— Ему, блин, больно, Рейчел! Даже я это вижу, ведь нет *ни одной* фотографии за последнее время, где бы он не прятал взгляд за очками. В этом взгляде, должно быть, настоящий ад творится! Мне самой не верится, что теперь я его жалею.

— Потому что в наших с ним отношениях я была Полом. Я была лжецом.

— Пол играл со мной. Ты же никогда не играла с ним. Твои чувства были настоящими.

Я стону, пряча лицо в ладонях. Вспоминаю, как Хелен с самого начала предупреждала меня. Говорила, что я слишком молода, чтобы играть со взрослыми. Я всего этого не предвидела. Она была права. Я совсем не была к этому готова.

Но я беру протянутый Джиной бумажный платочек, вытираю слезы, подключаю ноутбук, запускаю его и пишу, выплескивая все свое сердце в тексте.

\*\*\*

В день, когда я включила ноутбук, Хелена предупредила меня, что почтовые сервера «Эджа» переполнены гневными письмами, направленными ко мне, так что она порекомендовала мне недельку поработать из дома.

В день, когда моя статья вышла, я не вылазила из постели. Не отвечала на звонки. Мама заходила, но в результате говорила только с Джиной, потому что я не хотела, чтобы она видела меня в таком состоянии. Я слишком расстроена, чтобы притворяться, она слишком хорошо меня знает. Прежде, чем уйти, она говорит мне «Пойду рисовать».

Говорит, что мне тоже стоит. Говорит, что я могу пойти и заняться чем-нибудь, что люблю.

Но тот, кого я люблю, ненавидит меня.

\*\*\*

**Twitter:**

Ты читал статью своей девушки? @malcolmsaint

**В его Instagram:**

Нифига @malcolmsaint не даст этой сучке еще один шанс!!

**А в феминистически настроенных группах:**

Рейчел Ливингстон — наш герой! Месть всем плейбоям! Хотите играть нашими сердцами? Берегитесь, что ваши слабости тоже обнаружат. Месть сладка!

\*\*\*

Позже на той неделе я набираюсь достаточно сил, чтобы выползти из постели и сходить на работу, и меня мгновенно зовут в офис Хелен.

Между нам напряжение. Хелен была не рада, прочитав статью. Она сказала: «Это не то, что я просила».

— Не то, — соглашаюсь я.

Но Хелен все равно приняла и опубликовала статью.

Сегодня я удивлена тому, что она, кажется, рада меня видеть, искренне рада.

— Вот так цирк там происходит, — говорит она мне, подзывая, махая рукой из-за заваленного бумагами стола.

— Я не выхожу в интернет. Можешь ли ты меня за это винить?

— Нет. Но позволь ввести тебя в курс дела, — она указывает на стул напротив своего рабочего места, но я остаюсь стоять. — Твой парень, — начинает она с нескрываемой радостью в голосе, — прикрыл статью Вики. Теперь ее нельзя репостить без серьезных юридических последствий, — она бросает на меня взгляд, полный уважения и восхищения, добавляя, — Если ты утратила нить беседы после фразы «твой парень», — она радостно смеется, — Малкольм Сент изъял любые печатные копии поста Виктории, а еще удалил пост из блога, — она медленно кивает.

У меня глаза лезут на лоб.

— Что? — речь наконец-то возвращается ко мне.

— Статья Виктории. Теперь права на нее принадлежат твоему бойфренду. Ее больше нельзя публиковать, нельзя без его согласия.

— Что? Но как?

Она пожимает плечами и откидывается на кресле, вызывая небольшой скрип колесиков.

— Похоже Сент не желает, чтобы она существовала.

Божемой, он заставил статью Виктории *исчезнуть*?

— Если он изъял статью Виктории, то почему не поступил так же с нашей? Почему не изъял мою? — *Почему он не прочел мою?!*

Мое сердце сжалось, словно кто-то схватил его в кулак. Дышать тоже становится невыносимо.



— Похоже, тебя он не ненавидит настолько сильно, — она буднично пожимает плечами, но останавливается, когда замечает (наконец-то замечает), что я разбита. Что мои волосы в беспорядке, мое лицо в беспорядке, я вся сплошной беспорядок. — Возможно, ты *правда* ему нравишься, Рейчел, — говорит она спокойно. — Я была впечатлена, знаешь? И не только я. Мир тоже под впечатлением. Его не видели... в сопровождении сама понимаешь кого, — она отрешенно постукивает карандашом по столу, не сводя с меня взгляда. — Но на днях он прыгал с парашютом. Можно подумать, что ему жить надоело или требуется выплеснуть адреналин из организма способами, отличными от обычного.

Я едва слышу ее. Мне нужно уйти. Из «Эджа», от нее, из этого офиса.

— Хелен, ничего, если сегодня я поработаю из дома?

Хоть и с неохотой, но она соглашается. Я иду за вещами к своему столу, ледяной холод проникает до костей.

Сент прыгает с парашютом.

Сент покупает статью Виктории.

Сент считает, что я предала его.

\*\*\*

Выйдя на улицу в обед, я останавливаюсь возле книжного киоска, с его полок на меня смотрит один оставшийся экземпляр нашего «Эджа».

— Вы уже читали? — мужчина за прилавком смеется и присвистывает. — Эта журналисточка позволила парню забраться глубоко себе в трусики.

Я скидываю голову, готовая наорать на продавца. Вместо этого я зависаю, рассматривая фото Сента, которая Хелен использовала для обложки — эти холодные зеленые глаза смотрят прямо на меня. Так что да, этот мужик прав. Я *правда* позволила Сенту забраться к себе в трусики. Не только в трусики, в душу и тело. В свою жизнь.

Никого не касается, как сильно я скучаю по нему.

Я хочу его поцеловать.

Хочу его сжать. Руками. И бедрами. Всем телом, пока не СЛОМАЮСЬ или пока он меня не сломает, и я совершенно не против, если только это означает, что он будет со мной.

— Вот и умница, — наконец шепчу я, от эмоций перехватывает горло. — Думаю, возьму его с собой домой.

Я покупаю журнал только лишь из-за фотографии Малкольма на обложке. Классический галстук, идеально стоящий воротник, густые

ресницы, ледяной взгляд, который так и просит, чтобы его согрели, который сбивает меня с ног. Удивительно, как легко эти ледяные глаза могут растопить меня.

Я сажусь на скамейку, кладу журнал на колени и вожу кончиками пальце по его глазам, в тысячный раз задаваясь вопросом, прочтет ли он то, что я написала ему.

## Глава 30

# ПОСЛЕ БУРИ

Все кончено.

Не было дождя или грозы, когда между нами все закончилось. Закончилось все так же, как и началось. Не было никаких вспышек света, которые бы сказали мне, что я влюблюсь, что встречу единственного мужчину, который бросит мне вызов, сведет меня с ума. Теперь все закончено, мой проект готов. Завершен.

Распорядок дня вернулся в норму. Я все так же просыпаюсь по утрам. Хожу на поздний завтрак с подругами по выходным. Навещаю маму по воскресеньям. Мой мир снова стал обычным, почти таким же, каким был до того, как я написала статью. Я и не осознавала, каким блеклым был мой мир. Я боюсь однажды увидеть в газете его фото... с какой-то девушкой. Или с тремя.

Приступы рыданий все еще невыносимы. Вот так выходишь куда-то, чувствуешь запах вина и ууупс, начинаешь шмыгать носом. И даже не думайте говорить со мной о слонах, я тут же оказываюсь на грани отчаяния. Но страх пропал. Ты боишься выйти на улицу, но вот ты уже там, бросаешь вызов вселенной или умоляешь ее дать тебе шанс оправдать тот факт, что ты дерьмово чувствуешь себя сегодня. Джина всегда готова дать мне бумажный платочек.

Некоторые из моих коллег.. скажем так, некоторые из них завидуют мне.

— Вот бы меня подослали к Малкольму Сенту, — как-то сказала мне Сэнди, моя коллега, из-за всех тех предложений о работе, которые мне поступили, но, самое главное, потому что «так круто, когда тебя катают на яхте и вот так преследуют...» (цитируя ее мечтательную речь).

— Ну, колись, давай, секс был потрясающим?! — спрашивает Валентайн.

Думаю, они пытаются меня взбодрить... но это невозможно.

Я продолжаю подглядывать за его публикациями в Twitter. Не могу удержаться, хочу знать, как он там. Но, не смотря на то, что медиа сейчас более одержимы им, чем когда-либо, сам Сент... ведет себя тихо.

Его спрашивали обо мне, и репортеры в прямом эфире, и в интернете.

Он говорил «без комментариев» или вообще игнорирует расспросы. Так же, как игнорирует меня.

—Все равно долго бы эта связь не продлилась, — убеждает меня Джина, замечая, что я в депрессии. — Это была интрижка. Он неисправимый бабник.

Но меня убивает, что я все равно уже никогда не узнаю, как бы оно было. Не узнаю, серьезно ли он говорил, когда называл меня «своей».

Я храню не отправленные письма, адресованные Сенту, мне не хватает смелости что-то сделать с ними, зная, что я не заслуживаю его времени.

Кому: Малкольму Сенту (черновик)

Статус: неотправлено

У меня еще тысяча таких писем, как и это, я их никогда не отправлю. Мне просто нужно тебе писать.

Прошу, прости меня.

Ты хоть иногда думаешь обо мне?

Чур, твои губы мои, и твои глаза, и твои руки, и твое сердце. Даже твое упрямство, потому что я его заслуживаю. Даже твой гнев, я хочу всего тебя. Чур, ты мой. Видишь, #ятожежадина!!!

Джина говорит, раз она сумела пережить разрыв, то *и* я справлюсь с разбитым сердцем.

— Детка, я знаю, что это больно. Когда правда о Поле вскрылась, мне хотелось, чтобы меня сплющил метеор, и я могла спокойно умереть и перестать страдать.

— Боже, Джина, я знаю. Я лишь хочу один шанс.

Этим утром я смотрю через окно на улицу. Никаких больше сияющих «Роллс-Ройсов» по субботам, чтобы отвезти меня «куда угодно».

Не забавно ли? Что я все еще жду, надеясь его увидеть? Что каждое утро я просыпаюсь с надеждой. С надеждой на сообщение, смс, звонок, машину, шанс.

Перестань надеяться, Рейчел... к этому времени он бы уже прочел статью.

*Возможно, он прочел, но ему просто плевать, он не хочет говорить с тобой о своих чувствах по этому поводу.*

Я столько узнала о нем, пока мы были вместе, но я так и не узнала, способен ли он полюбить меня. Позволит ли ему гордость простить меня. Ищет ли он освобождения от боли, что я ему причинила, в объятиях других

женщин, или он замкнется в себе, так же, как и я. Я узнала о нем десятки вещей, но ничего, что облегчило бы мою участь сейчас.

Мы вместе спасли слонику, он ввязался в мой бой за более безопасный город, но единственное осязаемое, что у меня осталось от него — это его рубашка.

Его рубашка, которая, словно бесценный трофей, запечатана в пластик и лежит внутри коробки в дальнем углу моего шкафа, потому что мне невыносимо видеть ее. Сейчас я не могу надеть ее. Но иногда, в приступе меланхолии, я иду к шкафу, достаю ее, ослепительно белую и большую, такую безошибочно мужскую, особенно на фоне меня, а от ее воротника все еще исходит его аромат. В такие дни жалость к себе накрывает меня, требуется одна, две, три секунды и я начинаю думать о нем, так что требуется четыре. Четыре секунды, прежде, чем я позволяю сделать себе новый вдох.

## **РАЗОБЛАЧАЯ МАЛКОЛЬМА СЕНТА**

**Автор: Р. Ливингстон**

Я расскажу вам историю. Историю, которая меня уничтожила. Историю, которая вернула меня к жизни. Историю, которая заставила меня рыдать, смеяться, кричать, улыбаться и снова рыдать. Историю, которую я пересказывала самой себе снова и снова, и снова, пока не запомнила каждую улыбку, каждое слово, каждую мысль. Историю, которая, я надеюсь, останется со мной навсегда.

История началась именно с этой самой статьи. Это было обычное утро в «Эдже». Утро, в которое передо мной открылась серьезная возможность — написать разоблачительную статью о Малкольме Кайле Престоне Логане Сенте. Мужчине, не нуждающемся в представлении. Миллиардере и плейбое, обожаемом сердцеде, источнике стольких слухов. Эта статья открыла бы мне двери, дала бы молодому голодному журналисту голос, который услышат.

Я рванула в бой, сумев добиться интервью с Малкольмом Сентом, чтобы обсудить Interface (его невероятного нового убийцу Facebook) и его стремительно растущую популярность. Будучи столь же одержимой

персоной Сента, как и весь город был годами, я сочла себя счастливицей, которой досталось такое задание.

Я была так сфокусирована на обличении Малкольма Сента, что позволила своей защите пасть, не осознавая, что каждый раз, когда он открывался, он на самом деле обличал *меня саму*. Я начала мечтать о вещах, которых никогда раньше не хотела. Я была неудержима в попытках узнать больше об этом мужчине. Его тайну. Почему он так скрытен? Почему ему всего недостаточно? Вскоре я узнала, что он был не болтлив, но всегда использовал правильные слова. Человек действий. Я говорила себе, что каждая капля информации, что я добыла, была для статьи, но знания, которых я так жаждала, касались меня самой.

Я хотела знать обо всем. Хотела дышать им. Жить им.

Но самым неожиданным стало то, что Сент следовал за мной. Неотступно. Беззаветно. И неустанно. Я поверить не могла, что он может быть заинтересован во мне. Меня никогда так не добивались, никогда не интриговали. Я никогда не чувствовала такую связь с чем-то, с кем-то.

Я не ожидала, что моя история изменится, но она изменилась. С историями такое случается — ты начинаешь копать и узнаешь что-то совершенно иное. Я не пыталась влюбиться, потерять разум и рассудок из-за самых прекрасных зеленых глаз на свете, не пыталась сойти с ума от желания. Но в результате я нашла небольшой кусочек своей души, небольшой, но не такой уж и маленький. Выше метра восьмидесяти, с плечами в метр шириной, ручища вдвое больше моих, зеленые глаза, темные волосы, умен, амбициозен, добрый, щедрый, властный, сексуальный и полностью меня поглотивший.

Я жалею о том, что врала, и себе, и ему, я жалею, что мне не хватило опыта распознать свои чувства. Я жалею, что не берегла каждую секунду, проведенную с ним, потому что я ценю эти мгновения более всего.

Как бы то ни было, я не жалею об этой истории. Его истории. Моей истории. Нашей истории.

Я бы пошла на это снова, ради одного лишь мгновения с ним. Я бы сделала все это снова с ним. Я бы прыгнула вслепую, если бы был хоть 0,01%-ый шанс, что он все еще там, ждет, чтобы поймать меня.

## Глава 31

# ЧЕТЫРЕ

Суббота.

Четвертая, с тех пор, как все произошло.

В моей почте в папке «Черновики» все так же десятки писем, которые я никогда не отправлю ему.

Я все еще (даже больше, чем раньше) живу в стране «что было бы, если бы», и, поверьте, это весьма печальная страна. В почтовом индексе здесь сплошные утраты, вы вдыхаете сожаление с каждым вдохом, печаль просачивается всюду и от нее нигде не спрятаться.

Чаще всего на перемены людей подталкивают именно отчаяние и горестные муки.

Печаль обезоруживает, лишает сил. Гнев же, напротив, требует действий и воли. Но я не могу злиться, когда *сама* стала причиной своих невзгод.

Я проводила выходные у окна своей квартиры, пытаюсь заставить себя выйти наружу, но так и собралась.

Никому не позволяйте говорить, что ваша жизнь вернется в норму после урагана.

У меня тонны папок с фотографиями, которые я не могу открыть.

Номер, который я не могу набрать.

Рубашка, которую я не могу носить.

Имя, которое я не могу произносить вслух.

Воспоминания о глазах, которые буду преследовать меня вечно.

Я живу в страхе больше никогда не увидеть эти глаза. И в еще большем страхе от мысли, что я в них прочту, если увижу...

Хелен была недовольна, мол, она получила не то, что хотела.

Она сказала, что это было «любовное письмо, адресованное Сенту».

Но все мы знаем, что истории такими и есть. Истории меняются. Так же, как и люди. Мы меняемся, когда страдаем, когда берем, когда даем, когда любим. Когда теряешь объект своей любви, то твоя реальность навсегда меняется, обратной дороги нет. Тебе приходится строить более крепкие стены, изменить свои ожидания и ждать солнечного света.

Нигде нет такого солнечного света, как в Чикаго — оранжево-золотое

свечение переливается над зданиями, отражаясь в зеркальных окнах. Я наблюдала за рассветами и закатами, наблюдала за дождем из этого самого окна. Я наблюдала за тем, как Джина уходила, как мимо проезжали машины, не фокусируясь на том, какого они цвета, лишь на том, что ни одна из них не принадлежала ему.

Стоящий рядом ноутбук пикнул. Джина ушла на обед с Уинн, но я, кажется, все еще не могу найти в себе силы, чтобы начать работать.

Я пытаюсь работать над новой статьей. Статьей с хорошим материалом. О людях. Потерях. Надежде. И... прощении. Я наливаю чай, когда телефон вибрирует. Номера нет в списке контактов.

Я останавливаюсь, ставлю чашку, затем отвечаю.

— Мисс Ливингстон, это Кэтрин Улисс.

Я замираю.

*Личный ассистент Сента.*

— Вы слышите меня?

Мое сердце. Мое сердце готово буквально выпрыгнуть мне на колени.

— Да, я слушаю.

— Он бы хотел встретиться с вами в своем офисе.

Я закрываю глаза.

— Сказать ему, что вы отказались?

— НЕТ! Я... в котором часу? Я буду, — мои пальцы дрожат, пока я записываю время, а стоит положить трубку, как они принимаются нервно выводить какие-то каракули.

Весь мир начинает плыть, я заставляю себя опустить ручку. Смотрю на часы. На дату. На знак вопроса. Сердце. И имя *Малкольма*, которое написала вместе со всем остальным.

Я наконец-то увижусь с ним. Не представляю, что я скажу, откуда начну, как это вообще может сработать.

Я представляю, как целую его, набираюсь храбрости, чтобы сказать, что люблю его.

Я представляю, как, возможно, всплакну, потому что этот месяц был худшим за всю мою жизнь.

Я представляю его во всей красе и в груди тут же вспыхивает огонь, кровь кипит.

Его офис.

«М4».

Сент.



Я чищу зубы, принимаю душ, затем бегу к шкафу, распахиваю двери, рассматриваю свою одежду, надеюсь, что один из нарядов, правильный наряд, выступит вперед и закричит *НАДЕНЬ МЕНЯ, ОН НЕ СМОЖЕТ СКАЗАТЬ ТЕБЕ НЕТ В ЭТОЙ ОДЕЖДЕ!* Вместо этого перед глазами только рукава и ничего, *ничего*, подходящего для этого момента. В шкафу спрятана его рубашка. Я так любила спать в ней. Она окутывала меня, как его объятия, в ней мне снились самые лучшие сны, иногда даже эротические, даже когда проходило всего ничего с момента его настоящих объятий. Я достаю ее и смотрю на нее, мне ее так не хватало. Затем я снова прячу ее в секции с платьями.

Я выбираю что-то белое, белый свитер с высокой горловиной, пару светло-голубых джинсов, угги.

Я чувствую себя обнаженной, все мои стены пали. Я расчесываю волосы и наношу немного светло-персиковой помады. Смотрю на себя в зеркало, мои светло-серые глаза глядят в ответ, такие беззащитные, как никогда.

Потому что я собираюсь сказать ему правду, всю правду.

И я заслуживаю любую его реакцию.

В «М4» я захожу в лифт, дрожа.

Наша самая сложная эмоция, вшитая в наши тела, наши разумы, наши души, наши сердца.

К какой бы этнической группе вы ни принадлежали, каждый человек, в прошлом или настоящем, каждый в будущем, хочет почувствовать это. То, как я чувствую себя прямо сейчас, простая девчонка, которая надеется и мечтает, умирает от желания увидеть его, молиться, чтобы парень, которого она любит, любил ее в ответ.

Мое горло сжалось так сильно, что я не могу говорить, когда выхожу из лифта. Все четверо его ассистентов поднимают головы от компьютеров.

— Я... здесь, чтобы встретиться...

— Минутку, — отвечает мне Кэтрин.

Я стою здесь, размышляя, будет ли он пахнуть так же, как я запомнила, будет ли так же смотреть на меня. Будет ли он улыбаться или хмуриться, возненавидит ли меня до окончания времен, вообще, думает ли он обо мне. Скучает ли.

Если он сейчас со мной встретиться, то это уже и не важно. Все, чего я хочу, это взглянуть на него еще раз. Услышать его голос.

Наконец Кэтрин кладет трубку и кивает мне, подходя к двери и распахивая ее для меня. Я захожу в его кабинет.

Читайте продолжение в следующей книге о "Сердцеде" в группе [https://vk.com/real\\_raw\\_ripped](https://vk.com/real_raw_ripped)